

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ
международных
отношений

ISSN 2587–9669

Казанский вестник молодых учёных

Том 5
№ 2 / 2021

Казанский федеральный университет

КАЗАНСКИЙ ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

2021, т. 5, № 2

ISSN 2587-9669 (Print)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЁТСЯ С АПРЕЛЯ 2017 ГОДА

Размещается на платформах НЭБ-РИНЦ и Киберленинка

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО «КФУ»)

Адрес: ул. Кремлёвская, 18, г. Казань, Россия, 420008.

Тел.: +7 (843) 233-71-09.

Email: public.mail@kpfu.ru

Сайт учредителя: <https://kpfu.ru/>

Почтовый адрес: ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70309 от 10.07.2017.

Периодичность: 5 выпусков в год.

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008.

Тел.: +7 (843) 221-33-21.

Email: kvmukfu@mail.ru

Сайт журнала: <https://vmu.kpfu.ru/>

Дата выхода выпуска в свет: 22.10.2021.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Заказ № 12/8. Тираж 100 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета.

Адрес типографии: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, 420111, Республика Татарстан, Российская Федерация.

Тел.: +7(843) 233-73-59; 233-73-28.

Редакционно-издательская группа

Ответственный секретарь

Панченко Ольга Львовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Оператор сайта

Каримова Луиза Каюмовна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Ответственный за выпуск

Витоль Евгений Владимирович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Редактор

Мирасаров Мирсаид Пулатугли, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Распространяется бесплатно

© Казанский федеральный университет, 2021

Главный редактор

Мухаметзянова Ф.Г., д-р пед. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Заместитель главного редактора

Фахрутдинова А.В., д-р пед. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Шеф-редактор

Хайрутинов Р.Р., канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Председатель редакционной коллегии

Фахрутдинов Р.Р., д-р ист. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Алиева С.И., д-р ист. наук, доцент, Азербайджанский государственный педагогический университет им. Н. Туси, Баку, Азербайджан.

Анспока Э., д-р пед. наук, профессор, Латвийский университет, г. Рига, Латвия.

Белкин А.И., д-р психол. наук, профессор, координатор Израильского общества кросскультурной психологии, г. Тель-Авив, Израиль.

Боговарова В.А., д-р пед. наук, профессор, Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Российская Федерация.

Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Власова В.К., д-р пед. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Волов В.Т., д-р экон. наук, д-р социол. наук, д-р пед. наук, д-р физ.-мат. наук, д-р техн. наук, профессор Самарский научный центр РАН, член корреспондент Российской академии образования, г. Самара, Российская Федерация.

Зазнаев О.И., д-р юрид. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Имашева М.М., д-р ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Краснощеченко И.П., д-р психол. наук, профессор, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация.

Летяев В.А., д-р юрид. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Морозов А.В., д-р пед. наук, профессор, канд. ист. наук, Институт управления образованием Российской академии образования, г. Москва, Россия.

Сабирова Д.Р., д-р пед. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Садыкова Э.Л., д-р полит. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Ситдигов А.Г., д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Сыченкова Л.А., д-р ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Чошанов М.А., д-р пед. наук, профессор, Техасский университет в Эль Пасо, (США).

Юсупов В.З., д-р пед. наук, профессор, Московский гуманитарный университет, г. Москва, Россия.

Kazan Federal University

KAZAN BULLETIN OF YOUNG SCIENTISTS

2021, Vol. 5. No. 2

ISSN 2587–9669 (Print)

SCIENCE JOURNAL
PUBLISHED SINCE APRIL 2017

Located on the platforms NEB-RISC and Cyberleninka

Founder and publisher:

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan Federal University" (FSAEI of HE "KFU").

Address: 18, Kremlin str., Kazan, 420008, Russia.

Tel.: +7 (843) 233-71-09.

Email: public.mail@kpfu.ru

Website of founder: <https://kpfu.ru/>

Postal address: 18, Kremlin str., Kazan, 420008, Russia.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications .Certificate of Registration PI № FS 77-70309 - printed edition of 07.10.2017.

Periodicity: 5 volumes per year.

Editorial office address: 3, M. Mezhlauk str., off. 117, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Tel.: + 7 (843) 221-33-21.

Email: kvmukfu@mail.ru

Website: <https://vmu.kpfu.ru/>

Release date of publication on October 22, 2021.

Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation 100 copies. Order 12/8. Printed from a ready layout in the printing house of the Kazan University Press.

Address: 1/37, Professor Nuzhin str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Tel.: + 7 (843) 233-73-59; 233-73-28.

Executive Secretary

Olga L. Panchenko, Cand. Sci. (Sociol.), Ass. Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Site operator

Luiza K. Karimova, Cand. Sci., (Hist.), Ass. Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Release Officer

Evgeniy V. Vitol, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Редактор

Mirsaid P. Mirasrarov, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Distributed for free

© **KFU, 2021**

Chief Editor

Mukhametzhanova F., Dr. Sci. (Ped.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Editorial Director

Khairutdinov R., Cand. Sci. (Hist.), Associated Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Deputy Chief Editor

Fakhrutdinova A., Dr. Sci. (Ped.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Chairman of the Editorial Board

Fakhrutdinov R., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Editorial Board

Alieva S., Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Azerbaijan State Pedagogical University named after N. Tusi, Baku, Azerbaijan.

Anspoka Z., Dr. Sci. (Ped.), Professor, University of Latvia, Riga, Latvia.

Belkin A., Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Coordinator of the Israeli Society for Cross-Cultural Psychology, Tel Aviv, Israel.

Bogorova V., Dr. Sci. (Ped.), Professor, University of Management "TISBI", Kazan, Russian Federation.

Choshanov M., Dr. Sci. (Ped.), Professor, University of Texas at El Paso, (USA).

Imasheva M., Dr. Sci. (Hist.), Associated Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Krasnoshchechenko I., Dr. Sci. (Psychol.), KSU K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation.

Letyaev V., Dr. Sci. (Law), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Martynov D., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Morozov A., Dr. Sci. (Ped.), Professor, Cand. Sci. (Hist.), Institute of Educational Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation.

Sabirova D., Dr. Sci. (Ped.), Associated Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Sadykova E., Dr. Sci. (Polit.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Sitdikov A., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of RT, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Sychenkova L., Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Valeev R., Dr. (Hist.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Vlasova V., Dr. Sci. (Ped.), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Volov V., Dr. Sci. (Econom.), Dr. Sci. (Sociol.), Dr. Sci. (Ped.), Dr. Sci. (Phis.-Math.), Dr. Sci. (Techn.), Professor, Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russian Federation.

Zaznaev O., Dr. Sci., Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Yusupov V.Z., Dr. Sci. (Ped.), Professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

Афанасьев А.Ю., Ибисева Г.В. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ В ОТНОШЕНИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.	9
Афанасьева Д.А. ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В СЕВЕРОИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ (1969-1998 ГГ.)	16
Баженов Б.С. КЛАССИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЦИЛИНДРА КИРА И СОВРЕМЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	23
Базяева Д.Э., Шадрина Н.А. АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ЮДИФИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	30
Гарифзянов Р.Р. КОЛОНИЗАЦИЯ, ОСВОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮЖНОГО УРАЛА НА ПРИМЕРЕ Г. ТРОИЦКА	36
Гафаров А.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ С.С. УВАРОВА	42
Гафуров С.О., Норден Л.Л. ВЛИЯНИЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ НА ПОЛОЖЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (В СЕРЕДИНЕ XVII В.)	50
Глухова А.С., Шадрина Н.А. ОБРАЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ В ФИЛЬМЕ ДОМИНИКА СЕНА «ВРЕМЯ ВЕДЬМ» 2010 ГОДА	57
Епихин Р.И. ФРИДРИХ МАЙНЕКЕ (1862 – 1954 гг.). К ВОПРОСУ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ УЧЁНОГО	64
Ершова Г.Н. ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ ДОКУМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (1988–1995 ГГ.)	70
Ибагуллина Д.Г. ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ	77
Ильина М.П., Рунг Э.В. КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «СКИПЕТР» В ПОЭМАХ ГОМЕРА	83
Качан С.А. БОГ ГЕРОН И ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА В РИМСКОМ ЕГИПТЕ	89
Клюева А.И. МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВТОРОГО ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1611-1612 ГОДОВ КАК СИМВОЛ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА	95

Королёва А.А. КОНЦЕПЦИЯ ДЕКАБРИЗМА М.В. НЕЧКИНОЙ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ	103
Мезенцева А.И. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА	110
Михайлов А.Ю., Седов И.О. ИМПЕРИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КОНСТИТУЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ ЭТИХ ПОНЯТИЙ В ПОСТНАПОЛЕОНОВСКОЙ ЕВРОПЕ В 1816-1822 ГГ.	116
Муллина Д.Р., Шмелев Д.В. ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНИИ В МИГРАЦИОННОМ КРИЗИСЕ 2015 ГОДА	123
Назарова Ю.И., Шадрина Н.А. ТРАКТАТ БАЛЬДАССАРА КАСТИЛЬОНЕ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИФИКИ ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ ИТАЛИИ XV–XVI ВВ.	130
Онищенко Е.С., Рунг Э.В. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ГРЕКО-ВОСТОЧНОМ МИРЕ ПО СВЕДЕНИЯМ ГОМЕРА, ГЕРОДОТА И ПЛУТАРХА	136
Попович Е.О. НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	143
Рафикова А.Ш. СИМВОЛЫ ВЛАСТИ В ОБРАЗЕ ДЬЯВОЛА В ИСКУССТВЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	149
Тимачева А.Д. МИФОЛОГИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОШЛОГО В ПЬЕСАХ ГЕНРИКА ИБСЕНА	157
Хамидуллин Э.Э. ОБРАЗ ВРАГА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В «САГЕ О СВЕРРИРЕ»: МОРАЛЬНЫЙ, САКРАЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	163
Шадрина Н.А., Юртаев В.И. ПАМЯТНИК В.И. ЛЕНИНУ В СИЭТЛЕ: ПРОБЛЕМА «ПЕРЕНЕСЕНИЯ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	170
Юхимец М.В. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА МИФОЛОГИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	175

CONTENTS

Afanasyev A.Yu., Ibneeva G.V. FACTORS OF FORMATION OF THE ETHNO-CONFESSIONAL POLICY OF RUSSIAN STATES IN RELATION TO THE FOREIGN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA AND URAL REGION IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY	9
Afanasyeva D.A. IDENTITY AND DAILY LIFE PRACTICES IN NORTHERN IRISH SOCIETY (1969-1998) ...	16
Bazhenov B.S. CLASSICAL INTERPRETATION OF CYRUS CYLINDER AND MODERN PUBLIC HISTORICAL DISCOURSE	23
Bazyayeva D.E., Shadrina N.A. THE AMBIVALENCE OF THE IMAGE OF JUDITH IN ANGLO-SAXON LITERATURE OF THE EARLY MIDDLE AGES	30
Garifzyanov R.R. COLONIZATION, EXPLORATION AND DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN URALS ON THE EXAMPLE OF TROITSK	36
Gafarov A.A. THE TRANSFORMATION OF CIVILIZATIONAL DISCOURSE IN THE NATIONALISTIC RHETORIC OF S.S. UVAROV	42
Gafurov S.O., Norden L.L. THE INFLUENCE OF THIRTEEN YEARS' WAR ON AUSTRIAN HABSBURG HOUSE'S POSITION IN THE XVII CENTURY INTERNATIONAL RELATIONS	50
Glukhova A.S., Shadrina N.A. THE IMAGE OF THE MEDIEVAL KNIGHT IN DOMINIC SEN'S 2010 FILM "SEASON OF THE WITCH"	57
Epikhin R.I. FRIEDRICH MEINECKE (1862–1954). ON THE ISSUE OF SCIENTIST'S ANTISEMITISM	64
Ershova G.N. FEATURES OF MYTHOLOGIZATION OF HISTORICAL CONSTRUCTIONS IN AGITATION AND PROPAGANDA DOCUMENTS OF NATIONAL SOCIO-POLITICAL ASSOCIATIONS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN (1988-1995)	70
Ibatullina D.G. THE PROBLEM OF THE COLONIAL PAST IN MODERN RELATIONS BETWEEN JAPAN AND THE REPUBLIC OF KOREA	77
Ilina M.P., Rung E.V. THE CONTEXTS OF USE OF THE WORD «SCEPTER» IN THE POEM OF HOMER	83
Kachan S.A. GOD HERON AND THE IMAGE OF THE EMPEROR IN ROMAN EGYPT	89
Klyueva A.I. THE MULTINATIONAL NATURE OF THE SECOND ZEMSTVO MILITIA OF 1611-1612 AS A SYMBOL OF THE CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN PEOPLE ...	95
Koroleva A.A. THE CONCEPT OF DECABRISM BY M.V. NECHKINA AS A HISTORIOGRAPHIC MYTH	103

Mezentseva A.I. BYZANTINE IMPERIAL POLICY IN HAGIOGRAPHY OF THE MEDIEVAL CRIMEA ...	110
Mikhailov A.Yu., Sedov I.O. EMPIRE, NATION-STATE, AND CONSTITUTION: THE RELATIONSHIP OF THESE CONCEPTS IN POST-NAPOLEONIC EUROPE IN 1816-1822	116
Mullina D.R., Shmelev D.V. THE GERMAN POSITION IN THE MIGRATION CRISIS OF 2015	123
Nazarova Yu.I., Shadrina N.A. BALDASSAR CASTIGLIONE'S TREATISE AS A SOURCE FOR STUDYING THE SPECIFICS OF COURT LIFE IN ITALY IN THE XV-XVI CENTURIES	130
Onishchenko E.S., Rung E.V. NON-VERBAL COMMUNICATIONS IN THE GREEK-EASTERN WORLD ACCORDING TO HOMER, HERODOTUS AND PLUTARCH	136
Popovich E.O. SCIENTIFIC COMMUNITIES IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE LATE RUSSIAN EMPIRE	143
Rafikova A.Sh. SYMBOLS OF POWER IN THE IMAGE OF THE DEVIL IN THE ART OF THE EARLY MEDIEVAL	149
Timacheva A.D. MYTHOLOGIZATION OF THE MEDIEVAL PAST IN THE PIECES OF HENRIK IBSEN	157
Khamidullin E.E. THE IMAGE OF THE ENEMY AS A TOOL FOR REPRESENTING KING'S POWER IN THE SVERRIS SAGA: MILITARY ASPECT	163
Shadrina N.A., Yurtaev V.I. THE MONUMENT TO V. I. LENIN IN SEATTLE: THE PROBLEM OF "TRANSFERRING" HISTORICAL MEMORY	170
Yukhimets M.V. INFLUENCE OF THE PROCESS OF MYTHOLOGIZATION ON THE TRANSFOR- MATION OF CULTURAL IDENTITY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION	175

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ В ОТНОШЕНИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

* А.Ю. Афанасьев, Г.В. Ибнеева

*sandref8@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении идеологических факторов активизации этноконфессиональной политики российских государей в отношении инородческого населения Среднего Поволжья и Приуралья в первой половине XVIII в. В статье рассмотрена эволюция правительственных подходов в области этноконфессиональной политики времен Петра I, Петра II, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. С целью ликвидации замкнутости инородческих сообществ, которая являлась главным препятствием на пути к экстраполяции идеи «регулярного государства» на Российскую империю, Петром Великим и его преемниками была начата миссионерская кампания по отношению к нерусским народам, проживающих на территории Поволжских и Приуральских губерний. Христианизация приобрела более радикальный характер в период правления Елизаветы Петровны, вследствие чего усилилась замкнутость этносоциальных сообществ. Это, в свою очередь, привело к необходимости пересмотра этноконфессиональной политики.

Ключевые слова: этноконфессиональная политика; имперская политика; «регулярное государство»; инородцы; Петр I; Елизавета Петровна; Анна Иоанновна; Российская империя.

Ликвидация Советского государства в 1991 году привела к ряду изменений, коснувшихся в том числе и отечественной исторической науки. «Постимперский» синдром, присутствовавший в среде российских исследователей, актуализировал интерес к этноконфессиональной политике Российской империи, которая и до этого имела крайне противоречивый образ в научной литературе. Рассматривая проблему христианизации, авторы старались выявить причины её активизации.

Одним из первых авторов, пытавшихся показать факторы обращения российских государей к конфессиональной политике, стал Н.А. Фирсов. Так, в своей работе он отмечал, что возобновление преобразований по отношению к инородческому населению Среднего Поволжья и Приуралья было связано с активной и широкомасштабной реформаторской деятельностью Петра I, на проведение и продолжение которой требовалось достаточно большое количество ресурсов [18, с. 12-13]. Н.В. Никольский также рассматривал светские причины активизации этноконфессиональной политики. Он полагал, реализация этой политики должна была способствовать утверждению русской гражданственности среди инородческого населения [14, с. 61].

Однако не все дореволюционные авторы были согласны с утверждением светских причин. Лица, причастные к религиозной деятельности, высказывали иную точку зрения. Так, студент III курса Казанской Духовной Академии А.Г. Хрусталеv рассматривал проводимую в первой половине XVIII в. христианизацию в качестве борьбы исконно святой веры с суевением. Российское правительство, по его мнению, несомненно, желало одержать победу в этом противостоянии [19, с. 33].

Смена в России политического режима в ходе Октябрьской революции, становление Советского государства привели к ряду изменений и в исторических исследованиях. Религиозная тематика становилась под запретом и использовалась лишь в работах, направленных на разоблачение «врага социалистического строительства». Однако принятие тем или иным

народом единой религии, а также основные этапы модернизации страны в ходе исследований, посвященных российской или национальной историей, обойти было невозможно. Советская историография представляла причины возобновления этноконфессиональных преобразований в срезе национальной политики, освещая их в крайне негативном ключе. По мнению авторов, российское правительство всеми силами пыталось подавить зачатки национальной культуры и усилить крепостнический гнет [10, с. 100]. Главную же цель преобразований исследователи видели в полнейшей русификации инородческого населения [4, с. 180].

Часть представителей научного сообщества постсоветского времени все же по-прежнему отрицательно оценивала причины указанной политики, при этом обращая внимание на ее социально-экономические аспекты. Так, В. Д. Дмитриев отмечал, что христианизация и другие реформы по отношению к инородцам стали ответной реакцией на возрастающую классовую борьбу трудовых масс народностей Среднего Поволжья и Приуралья [5, с. 283]. С экономических позиций выступает Ф.Г. Ислаев, который полагает, что именно необходимость безопасной добычи ресурсов Урала и Сибири вынудила российское правительство активизировать этноконфессиональную политику [8, с. 9]. И. В. Герасимов и другие авторы «Новой имперской истории Северной Евразии» видят в распространении православия среди инородческого населения решение довольно насущного для российского правительства вопроса, а именно выход из кризиса идентичности [15, с. 83-87].

Стоит отметить, что большинство авторов относят активизацию этноконфессиональной политики на периоды правления императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, однако этот тезис, на наш взгляд, неверен. Первые преобразования в данном направлении, как было сказано ранее, были осуществлены еще Петром I. Однако мы считаем, что причины появления интереса к инородцам Среднего Поволжья и Приуралья у императора были связаны не только с экономическими факторами [18, с. 12-13], но и личными убеждениями. Необходимо определить, что повлияло на обращение Петра I к этноконфессиональной политике по отношению к нерусским народам указанного региона и вследствие каких причин его преемники продолжили данную деятельность.

Объектом пристального внимания монарха в сфере философских и политических учений стала концепция «регулярного государства» [3, с. 18], разработанная известными мыслителями С. Пуфендорфом, Х. Вольфом и Г. Лейбницем [13, с. 53]. Она представляла собой теорию о создании особого государства, которое путем тотального контроля и регламентации всех сфер общественной жизнедеятельности способно достичь «общего блага» как для народа, так и для правительства. Страна управлялась бы развитой государственной машиной, способной аккумулировать ресурсы и разрешать актуальные и насущные для населения проблемы [13, с. 53]. Данная концепция, несомненно, подходила Петру, поскольку указанная структура не только бы не отвлекала его от проведения активной внешней политики, но и способствовала бы ее успешному ходу.

Однако экстраполяции идеи «регулярного государства» сталкивалась с российской действительностью. Одним из препятствий стала неоднородность этноконфессионального состава населения страны. Например, инородческое население Среднего Поволжья и Приуралья вследствие языковых проблем и конфессиональных противоречий практически не взаимодействовали с

русскими населением и администрацией. О малых контактах и недопонимании сторон могут свидетельствовать, например, полный грамматических ошибок перевод молитвы «Отче Наш» на чувашский и марийский языки [12, с. 100-101], башкирские восстания 1705-1711 гг., вызванные пренебрежительным отношением сборщиков налогов по отношению к кочевому населению [17, с. 4]. Указанная ситуация, несомненно, затрудняла установление контроля на данной территории.

«Разрыв» границ, интеграция инородцев в структуру имперской жизни не только должны были поддержать стабильность в государстве при проведении тех или иных акций на внутренней и международной аренах, но и привести к появлению дополнительного и достаточно ценного источника различных ресурсов. Для достижения столь важного для страны результата необходимо было только найти способ включения нерусских народов в «государственную машину». На наш взгляд, наиболее рациональным для данной ситуации могло стать создание так называемой «национальной бюрократии». Участвуя в местном самоуправлении, она должна была активно сотрудничать с русской администрацией и отстаивать интересы того или иного этноса, став неким посредником между народом и властью. Однако, подобное решение проблемы являлось не только довольно затратным для российской казны вследствие многократного расширения бюрократического аппарата, но и вообще немислимым в условиях самодержавной монархии. Поэтому правительство Российской империи выбрало более легкий и дешевый путь проведения политики христианизации. Уровень развития лингвистической науки на тот момент времени не позволял произвести точный перевод молитв и священных текстов, который был бы понятен для инородческого населения. Данная ситуация должна была привести к постепенному освоению русского языка нерусскими народами посредством изучения Священного Писания, а также их участия в совершении различных религиозных обрядов и ритуалов. Данные мероприятия должны были способствовать русификации большинства инородцев, вследствие чего правительство могло достичь своей цели.

Активная внешняя политика и масштабные преобразования, требовавшие постоянного контроля, не позволяли Петру в полной мере уделить внимание преобразованиям в сфере этноконфессиональной политики, однако часть из них всё же удалось осуществить. Так, в 1713 году был издан указ, согласно которому татарским мурзам, имевшим в подчинении православных крепостных крестьян, следовало креститься в течение 6 месяцев с момента издания документа. В противном случае, имущество полностью изымалось в пользу монарха [16, с. 66-67]. Использовались и более мягкие формы призыва к крещению. В 1720 году издается первый законодательный акт данного характера, по которому всем инородцам, принявшим «Православную Греческого закона веру» поодиночке либо целым двором, даруются трехлетние налоговые льготы [16, с. 234-235]. Следующим документом стал указ от 2 ноября 1722 году «О неприеме в рекруты крестившихся иноверцев» [16, с. 792], который предоставлял новокрещеным возможность не поступать на военную службу. Однако те, кто уже был причислен к Военной коллегии, не обладали подобными привилегиями. Указанный законодательный акт был в некоем роде привлекателен для населения, поскольку военная служба навсегда забирала человека из семьи, вследствие чего исчезали нужные рабочие руки.

Смерть Петра I стала отправной точкой нового и довольно важного периода для истории России – эпохи дворцовых переворотов [9, с. 370]. В ситуации перманентной борьбы за престол российское правительство на время приостановило какие-либо инициативы в сфере этноконфессиональной политики. Лишь в 1728 г. ближайшего окружения малолетнего императора Петра II был издан наказ, согласно которому губернаторам и воеводам предписывалось жестоко расправляться с проповедниками ислама, которые активно обращали в собственную веру различные язычествующие народы – чуваш, мордву, вотяков и др. [16, с. 100]. Данный документ, несомненно, свидетельствует о стремлении правительства в период политического кризиса ограничить отход новокрещенных в язычество или переход инородцев в другие религии.

Взойдя на престол в 1730 году, Анна Ивановна обращает свое внимание на этноконфессиональную политику по отношению к инородческому населению Среднего Поволжья и Приуралья. На то были разные причины. Возможно, вследствие продолжительного проживания в Курляндии Анна в глазах народа могла выглядеть приверженкой неправославных христианских верований. Для устранения данного недопонимания ей необходимо было обозначить свою позицию в качестве защитницы «Греческого закона» веры. С другой стороны, императрица, взяв курс на продолжение дел Петра [6, с. 390], возможно, возобновила его начинания и в сфере этноконфессиональной политики.

Помимо подтверждения налоговых льгот [16, с. 447-448], начало правления Анны Ивановны было ознаменовано созданием особого органа – Комиссии новокрещенских дел [2, с. 58] – который сыграл важную роль в этногенезе практически всех нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Данный институт полностью специализировался на миссионерской деятельности, что, несомненно, является важнейшим этапом в сфере этноконфессиональной политики Российской империи. В середине 30-х гг. архимандрит Алексей Раифский, руководитель уже переименованной Конторы новокрещенских дел, отправил в Святейший Синод проект по реформированию возглавляемого им органа. Однако запрос был отклонен [14, с. 64]. На наш взгляд, это связано с тем, что императрица, следуя, как было сказано ранее, курсу своего дяди – Петра I, более внимательно прислушивалась к выпускникам Киево-Могиланской духовной академии, на тот момент времени передового центра православия, нежели к священникам, окончившим старые школы, коим Алексей и являлся [1].

В конце собственного царствования Анна Ивановна соглашается на реформирование Конторы новокрещенских дел и издает устав данного органа [16, с. 248-256]. Фирсов Н.А. считал, что на то было две причины: либо желание Анны Ивановны заняться богоугодным делом перед смертью, либо ответом на инициативу со стороны Луки Конашевича, выпускника Киево-Могиланской духовной академии [18, с. 165-166]. Новый устав полностью изменил систему работы и штат Конторы, превратив ее в развитый бюрократический институт, некое подобие уменьшенного государственного аппарата. Данное учреждение было бы способно путем христианизации интегрировать инородческое население Среднего Поволжья и Приуралья в структуру имперской жизни, тем самым установив контроль над нерусскими народами и полностью подвергнув регламентации их структуры повседневности. Следовательно, императрица неосознанно продолжила движение к созданию «регулярного государства», начатое еще Петром I.

В ходе очередного дворцового переворота, примерно через год после смерти Анны Иоанновны, на престол взошла Елизавета Петровна, которая также продолжила курс Петра I, своего отца [16, с. 544-546]. Данный факт коснулся и этноконфессиональной политики. Чрезмерная набожность императрицы усилила ее внимание к делам, связанным с христианизацией Среднего Поволжья и Приуралья. Об этом свидетельствует, например, санкционированное правительством разрушение более 400 мечетей в данном регионе [7, с. 9]. Кроме того, в царствование Елизаветы было крещено огромное количество инородцев. Так, за период 1740-1764 гг. в православную веру перешло около 180 тысяч чуваш [14, с. 92]. Анализ данных мероприятий позволяют сделать следующий вывод: Елизавета Петровна, как и Анна Ивановна, продолжила преобразования в этноконфессиональной сфере, практически экстраполировав идею «регулярного государства» на Российскую империю и, тем самым, максимально приблизившись к исполнению одного из главных желаний отца. Оставалось только дожидаться полнейшей русификации населения.

Однако непонимание неопитами основ веры и сочетание ими старых и новых религиозных практик [19, с. 78], реакция инородцев на насильственные способы обращения в виде избиений ими священников и бунтов [4, с. 214] не позволяют говорить об успешных результатах этноконфессиональной политики. Факты мирной христианизации, благоприятных взаимоотношений населения и священника, предписанных по регламенту, все же присутствовали, но они также не способствовали планомерному переходу в православие. Кроме того, уровень замкнутости национальных сообществ был значительно повышен. Также стоит отметить, что инородческое население начало покидать прежние места жительства, осуществляя массовую миграцию в восточные земли [11, с. 83]. Глядя на отрицательные результаты, правительство окончательно свернуло деятельность Конторы, ликвидировав её в 1764 г. [16, с. 704-707]. Данные процессы, несомненно, препятствовали установлению системы «регулярного государства» в Российской империи и, в итоге, остановили какое-либо продвижение на указанном направлении примерно на 100 лет.

Широкомасштабная реформаторская деятельность Петра I, вдохновленная идеей «регулярного государства», требовала регламентации всех сфер общественной жизнедеятельности населения Российской империи. Однако в условиях того времени полная экстраполяция указанной теории на российскую действительность не представлялась возможной вследствие присутствия на территории Среднего Поволжья и Приуралья инородческого населения, ведущего замкнутый образ жизни. Выбранный императором путь христианизации и дальнейшей русификации, в целом, мог стать решением указанной проблемы. Активная этноконфессиональная политика по отношению к данным народам была продолжена в царствование Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Проводимые миссионерские кампании отражали совмещение личных стремлений императриц с неосознанным движением в сторону реализации концепции «регулярного государства». Данный способ, вследствие радикального характера личных инициатив местных священнослужителей привел не только к повышению степени замкнутости населения, но и к его массовой миграции. Это, в свою очередь, стало главным препятствием на пути к достижению цели, поставленной Петром I.

Литература

1. Алексей Раифский // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://enc.csp.ru/?t=prsn&lnk=3849> (дата обращения: 08.09.2020).
2. Амвросий. История российской иерархии (в шести частях) / Амвросий. Ч. 6. М.: Синодальная типография, 1815. 1153 с.
3. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719—1727 гг. / М. М. Богословский. М.: Университетская типография, 1902. 582 с.
4. Денисов П. В. Религиозные верования чуваш / П. В. Денисов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1959. 408 с.
5. Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века / В. Д. Дмитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.
6. Ермолаев И. П. Полный университетский курс лекций по истории России. Становление Российской империи (XVII-XVIII вв.) / И.П. Ермолаев. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 640 с.
7. Износков И. А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии / И.А. Износков. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. 121 с.
8. Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье / Ф. Г. Ислаев. Казань: Татарское книжное издательство, 1999. 128 с.
9. История СССР. Ч. 1. С древнейших времен до 1861 г. / Под ред. Проф. П.И. Кабанова и проф. В.В. Мавродина. М.: Просвещение, 1974. 607 с.
10. История Чувашской АССР, т.1. / Под ред. И. Д. Кузнецова. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1966. 260 с.
11. Каппелер А. Чуваши. Народ в тени истории: монография / А. Каппелер. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. 268 с.
12. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков / Г. Ф. Миллер. СПб.: Императорская академия наук, 1791. 115 с.
13. Нефедов С. А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого. Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53-65.
14. Никольский Н. В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII веках / Н.В. Никольский. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1912. 416 с.
15. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII-XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т.5. 780 с.; Т.6. 815 с.; Т.8. 1014 с.; Т.11. 988 с.; Т.16. 1016 с.
17. Рычков П. И. История Оренбургская / П. И. Рычков. Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 99 с.
18. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время / Н.А.Фирсов. Казань: Университетская типография, 1869. 448 с.
19. Хрусталева А. Г. Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края / А. Г. Хрусталева. Казань: Университетская типография, 1874. 129 с.

FACTORS OF FORMATION OF THE ETHNO-CONFESSIONAL POLICY OF RUSSIAN STATES IN RELATION TO THE FOREIGN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA AND URAL REGION IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

A.Yu. Afanasyev, G.V. Ibneeva

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The purpose of the article is to determine the ideological factors of activating the ethno-confessional policy of the Russian sovereigns in relation to the alien population of the Middle Volga region and the Urals in the first half of the 18th century. The article examines the evolution of government approaches in the field of ethno-confessional policy of the times of Peter I, Peter II, Anna Ivanovna and Elizaveta Petrovna. In order to eliminate the isolation of foreign communities, which was the main obstacle on the way to extrapolating the idea of a "regular state" to the Russian Empire, Peter the Great and his successors launched a missionary campaign against non-Russian peoples

living in the Volga and Ural provinces. Christianization acquired a more radical character during the reign of Elizaveta Petrovna, as a result of which the isolation of ethnosocial communities increased. This, in turn, led to the need to revise the ethno-confessional policy.

Keywords: ethno-confessional policy; imperial politics; "Regular state"; foreigners; Peter I; Elizaveta Petrovna; Anna Ioannovna; The Russian Empire.

Авторы публикации

Афанасьев Андрей Юрьевич, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. 8andref8@mai.ru

Ибнеева Гузель Вазыховна, д-р ист. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. guzel.ibneyeva@yandex.ru

Authors of the publication

Andrey Yu. Afanasyev, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. 8andref8@mai.ru

Guzel V. Ibneeva, Doctor of historical sciences, professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. guzel.ibneyeva@yandex.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В СЕВЕРОИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ (1969-1998 ГГ.)

Д.А. Афанасьева
russiandeadsoul@gmail.com

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева

Аннотация. Статья посвящена изучению характера взаимосвязи между идеологией радикальных групп и практиками повседневной жизни мирного населения в Северной Ирландии в период конфликта 1969-1998 годов. Целью исследования является выявление проявлений поляризации католиков и протестантов в бытовой сфере. Автор производит анализ данных историографии, а также содержания различных материальных источников. На основе данных мемуаров, интервью, материалов периодической печати выявляются основные нормативные черты поведения членов двух этно-религиозных общностей, а также представления католиков и протестантов о бытовой сфере друг друга. Предметами анализа выступают данные об ономастике, моде, спортивной сфере, школьном и университетском образовании, частной, семейной жизни населения Северной Ирландии в период конфликта. На основании реконструкции практик повседневной жизни и подробного рассмотрения их особенностей, автор делает вывод о том, что поляризация берет свое начало в бытовых представлениях общин друг о друге, а затем, эксплуатируемая идеологией радикальных групп и «ужесточаемая» националистическими мотивами, ретранслируется обратно в общество, укрепляя и усиливая раскол между католиками и протестантами.

Ключевые слова: Северная Ирландия, Ольстерский конфликт, повседневная жизнь, республиканцы, юнионисты, католики, протестанты.

Исследование посвящено одному из аспектов Североирландского конфликта (1969-1998 гг.), а именно национальной идентичности населения шести графств Ольстера и ее роли в повседневной жизни мирного населения, а также взаимосвязи ее с идеологией радикальных групп (юнионистов и республиканцев).

Ирландский вопрос в Британии остаётся неразрешенным на протяжении уже многих сотен лет. Сокращение площади горячей точки путем разделения территории Ирландии на независимую Республику и Северную Ирландию, входящую в состав Великобритании в начале XX в., кажется, лишь усугубило весь тот перечень проблем, которые были неразрывно связаны с упомянутым выше вопросом. Свидетельством данному тезису может служить Ольстерский конфликт, который, формально, начался с массовых столкновений в Лондондерри в 1969 году и завершился в 1998 году с подписанием сторонами Соглашения Страстной пятницы.

В историографии конфликта до настоящего времени существуют различные взгляды на причины и содержание конфликта. В западной историографии существует мнение, что в ментальности населения Северной Ирландии в указанный исторический период на первом месте находилось этническое самосознание, то есть первичными оказывались неизменные этнические факторы, которые приводили к экономическому и социальному расслоению, а затем, как следствие, и к культурному расколу. В то же время ряд исследователей полагает, что в Ольстерском конфликте ведущим являлся религиозный фактор. Церковь, по мнению сторонников этой концепции, являлась базой для поддержания социальных контактов, взаимопомощи и почвой для распространения радикальных идей на основе церковных догматов. Сторонники марксистской теории общественного развития и функционирования называют главной причиной столкновений в Северной Ирландии социально-экономическое расслоение общества.

Несмотря на сложность в определении ведущей причины перехода конфликта в активную фазу и его существования на протяжении многих лет, можно говорить о том, что значимую роль в событиях 1969-1998 годов играла национальная идентичность двух общин, на которые оказалось разделено население Северной Ирландии.

В центре теории национальной идентичности находится миф, который возникает как органически, так и искусственно. Это предполагает тот факт, что идеология радикальных групп в Северной Ирландии – юнионистов и республиканцев, опиралась на уже существующие представления населения о том или ином явлении в рамках исторической памяти, этнических страхов и стереотипов и ретранслировала их, дополняя и ужесточая формулировки. Таким образом, осуществлялось укоренение среди населения неприятия к идеологическому противнику, и, соответственно, готовности выступить в поддержку «союзников» - радикальных милитаризованных групп. Подобная постановка проблемы обосновывает необходимость досконального изучения бытовых проявлений идентичности в североирландском обществе.

Данный аспект Ольстерского конфликта нашел широкое отражение в различных группах источников. Источниковая база исследования включает в себя материалы периодических изданий, открыто выражающих интересы противоборствующих сторон. Также она основывается на статистических данных: результатах опросов населения, данных по занятости и списках погибших. Важными для исследования стали мемуары и фрагментарные воспоминания участников событий, опубликованных в СМИ и различных сборниках, позволяющие провести анализ степени влияния идеологий радикальных групп на население, влияния мифологии на партийные тезисы.

Одной из сфер, в которой наблюдается очевидная поляризации населения Северной Ирландии в период конфликта можно назвать ономастику. Имена и фамилии выполняли функцию дополнительной идентификации человека в обществе, отражали настроения религиозно-этнических общин. Семьи, исповедующие католичество, стремились давать детям имена, наследующие кельтской традиции. Это могли быть английские имена с измененным написанием и звучанием («Шеймус» как преобразование английского «Джеймс»), в соответствии с правилами произношения в ирландском языке, имена христианских святых (Патрик, Мария, Бригитта) или имена, наследующие кельтской традиции (Брендан, Брона). Кроме того, наблюдалось стремление к сохранению «аутентичности» фамилий – характерных приставок, обозначавших некогда клановую принадлежность, особой морфемной формы [10, с. 57]. Это можно увидеть, к примеру, при просмотре списков жертв Ольстерского конфликта за 1969 год. Среди жертв со стороны мирного католического населения представлены носители таких имен как: Фрэнсис МакКлоски, Сэмюель Девенни, Патрик Руни, Хью МакКейб и так далее [15]. Представленные имена собственные обладают очевидными кельтскими корнями, как то приставки «-Мак» и определенные конструкции фамилий с отличительным присутствием окончаний на гласную букву.

В свою очередь, исследования имен собственных, имеющих хождение в протестантских семьях, демонстрирует тенденцию к намеренному следованию английским традициям. Нормальным явлением стал постепенный отказ от кельтских префиксов в фамилиях – несмотря на близость части протестантского населения к традициям Шотландии, клановые приставки начинали

ассоциироваться с ирландским происхождением и могли затруднить взаимодействия с религиозной общиной [5].

Другим важным маркером поляризации национальной идентичности, по мнению ряда исследователей [10, с. 85; 8, с. 57], являлись элементы внешнего вида представителей различных религиозных общин. Согласно результатам социологических опросов [10, с. 172], дифференциация в элементах одежды, прическах и выборе аксессуаров во многом базировалась на стереотипах, однако существование подобных «предрассудков», вероятно, лишь поддерживало действительно существовавшие традиции, что подтверждают данные из различных научных публикаций и источников. Многие исследователи рисовали картину контраста между консервативностью протестантов и большим новаторством католиков О'Доэрти в своей работе зафиксировал высказывания протестантов Северной Ирландии, о том, что для католиков, было обычным носить свободную, яркую одежду, подходящую «для ночных прогулок». Протестантские респонденты отмечали, что женщины из католической общины были склонны к ношению крупных украшений, преимущественно позолоченных, которые могли включать элементы как религиозной, так и кельтской символики [10, с. 85]. По данным исследования, проведенного социологом из университета Квинс, Мадлен Леонард, ряд протестантов из числа подростков от 14 до 16 лет, утверждал, что и мужчины и женщины католического вероисповедания чаще, чем представители протестантского сообщества, обращались к «цыганским» образам, включающим ношение длинных волос, свободных причесок, бород и усов [15].

В свою очередь, протестанты, по мнению респондентов-католиков, опрошенных М. Леонард, избегали каких-либо вызывающих, чрезмерно заметных аксессуаров, особенно ношения золотых украшений, для мужчин считалось хорошим тоном чисто выбритое лицо. Эти данные могут свидетельствовать о стремлении протестантов к соблюдению конфессиональной этики, так как рядом направлений протестантизма ношение растительности на лице или ярких украшений считалось проявлением склонности человека к «излишества», порицаемым церковью [10, с. 651]. Согласно данным, полученным от респондентов-католиков, протестанты чаще всего, выбирали классический, консервативный стиль в одежде. Причем, следует отметить, что часто респонденты отмечали высокое качество и дороговизну этих вещей [15]. Это, по мнению Джона Чемберса, являвшегося непосредственным свидетелем конфликта, могло свидетельствовать о лучшем финансовом положении протестантского населения ввиду возможности карьерного роста и лучших показателей занятости [3].

Особым «маркирующим» элементом становилась одежда с символикой спортивных команд. Фанатская среда, всегда отличающаяся достаточной степенью агрессивности, давала дополнительный стимул для реализации этнополитического противостояния. Так ношение символики шотландской футбольного клуба «Селтик» вне католических кварталов могло трактоваться как вызов, потому что симпатии к команде, использующей кельтскую символику и антураж, интерпретировались как проявления ирландского национализма. Зеркальная ситуация происходила и с ношением протестантами символики шотландского клуба «Рейнджерс» - появление вне «дружественных» юнионистам районов городов, особенно в период футбольных матчей, по свидетельствам очевидцев конфликта, представляло существенную опасность [12]. Спорт в целом являлся тем хобби, которое

демонстрировало имеющуюся поляризацию между двумя общинами в Северной Ирландии и укрепляло ее. Помимо уже описанного выше «раскола» в футбольном фанатском движении, существовали и иные маркеры идентичности в сфере спорта. Негласное «разделение» видов спорта между католиками и протестантами отражалось в наличии спортивных секций, клубов, содержании газет, освещающих новости спорта [2, с. 52].

Для католиков считалось неприемлемым открыто заниматься или интересоваться крикетом или теннисом, которые считались типично английскими видами спорта – спортивные издания про-католической направленности избегали освещения соответствующих событий и результатов соревнований, а в католических школах не вводились подобные спортивные секции. Зеркальная ситуация существовала и в протестантской общине: ее члены старались не демонстрировать интереса к «ирландским» видам спорта: гэльскому футболу, херлингу [10, с. 464-471]. Подобное «распределение» видов спорта осуществлялось также на базе отдельного обучения по религиозному признаку – католические школы открывали кружки «ирландских» видов спорта, протестантские – кружки «английских» [14].

Говоря о раздельном обучении, следует также отметить его роль в укоренении раскола в североирландском обществе. В период конфликта 1969-1998 гг. существовала система школьного образования, которая предусматривала полное разделение детей протестантской и католической общин. Система школьного образования была построена на существовании частных и государственных учебных заведений, которые вне зависимости от статуса курировались религиозными институтами – католическими или протестантскими, прямо или через систему представительства в школьной администрации [14]. Государственные и некоторые частные школы финансировались из регионального бюджета и обязывались реализовывать единую учебную программу, однако, согласно докладом социологов, на деле дети протестантов и католиков изучали одинаковые предметы в различном ключе. Это было, в частности, связано с тем, что частные католические школы были чрезвычайно тесно связаны с религиозными институтами. Педагогические колледжи, осуществляющие подготовку учительского контингента для католических школ, тесно курировались церковью, что оказывало влияние на точку зрения прививаемую ученикам в контексте изучаемых предметов, несмотря на частичное совпадение учебных программ [14]. Исследования, проведенные в 1977 году, показали, что учителя католических школ придавали большое значение клерикальным дисциплинам и религиозной составляющей уроков, при несоответствии их квалификации общеобразовательным нормам. В то же время учителя протестантских школ стремились к реализации светского обучения школьников, что сопровождалось открытым осуждением чрезвычайной религиозности как самих католических школ, так и католического сообщества в целом [14].

Подобная ситуация воспитания детей в условиях культурной изоляции представителей двух сообществ друг от друга с упором на норму антагонистичных настроений, несомненно, усложняла положение в регионе. Кроме того, усиливалось социальное расслоение в сфере образования. Протестантские школы часто располагали более квалифицированными педагогическими кадрами и предоставляли учащимся больше возможностей для самореализации, однако учиться в них выходцы из католического сообщества не могли. Школьники могли получать агрессию со стороны

сверстников других конфессий, а также представителей собственной религиозной общины на почве обвинений в «предательстве». С теми же трудностями сталкивались и их родители.

Разделение в сфере образования не прекращалось для молодых людей и после окончания школы. На трудоустройство в Северной Ирландии также влияла сегрегация общества, не закрепленная законодательно, но существующая в повседневной жизни. Большинство управляющих должностей в различных сферах занимали представители протестантской общины, что приводило к тому, что имеющиеся рабочие места чаще доставались протестантам. Это происходило не только из-за предпочтений работодателей, но и ввиду преимущественно протестантского коллектива в различных организациях, фирмах [1, с. 641]. Кроме того, следует еще раз уточнить, что в среднем квалификация представителей протестантской части населения была выше, чем у граждан из католической среды. Подобное положение вещей приводило к тому, что в течение многих лет уровень безработицы среди католиков был значительно выше, чем среди протестантов в Северной Ирландии. В период 1971-1985 годов безработица среди католиков была примерно в два с половиной раза выше, чем среди протестантов [7].

Сложности подстерегали жителей Северной Ирландии и в семейной жизни – в период описываемых событий сожительство и браки между представителями различных общин были достаточно редкими ввиду рискованности подобных действий. Считалось, что заключение брака с представителем иной конфессии не только наносит ущерб непосредственным членам семьи, но и их родственникам, а также соседям и религиозно-культурной группе в целом. Часто такие отношения отказывались признавать законными на уровне религиозных учреждений, а дети, рожденные в подобном союзе, оказывались не приняты в обеих конфессиях [11].

Отход от негласных правил и норм мог привести не только к порицанию, но и к открытой агрессии со стороны не только представителей другого сообщества, но также членов своей общины. Это порождало ситуацию, при которой поведение людей сдерживалось не только собственными религиозными убеждениями и неприязнью по отношению к иной конфессиональной общине. Важным фактором становился страх оказаться вне условно-дружественной среды по причине отклонения от общепринятых локальных норм. В свою очередь, такое положение приводило к осуждению нарушителей правил, что служило для демонстрации собственной лояльности конфессионального сообщества. Влияние пропаганды идеологии радикальных групп делало правила более жесткими, а конфронтацию, соответственно, более острой, что вело к еще большей сегрегации католиков и протестантов даже на уровне практик повседневной жизни. Все это не могло не отражаться на национальной идентичности. На протяжении некоторого времени, еще до начала открытого конфликта, существовали определенные стереотипы поведения, которые, в свою очередь базировались на представлениях общины о себе и об окружающем ее социуме. С одной стороны на основании противопоставления себя враждебным социальным группам, а с другой стороны по причине страха перед неодобрением со стороны членов собственного сообщества, они становились элементами самоопределения религиозных групп, определяли нормы их жизнедеятельности.

Литература

1. Bardon, J. A History of Ulster. Belfast: Blackstaff Press, 2001. 214 p.
2. Duffy J., McClements F. Children of the Troubles: The Untold Story of the Children Killed in the Northern Ireland Conflict. Dublin: Hachette Ireland, 2019. 464 p.
3. Chambers J. Our family, divided by the Troubles/ The Guardian. August 6, 2016. available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2016/aug/06/our-family-divided-by-the-troubles> (accessed: 13.02.2021).
4. Conolly P. The development of young childrens ethnic identities//Social Justice, Education and Identity, ed. by Vincent C. London, 2003. Pp. 139-157.
5. Edwards M. They have Catholic sounding names// Belfast telegraph. February 28, 2019. available at: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/they-have-catholic-sounding-names-northern-ireland-couple-terrified-after-threatening-graffiti-daubed-outside-home-37864445.html> (accessed: 13.02.2021).
6. Gallagher A.M. Majority Minority Review 1: Education in a Divided Society. Coleraine: University of Ulster, 1989. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/csc/reports/majmin1s.htm#conclude> (accessed: 13.02.2021).
7. Gibson F., Michael G., Wilson D. Discrimination and Employment// Perspectives on Discrimination and Social Work in Northern Ireland. Central Council for Education and Training in Social Work, 1994. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/discrimination/gibson2.htm#top> (accessed: 13.02.2021).
8. Magennis C. Sons of Ulster: Masculinities in the Contemporary Northern Irish Novel. Bern: Peter Lang AG, 2010. 180 p.
9. McGinley M. Socio-cultural identity and attitudes to sport in Northern Ireland//The Irish Journal of Psychology. 1998. Pp. 464-471.
10. O'Doherty M. E pluribus unum; The Elusiveness of a Singular Community Identity//The Contested Identities of Ulster Catholics, ed. by Burgess T. P. Cork, 2018. Pp. 83-91.
11. Robinson G. Cross-Community Marriage in Northern Ireland. Centre for Social Research: Belfast, 1992. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/marriage/ccmm1.htm#11> (accessed: 13.02.2021).
12. Scott K. A game of two halves// The Guardian. May 15, 2001. available at: <https://www.theguardian.com/world/2001/may/15/gender.uk> (accessed: 13.02.2021).
13. Sectarian badges of identity//Irish Times. May 6, 2006. [Digital resource] available at: <https://www.irishtimes.com/news/sectarian-badges-of-identity-1.999778> (accessed: 13.02.2021).
14. Sugden, J. Harvie, S. Sport and Community Relations in Northern Ireland. Coleraine: University of Ulster, 1995. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/ccru/research/csc/sport.htm> (accessed: 13.02.2021).
15. Sutton M. An Index of Victims from the Conflict in Ireland// CAIN web-service. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/victims/humanface/chron/1969.html> (accessed: 13.02.2021).

IDENTITY AND DAILY LIFE PRACTICES IN NORTHERN IRISH SOCIETY (1969-1998)

D.A. Afanasyeva

Samara National Research University
Samara, Russia

Abstract. The article is devoted to the connection between radical groups ideology and daily life practices of civilians in Northern Ireland during the Troubles (1969-1998). The purpose of the study is to identify manifestations of polarization between catholic and protestant communities in their daily life practices. Author analyzes the scientific directions of hystorography and the data of different material sources. According to information of memoires, interview, periodic press the author highlights the main normative features of the behavior of members of two ethno-religious communities, as well as the ideas of Catholics and Protestants about each other's everyday life. The main subjects of the analysis are onomastics, fashion, sports, school and university education, private, family life of the population of Northern Ireland during the conflict. According to results of the reconstruction of the practices of everyday life and a detailed examination of their features, the author concludes that polarization originates in the everyday perceptions of communities about each other, and then, exploited by the ideology of radical groups and "toughened" by nationalist motives, is relayed back into society. strengthening and intensifying the split between Catholics and Protestants.

Keywords: Northern Ireland, The Troubles, daily life, republicanisim, unionism, catholic, protestant.

References

1. Bardon, J. A History of Ulster. Belfast: Blackstaff Press, 2001. 214 p.
2. Duffy J., McClements F. Children of the Troubles: The Untold Story of the Children Killed in the Northern Ireland Conflict. Dublin: Hachette Ireland, 2019. 464 p.
3. Chambers J. Our family, divided by the Troubles/ The Guardian. August 6, 2016. available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2016/aug/06/our-family-divided-by-the-troubles> (accessed: 13.02.2021).
4. Conolly P. The development of young childrens ethnic identities//Social Justice, Education and Identity, ed. by Vincent C. London, 2003. Pp. 139-157.
5. Edwards M. They have Catholic sounding names// Belfast telegraph. February 28, 2019. available at: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/they-have-catholic-sounding-names-northern-ireland-couple-terrified-after-threatening-graffiti-daubed-outside-home-37864445.html> (accessed: 13.02.2021).
6. Gallagher A.M. Majority Minority Review 1: Education in a Divided Society. Coleraine: University of Ulster, 1989. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/csc/reports/majmin1s.htm#conclude> (accessed: 13.02.2021).
7. Gibson F., Michael G., Wilson D. Discrimination and Employment// Perspectives on Discrimination and Social Work in Northern Ireland. Central Council for Education and Training in Social Work, 1994. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/discrimination/gibson2.htm#top> (accessed: 13.02.2021).
8. Magennis C. Sons of Ulster: Masculinities in the Contemporary Northern Irish Novel. Bern: Peter Lang AG, 2010. 180 p.
9. McGinley M. Socio-cultural identity and attitudes to sport in Northern Ireland//The Irish Journal of Psychology. 1998. Pp. 464-471.
10. O'Doherty M. E pluribus unum; The Elusiveness of a Singular Community Identity//The Contested Identities of Ulster Catholics, ed. by Burgess T. P. Cork, 2018. Pp. 83-91.
11. Robinson G. Cross-Community Marriage in Northern Ireland. Centre for Social Research: Belfast, 1992. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/marriage/ccmni1.htm#11> (accessed: 13.02.2021).
12. Scott K. A game of two halves// The Guardian. May 15, 2001. available at: <https://www.theguardian.com/world/2001/may/15/gender.uk> (accessed: 13.02.2021).
13. Sectarian badges of identity//Irish Times. May 6, 2006. [Digital resource] available at: <https://www.irishtimes.com/news/sectarian-badges-of-identity-1.999778> (accessed: 13.02.2021).
14. Sugden, J. Harvie, S. Sport and Community Relations in Northern Ireland. Coleraine: University of Ulster, 1995. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/ccru/research/csc/sport.htm> (accessed: 13.02.2021).
15. Sutton M. An Index of Victims from the Conflict in Ireland// CAIN web-service. available at: <https://cain.ulster.ac.uk/victims/humanface/chron/1969.html> (accessed: 13.02.2021).

Автор публикации

Афанасьева Дарья Андреевна, студент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия. russiandeadsoul@gmail.com

Author of publication

Darya A. Afanas'eva, student, Samara National Research University, Samara, Russia. russiandeadsoul@gmail.com

КЛАССИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЦИЛИНДРА КИРА И СОВРЕМЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Б.С. Баженов
mgiojgoro@gmail.com

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация: Данная статья посвящена обсуждению влияния, которое корпус классических исторических текстов оказывает на образ Кира Великого в публичном историческом дискурсе. Автор предпринимает попытку описать, с какими предубеждениями знакомый с рассматриваемыми классическими текстами читатель Цилиндра Кира обращается к этому памятнику и на основе каких элементов текста памятника названные предубеждения закрепляются. Автор приводит основанные на современных исторических исследованиях предположения об исторически аутентичных дискурсах, в которых классические тексты могли быть произведены, и противопоставляет их современному дискурсу, раскрывая его апроприационный характер. Основываясь на последних достижениях текстологического анализа Цилиндра Кира, автор противопоставляет критическую и классическую интерпретации текста. Автор делает выводы о перспективах, раскрываемых перед исторической наукой критической интерпретацией Цилиндра Кира и анализом его классической интерпретации.

Ключевые слова: Цилиндр Кира, Кир Великий, Библия, древнегреческая историография, интерпретация, идеология, дискурс, публичный исторический дискурс.

В 1971 году, на тридцатый год правления шахиншаха Мохаммеда Рези Пехливи, страна праздновала грандиозное по своему размаху «2500-летие персидской державы», и в результате развернувшихся во время празднований событий Цилиндр Кира приобрел статус одного из полуофициальных символов Ирана и иранской государственности [6, с. 84]. Реплика Цилиндра Кира была пожалована генеральному секретарю ООН У Тану иранской принцессой Ашраф Пехлеви, и этот обмен вместе с реакцией на него со стороны Объединенных Наций был тщательно задокументирован администрацией последней организации. Согласно пресс-релизу ООН: «Эдикт Кира является декларацией Кира Великого о сохранение прав человека в занятых им городах после взятия Вавилона». Принцесса Ашраф: «наследие Кира – это наследие человеческого взаимопонимания, терпимости, храбрости, сочувствия и, превыше всего, человеческой свободы» [9]. У Тан: «В процессе формирования древней Персидской империи 25 тыс. лет назад, Кир проявил мудрость, заключенную в его уважении к цивилизациям и народам, которые он объединил... Он завоевывал избирательно, щадя столицы, правителей и чиновников. Его милосердие и внимание к желаниям людей, которыми он правил, беспрецедентны в анналах древнего Ближнего Востока». Пятнадцатого октября 1971 г. празднования завершились массовым шествием к гробнице Кира Великого [10].

Несложно обнаружить едва ли скрытую идеологическую подоплеку превознесения Кира Великого шахиншахским правительством. Этот символический акт был направлен на выкраивание шахскому Ирану места в дискурсе о «глобальной истории», «истории всего». Ассоциация существовавшего Иранской государственности с древним, подчеркнуто «античным» персонажем позволяла направить публичный дискурс в сторону от исламской истории Ирана, направить взгляд извне на «общее место» в истории Ирана и «Запада». Это «общее место» насыщалось престижем при помощи проверенного метода обнаружения «родины слонов» - не только

Иран представляет «Западу» знакомого античного персонажа как основателя государственности, но этот персонаж объявлялся ни много ни мало автором первой декларации прав человека в истории. Таким образом, Иран превращался из всего лишь разделявшей провозглашаемые ООН «универсальные» гуманистические ценности страны в страну, являющуюся одним из источников этих ценностей. Помимо прочего, естественно, нужно отметить желание шахиншаха Мохаммеда Рези установить ассоциацию между собой и Киrom Великим – желание, которое было удовлетворено У Таном: «...особенно приятно, что подарок вручен Вашим Императорским Величеством, которое столь долго принимало участие в деятельности ООН по защите прав человека» [10].

Несмотря на очевидную грубость подобной модернизации источника, нужно обратить внимание на то, что она имела под собой крепкое основание в классических текстах. Можно выделить две традиции, из которых читатель мог извлечь информацию о Кире Великом задолго до обнаружения каких бы то ни было клинописных источников: греческую и библейскую. Следует обсудить, какие именно предубеждения относительно Кирова Цилиндра вселяет первичность ознакомления с «классикой».

Прежде, однако, необходимо изложить содержание Цилиндра, чтобы читатель имел возможность ясно наблюдать содержание параллелей, которые будут проводиться между Цилиндром Кира и другими источниками. Следующая сводка строк текста составлена из сводок, употребляемых исследователями, чьи интерпретации Цилиндра разделяет автор статьи [8, с. 70] [6, с. 85-86]:

1-4:	не полностью восстановлены
5-10a:	многие преступления вавилонского царя Набонида, недовольство богов его правлением.
10b-16:	бог-покровитель Вавилона Мардук отыскивает нового царя – Кира – и наделяет его властью над землями.
17-19:	Мардук указывает Киру на Вавилон, и тот, благодаря божественной помощи, подчиняет город без битвы, а с ним все прочие страны.
20-22:	Кир представляет себя, перечисляя свои титулы и предков.
23-28a:	Кир сообщает о своих добродетелях, процветании при нем Вавилона, о своем благочестивом поклонении Мардуку и его сыну Набу.
28b-30a:	правители всех сторон света подчиняются Киру.
30b-36:	Кир восстанавливает храмы городов Месопотамии и возвращает на положенные места богов (которых похитил Набонид), а также освобождает людей этих городов и позволяет им вернуться домой – за это он просит всех богов вместе с ним вознести молитву Мардуку и Набу за благополучие его правления; мир устанавливается во всех подвластных Киру землях.
36-45:	сильно поврежденный участок, содержащий сообщение о жертвах, которые Кир установил в храме, и о реставрации некой постройки Ашшурбанипала в Вавилоне.

Ветхий Завет многократно обращается к образу Кира Великого, но прежде всего внимание следует уделить Второму Исаяе, у которого обнаруживается наивысшая степень превознесения персидского царя. Пророк

объявляет о роли Кира как избранного Богом (мессии) избавителя еврейского народа от оков Вавилонского плена. История дискурса библейской текстологии включает в себя бесконечно долго длящийся спор о возможной датировке текстов Второго Исая: мнения разбросаны на спектре от «до вторжения Кира в Вавилон» и до «во время правления Дария I или позже» [7, с. 84]. Наиболее современное усилие в анализе текста Второго Исая как структурной части Библии помещает текст где-то посередине, обнаруживает в нем следы попыток увязать реальность личного владычества Кира Великого над еврейским народом с бытовавшим представлением о характере царской власти [12]. Мыслитель, известный нам как Второй Исайя, обращается к ощущаемому его образованными современниками противоречию между явлением царя в оптике Второзакония и проблематичным образом царя линии Давида, которое заостряется сильнее всего именно в условиях подчинения еврейского народа Киру. Согласно Второзаконию, еврейский царь не может быть инородцем, однако по меркам Второзакония царем не мог бы быть ни Давид, ни Соломон, но они становятся ими *по необходимости*, избранные Богом к миссии. Миссия обнаруживается и у Кира Великого: он избран Богом к царствию с единственной целью уничтожить Вавилон, при этом сам он может не обладать даже малой частью добродетелей иудейского царя.

Zeitgeist Второго Исая в неопределенный момент времени предается забвению по неактуальности, на смену приходит христианское толкование Ветхого Завета, и в такой оптике текст открывается уже пост-христианскому гуманистическому дискурсу. В общем-то, сам Второй Исайя не слишком выгоден для гуманистической апроприации библейского персонажа Кира: текст никоим образом не выделяет его добродетели, только могущество и богоизбранность. Однако существуют параллели между текстом Второго Исая и Цилиндром Кира, которые обладают ценностью для (критикуемого) гуманистического прочтения, а в еще большей степени – для критического (которое предпринимается в рамках данной статьи). Эти параллели совершенно очевидны: во-первых, оба текста сообщают читателю о том, что за Киrom Великим и его завоеваниями стоят божественные силы, которые творят справедливость его руками, во-вторых, в обоих текстах Киру Великому приписывается роль освободителя плененных вавилонским царем. Важно упомянуть, что среди освобожденных народов в Цилиндре Кира евреи не представлены – там упоминается лишь население ряда Месопотамских городов.

Несколько иначе персона Кира Великого презентована в книге Ездры. Он представлен как персидский царь, которого «во исполнение слова Господня из уст Иеремии, возбудил Господь дух» (Ездра 1:1), и который приказал восстановить Иерусалимский Храм. Этот приказ вкладывается в уста Киру дважды: на иврите как послание (Ездра 1:1-4) и как документ на арамейском, который разыскивают в библиотеке, чтобы подтвердить приказ Дарию I, к началу правления которого храм не завершен (Ездра 6:3-12). Аутентичность обоих (но особенно первого) текстов, которые довольно поверхностно стилизованы под документы – предмет продолжительной критики со стороны ученых [7, с. 85]; тем не менее, существует по меньшей мере один случай защиты текстов крайне известным исследователем [3, с. 71-107]. При этом крайне показательно, что настояние на аутентичности обоих текстов обнаруживается на страницах сборника статей о библеистике. Действительно, в отличие от деструктивной, карающей силы, которой Кир Великий представлен у Исая, созидательная сила Кира как реставратора

важного культового объекта без затруднений переводится на язык современных иудео-христианских ценностей. При этом также без затруднений видно, что в рамках Книги Ездры происходит реинтерпретация заложенной в ранних текстах идеи наличия у Кира миссии – все так же оставаясь освободителем евреев, он становится еще и чем-то вроде мецената. Желание поместить Кира Великого в рамки иудео-христианской системы ценностей, которое мы обнаруживаем в современной библейской истории, наследуется также в религиоведении: широко известна линия аргументации Мэри Бойс в пользу того, что Кир II оказал поддержку евреям, так как был зороастрийским монотеистом, и узнавал некое «родство» в их религиях [4, с. 29, 77]. Равно как и в случае с текстом Второго Исаяи, в книге Ездры мы видим параллели с Цилиндром, среди которых одна новая – это приписывание Киру реставрации храмов. Однако, что важно, не Иерусалимского храма.

Как и в случае с библейскими текстами, в рамках данной статьи мы ограничимся лишь наиболее критическими для понимания гуманистского дискурса вокруг Цилиндра Кира греческими авторами: в этой роли послужат Ксенофонт и Геродот. Чтобы обосновать этот выбор, мы можем указать на (вероятно) деривативный характер информации поздних греческих авторов [1, с. 17], хотя такой взгляд на «биографов» Кира не является единственным возможным [7, с. 48]. Мы не обязаны, однако, обращаться к этому аргументу – он был бы крайне привлекателен, если бы данная статья была посвящена политической истории Ахеменидов, но это не так – она посвящена явлению апроприации древних текстов в рамках *современного* политического дискурса. В этом свете, такая выборка источников обусловлена их иным качеством – Геродот и Ксенофонт обладают наибольшим «публичным присутствием» как источники о жизни Кира II. Геродот, однако, – в большей степени, нежели Ксенофонт, уже по одной только причине своей общей известности в качестве «отца истории».

Геродотовские Истории могут быть прочитаны дидактически – читатель способен обнаружить в его сообщениях сквозную тематику, посвященную опасности царской власти и империалистической экспансии [7, с. 7], и эта дидактика, в свою очередь, может быть интерпретирована как проистекающая из эксплицитного намерения автора своими работами дать генетическое объяснение греко-персидским войнам [3, с. 7]. Непосредственно Кир, однако, выделяется у Геродота среди прочих персидских царей (за исключением Дария Великого) своим крайне положительным образом [6, с. 83]. Тем интереснее, что по сравнению с другими классическими произведениями, Истории сходятся в их свидетельствах с Цилиндром в меньшей степени, ярчайшим примером чему служит описание Геродотом захвата Вавилона персидскими войсками [7, с. 85-86], в то время как автор Цилиндра Кира настаивает на мирном взятии города персидским царем.

Повторим логику прогрессии от Второго Исаяи к книге Ездры в случае греческих текстов: вслед за Геродотом, Ксенофонт дает положительную характеристику Киру Великому в своей Киропедии, но при этом *более* положительную – персидский царь эксплицитно представлен как героическая личность и идеальный правитель. Нам интересен очевидный контраст между Киропедией как философо-дидактическим произведением и Анабазисом как полноценным историческим трудом [7, с. 8]. Мы обнаруживаем готовность Ксенофонта сообщать разные версии легендарных событий в этих двух

произведения, сознательно выбирая ту, которая наиболее подходит для конструируемого нарратива [1, с. 17]. Это единственный явный случай «выбора слов», безусловно стоящим за составлением любого мифа о жизни Кира Великого – такой же акт «отбеливания» легенды, который чувствуется в современном обращении с классическими текстами об этом древнем царе. Помимо того, мы видим в Киропедии такое же расхождение с Цилиндром Кира, что в Историях – Ксенофонт сообщает о насильственном взятии Вавилона [1, с. 39].

Итак, мы можем заключить, что хотя образ Кира и фикция, которой он служит, различается между разными библейскими текстами, разными трудами греческих авторов и между классическими текстами вообще, положительная (и даже героическая) характеристика его роли в истории является для них общим местом. Прежде чем мы продолжим рассуждение об этой видящейся солидарности классиков, походя отметим, что это характеристика, верная для *классических* текстов, но не в целом *древних*: так, известно прочтение одного из поздних (эллинистического периода) Вавилонских «пророческих» текстов, дающее представление о негативном впечатлении о Кире II и его правлении [7, с. 80-81], аналогично, подобным образом может быть интерпретирована Хроника Набонида [11]. Эти клинописные источники отличает от классических то, что они были внесены в историографический дискурс относительно недавно, не имели возможности покинуть его пределы и повлиять на культуру, внутри которой разворачивается интересующий нас гуманитарный дискурс.

Так же и Цилиндр Кира, обнаруженный не многим ранее, – был бы он столь известен, если бы не ложился так легко на предубеждения современного человека о царе, которому он посвящен? Однако, если мы обратим внимание на то, за счет каких признаков Цилиндр Кира «встраивается» в ряд классических текстов, то станет ясно, что он разделяет с ними не столько описание конкретных политических актов персидского царя, сколько общие мотивы в его образе – как уже было показано, описание жизни и деятельности царя из классических источников по меньшей мере не сводится к описаниям из Цилиндра Кира, а в иных местах классические тексты прямо противоречат Цилиндру.

Теперь, когда мы кратко оговорили, какой контекст положительная характеристика Кира Великого имела в четырех других известных источниках, имеет смысл дать интерпретацию фикции рассматриваемого нами клинописного памятника.

Цилиндр Кира уже долгое время идентифицируется как текст, принадлежащий к сугубо ассиро-вавилонской традиции, причем до недавних пор его относили к жанру строительных текстов [6, с. 88]. Аккадоязычные строительные тексты представлены в избытке, и благодаря этому идентифицировать формулы строительных текстов в Цилиндре Кира и даже отследить их происхождение к другим подобным текстам не составляет никакого труда. Затруднения вызывала «историческая» – предшествующая строительной – часть текста. Хотя этот структурный элемент не является необычным для строительных текстов в целом и часто встречается в строительных надписях предшествовавшего Киру вавилонского царя Набонида [2, с. 20-36], отдельные формулы, которыми была составлена не-строительная часть текста, были полностью идентифицированы лишь в 2019 г., благодаря текстологическому исследованию Г. Шаудига [8]. Шаудиг

проследил конкретное происхождение ключевых пассажей из строк 1-36 Цилиндра – они восходят к ряду аккадоязычных апологических текстов, что позволяет, в свою очередь, идентифицировать «исторический» участок текста Цилиндра Кира как ассиро-вавилонскую апологию. Это финальное открытие в ряду многих, связанных с Цилиндром, окончательно закрывает вопрос о возможности его прочтения как «эдикта», или «манифеста», обладающего какой бы то ни было исключительностью – текст оказывается глубоко жанровым и раскрывает в себе не усилие царской администрации установить какой-то «новый порядок» в подчиненных землях, но усилие вавилонских элит «уместить» нового, чужестранного правителя в роль обыкновенного, традиционного местного монарха.

Любопытная, но вовсе не неожиданная закономерность обнаруживается по рассмотрению перечня всех избранных для данной работы источников. Равно как в древних, так и в современных реалиях историческая реальность жизни и правления Кира Великого транслируется постольку, поскольку она может быть инструментализирована в рамках какого-то дискурса: объяснить греко-персидские войны, объяснить искусство правления государством, объяснить отношение между иудеями и царской властью, объяснить место Ирана в мировой истории... Подобная закономерность неизбежно поднимает вопросы методологического характера об «исторической реальности» как таковой – в качестве понятия. Хотя вопрос о сущности Цилиндра Кира кажется по большей части закрытым, представляется, что его высокая изученность и богатая история процесса его изучения позволит ему в будущем сослужить в качестве материала для дисциплин историософии, историографии и публичной истории.

Литература

1. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука. 1985. 319 с.
2. Beaulieu P.-A. *Reign of Nabonidus, King of Babylon (556-539 BC)*. Yale University Press. 1989. 284 p.
3. Bickerman E. J. *Studies in Jewish and Christian History*. Leiden; Boston: Brill. 2007. 1307 p.
4. Boyce M. *Zoroastrians, Their Religious Beliefs and Practices*. London; Boston; Henley-on-Thames: Routledge and Kegan Paul. 1979. 252 p.
5. Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Wyoona-Lake: Eisenbrauns. 2002. 1196 p.
6. Kuhrt A. The Cyrus Cylinder and Achaemenid Imperial Policy. *Journal for the Study of The Old Testament*. 1987. Vol. 8. pp. 83-97.
7. Kuhrt A. *The Persian Empire: A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2007. 1020 p.
8. Schaudig H. The Magnanimous Heart of Cyrus: The Cyrus Cylinder and Its Literary Models. *Ilex Foundation*. 2019. *Cyrus the Great: Life and Lore*. pp. 67-91.
9. United Nations, Office of Public Information. *Iran Presents Replica of Ancient Edict to United Nations*. HQ/264. 1971.
10. United Nations, Office of Public Information. *Statement by Secretary-General, U Thant, At Presentation of Gift from Iran to United Nations*. SG/SM/1553/HQ263. 1971.
11. Waerzeggers C. Facts, Propaganda, or History? Shaping Political Memory in the Nabonidus Chronicle. *Atlanta: Society of Biblical Literature*. 2015. *Political Memory in and after Persian Empire*. pp. 95-124.
12. Wilson I.D. *Yahweh's Anointed: Cyrus, Deuteronomy's Law of the King, and Yehudite Identity*. Atlanta: Society of Biblical Literature. 2015. *Political Memory in and after Persian Empire*. pp. 325-361.

CLASSICAL INTERPRETATION OF CYRUS CYLINDER AND MODERN PUBLIC HISTORICAL DISCOURSE**B.S. Bazhenov**¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This is an article on the influence which the corpus of classical historical texts holds over the image of Cyrus the Great in public historical discourse. The author tries to describe the kind of prejudices people acquainted with classical texts, which are examined in this study, could read the Cyrus Cylinder with, as well as the elements of that inscription which allow said prejudices to be confirmed. Reconstruction (based on modern historical studies) of historically authentic discourses, of which examined classical texts could've been a part of, is attempted, and said supposedly historically authentic discourses are juxtaposed to modern discourse, exposing its appropriative character. Through implementing the latest achievements in the linguistic analysis of the Cyrus Cylinder, the author contraposes the critical interpretation of the inscription in question to the classical one. In conclusion, the author speculates about the horizons which are opened before historians not only by critical reading of the Cyrus Cylinder, but also by analysis of classical interpretations.

Keywords: Cyrus Cylinder, Cyrus the Great, Bible, Greek historiography, discourse, public historical discourse, interpretation, ideology.

Авторы публикации

Баженов Борис Сергеевич, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. mriojgoro@gmail.com

Authors of the publication

Bazhenov Boris Sergeevich, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. mriojgoro@gmail.com

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ЮДИФИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Д.Э. Базяева, Н.А. Шадрин
* diana_bazyeva@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности в трактовке образа героини библейского мифа Юдифи в англосаксонской литературной традиции периода раннего средневековья. В зависимости от господствующих идей на различных этапах развития общества, образ Юдифи претерпевал трансформацию. Данная тенденция отразилась в работах англосаксонских средневековых писателей: в проповеди по библейской книге «Юдифь» аббата Элфрика Эншемского и в поэме «Юдифь» анонимного автора. Обращаясь к данным памятникам, исследуется двойственность в образе библейской героини. В первом сочинении Юдифь предстает перед читателем как кроткая, целомудренная дева, обладающая мудростью и смиренностью, а во втором как храбрая, отважная и энергичная воительница. Выявляя различия в трактовке, автор обращает внимание на слияние христианских и германских традиций в духовной жизни англосаксонского общества, а также на исторический контекст, связывая трансформации библейского образа с необходимостью вооруженной борьбы с завоевателями-норманнами.

Ключевые слова: Юдифь, англосаксонская литература, раннее средневековье, библейский сюжет, христианство, героический эпос.

Главная героиня Ветхозаветной «Книги Юдифь» - одна из наиболее значительных женских фигур в европейской культуре. С давнего времени её история, изложенная во второканонической книге Ветхого Завета, становится излюбленной темой писателей и художников. Согласно содержанию библейского мифа, молодая вдова, благочестивая израильтянка Юдифь спасла родной город Ветилу от осаждающих его войск Олоферна, посланных Навуходоносором, ассирийским царем для покорения Иудеи. Очарованный красотой женщины, грозный воин пригласил ее в свой шатер. Опьяненный вином и страстью, он погрузился в глубокий сон, и тогда Юдифь отрубила ему голову. Узнав о смерти предводителя, солдаты бежали, и Ветилуя была спасена [3]. Трактовка содержания «Книги Юдифи» весьма неоднозначна. Одни видели здесь метафору триумфа христианского благочестия над языческим многобожием, другие - действительно произошедшие события [7, с. 993]. О подлинности, времени написания и исторической достоверности «Книги Юдифи» до сих пор идут споры, но, несмотря на это, история храброй израильтянки с давних пор пользовалась уважением.

В зависимости от идей, господствующих в обществе на различных этапах его развития, образ Юдифи претерпевал те или иные трансформации, демонстрирующие, в частности, изменения отношения к женщине и ее роли в общественной жизни. В этой связи, интересно обратиться к рассмотрению трактовки образа святой Юдифи в литературном пространстве раннего средневековья, в частности в англосаксонской традиции.

Ключевыми произведениями англосаксонской литературы раннего средневековья, касающимися образа библейской Юдифи, являются проповеди по библейской книге «Юдифь» аббата Элфрика Эншемского (англосаксонский монах-бенедиктинец и один из крупнейших учёных-агиографов Англии донормандского периода) и поэма «Юдифь» анонимного автора в манускрипте Cotton Vitellius A XV из коллекции сэра Роберта Коттона.

Подвиг Юдифи восходит к 6 в. до н.э., а сама героиня как благочестивая вдова, спасшая свой город, относится к числу ветхозаветных святых, которые пользовались особым авторитетом в светской и религиозной жизни средневековой Европы [3]. Её подвиг не обошли своим вниманием и известные христианские богословы. Впервые упоминает о ней римский епископ Климент (35-99 гг.). В «Первом послании к Коринфянам» он использовал образ Юдифь в назидательных целях, преподнося её как пример христианской любви и самоотверженности. Климент писал: «Блаженная Иудифь... испросила позволение у старейшин.... И пошла она, подвергая себя опасности из любви к своему отечеству и народу осажденному, и Господь предал Олоферна в руки женщины» [5]. Акцентируя внимание на нравственном характере Юдифи, христианский богослов Климент Александрийский (150-215 гг.) признает её «совершенною среди женщин», а его ученик, христианский теолог Ориген (185-254 гг.) по стойкости духа и христианской веры провозглашает Юдифь «удивительною и знаменитейшею из женщин» [8, с. 561].

Что же касается англосаксонской поэтической традиции, то здесь легенда о Юдифи наследует своё христианское прочтение исходя из включения её святым Иеронимом в Вульгату, переведенную им на латынь версию Библии, в начале V века. В прологе к «Книге Юдифь» он писал: «Примите вдову Юдифь, образчик целомудрия, и провозвестите о ней вечными торжественными похвалами. Достойною подражания не только женам, но и мужам её сделал Тот, Кто в воздаяние за ее целомудрие даровал ей таковую силу победить непобежденного никем из мужей и преодолеть непреодолимого» [4]. Можно сказать, что влияние Иеронима было определяющим в развитии вопроса о месте Юдифи в христианском богословии. Именно он присваивает библейской героине каноническое достоинство, ссылаясь на постановления Никейского собора [7, с. 992]. Интерпретацию Иеронимом образа Юдифи «как образчика целомудрия», как примера для подражания не только женщинам, но и мужчинам, и унаследовала литературная традиция англосаксов.

От подобной трактовки образа Юдифи не отступил и Элфрик Эншемский в своей адаптации ветхозаветной истории. Стараясь подчеркнуть духовность и целомудрие героини, автор явно преследует цель преуменьшить соблазнительность Юдифи в попытке привлечь Олоферна: «На четвертый день господин с большой радостью устроил пир для подчиненных в своем шатре и приказал своим камергерам принести на его пир вышеупомянутую Юдифь. Они так и сделали. Она пришла, украшенная без похоти, и предстала перед ним прекрасная в своей естественной красоте» [10]. Элфрик включает описание героини, которая красиво оделась перед отъездом в стан врага, но он прямо не излагает ее план и не позволяет ее действиям или одежде как-либо провозгласить Олоферна. Вместо этого он представляет пир с точки зрения желаний мужчины, а не с точки зрения желания Юдифи соблазнить врага: «Его разум во всей его безнравственности немедленно воспылал к ней сильной жаждой. Он приказал ей веселиться на его пиршестве, и она пообещала ему, что будет» [10]. Элфрик тщательно избегает любых намеков на ее обман в попытке представить читателям святую женщину, для которой обман – это грех. Автор практически исключает из повествования и сцену обезглавливания, поскольку, вероятно, не хочет делать акцент на насилии, преподнося убийство так, как если бы у Юдифи не было другого выбора. Он пишет: «и она взяла его собственный меч и ударила его в шею, и двумя ударами ранила его в горло, и она изранила тело простынями. Затем она взяла голову и его

простыни и вышла со своей служанкой с такими молитвами, какие были у нее в обычае, пока они не подошли к городским воротам...» [10]. Таким образом, автор пытается донести до читателя мысль о том, что умысел героини заключался не в кровопролитии, а в желании спасти свой город, но не иметь при этом греха. Это желание явно прослеживается в чтении молитв после убийства. В данной проповеди на первый план выходит именно духовная сторона подвига святой, что всячески подчеркивается её действиями. Юдифь не произносила речей, не принимала военные трофеи. Святая героиня в изображении Элфрика, полагаясь на Божью помощь, убила своего врага не ради добычи и похвалы, а только лишь с целью защитить свой народ: «Тогда Юдифь закричала и сказала стражникам: «Отвратите городские ворота! Сам Бог с нами, тот, кто может освободить народ Израиля» [10]. Особенно важно то, что Юдифь не гордится своей победой, а посвящает ее Богу и возносит Ему хвалу: «С радостью восхваляю нашего господина, который не оставил тех, кто верит в него, и тех, кто верит в его великую верность; и через меня он исполнил свою милость, которую обещал дому Израилеву; а теперь, сегодня вечером, моими руками он убил врага своего народа!» [10]. Благодарит Юдифь Бога и за сохранение своего благочестия в стане врага: «Воистину, Ангел Божий защитил меня от них, так что я вернулась к вам непорочной; и сам Бог не допустил, чтобы я была посрамлена, без осквернения послал меня обратно» [10]. Подобная трактовка и акцент именно на этом аспекте подвига может объясняться стремлением автора использовать ветхозаветную героиню как иллюстрацию христианского поведения для монахинь, которые должны были брать пример с кроткой и непорочной Юдифи [2, С. 49].

Однако образ Юдифи в англосаксонской литературной традиции имел и иную трактовку. В манускрипте Cotton Vitellius A XV анонимного автора ветхозаветная героиня предстает перед читателем, безусловно, целомудренной, но, в тоже время, храброй, отважной и энергичной воительницей. Автор всячески пытается продемонстрировать те действия Юдифи, которые доказывают ее героизм. Во-первых, это момент убийства грозного Олоферна. Здесь нельзя не отметить жестокость сцены обезглавливания: «взяла она язычника крепче за волосы, притянула презрительно мерзавца низложенного к себе дланями, да распростерла проворно мужа постылого так, чтобы с ним, окаянным, без усилий особых справиться можно было бы. Хватила зломыслого изверга закланного дева с заплетенными косами мечем окровавленным рассекла ему выю до половины, отчего от раны зияющей бражник в беспмятство впал, однако ж не преставился, не прервал дыхания. Тут женщина отважная вдарила раз второй уже поживее – покатила голова пса поганого прямо на пол» [1]. Автор поэмы, в отличие от аббата Элфрика Эншемского, явно не скупится на подробности и передает каждую конкретную деталь возмездия. Во-вторых, это сцена шествия героини после убийства врага, когда она со своей служанкой несет окровавленную голову, возвращаясь в Ветилу: «Отправились прочь оттуда обе женщины смелоотважные, покуда не вышли сердцем бесстрашные жены жизнерадостные за стан войска вражьего» [1]. В данном отрывке автор явно хочет показать тот факт, что героиня гордится своим смелым и отважным поступком. А в дальнейшем, продолжая следовать канонам героики, анонимный автор демонстрирует доказательство победы героини, её успех как воина: «Приказала премудрая, златом прибранная, служанке своей, деве смышленной, воестранника из мешка голову вызволить, да показать градожителем знак кровавый, Как, мол, в сраженье она преуспела»

[1]. Демонстрация людям окровавленной головы олицетворяет её доминирование над врагом и желание вести за собой народ. Более того, Юдифь напрямую играет роль лидера, когда призывает жителей Ветилуи сражаться с армией Олоферна: «И теперь у щитоносцев, у мужа каждого – из горожан – я вопрошаю, готовы ли выступить они на ратище?» [1], или когда произносит воодушевляющую речь перед сражением: «несите щиты липовые, нагрудники, рубахи кольчатые, шлемы сверкающие на полчище вражье, рубите вождей их мечами багряными, воеводчиков обреченных. Враги ваши на смерть осуждены, вы же – на славу в сече, так указал вам десницей моею Отец Всемогущий» [1]. Подробно в поэме описывается и сцена возмездия захватчикам. Обращая внимание на мужественность витилуанских воинов, автор не игнорирует и жажду отмщения врагам, которые ранее вторгались в иудейские земли. Он пишет, что «стрелки из мужей иудейских ожесточились сраженьем; дружина в час этот жаждала дюже схватки копейной» [1]. Юдифь также ведет себя как герой войны, когда получает в награду от вождей военные трофеи за памятный поход: «меч Олофернов, шлем, кровью сочащийся, кольчугу широкую, чистым золотом украшенную, да те богатства несметные, чем владел воевластитель зломыслый» [1]. Но даже несмотря на собственную смелость и решимость, Юдифь полагается на Бога: «Ниспошли мне, Старейшина небесный, победу и веру истинную» [1]. Вознося ему молитву, она просит защитить её, а на месте убийства умоляет его о быстром завершении, что показывает нам её страх. Как только она совершает свой героический поступок, автор вновь напоминает читателям о том, что Бог сыграл непосредственную роль в её успехе: «Добыла днесь в схватке Юдифь Господом дарованную славу величайшую» [1]. Автор явно показывает, что именно вера помогла героине преодолеть все трудности. В данной трактовке образа Юдифи мы наблюдаем явное влияние героических германских традиций, которые существовали в англосаксонском обществе рубежа X-XI вв. Это, например, подробные сцены поединков, харизматичный лидер, жажда добычи, ценность наград, прежде всего, как убедительных знаков доблести [6, с. 92]. Но наряду с героическими мотивами, здесь присутствовали и добродетельные христианские идеалы, такие как жертвенность, благочестие, целомудрие, вера в Бога и любовь к нему. И здесь возникает вопрос, чем могла быть вызвана подобная амбивалентность в трактовке образа библейской героини в англосаксонской литературе раннего средневековья.

Подобная разница взглядов возникает, вероятно, из слияния прошлого и настоящего англосаксов. Здесь важен исторический контекст. Христианизация англосаксов одно из важнейших событий в истории средневековой Британии. Этот процесс завершился не сразу, в конце VI века король Кента Этельберт I женился на франкской принцессе-христианке Берте. Данным обстоятельством решил воспользоваться Папа Григорий Великий, дабы противостоять распространявшемуся на этих землях язычеству. В 596 году он послал в Британию группу миссионеров под предводительством аббата Августина Кентерберийского. Так, благодаря усилиям миссионеров, посланных Папой, при содействии Берты, которая сыграла не последнюю роль в обращении в христианство своего мужа Этельберта I, христианские ценности начали приживаться среди жителей Кента [9]. В дальнейшем христианизация продолжалась на территории Братании благодаря усилиям римских миссионеров на юге и кельтских проповедников на севере и западе страны [9]. Уже к X столетию англосаксы были знакомы с христианством довольно продолжи-

тельное время. Так, наследуя христианские ценности, они унаследовали и патристическую науку, которая имела несколько толкований образа Юдифи. Для некоторых Отцов Церкви она была моделью самоотверженности, благочестия и веры, в то время как для других она стала своеобразным прообразом Церкви, которая представляла всех христиан в их борьбе с язычниками. Как уже отмечалось ранее, именно как образчик целомудрия она была представлена святым Иеронимом в латинском переводе Библии. Именно интерпретация образа ветилуанки, которую представил Иероним, скорее всего, служила прообразом Юдифи для произведений англосаксонских поэтов, которые жили в период столкновения англосаксов со своими собственными «ассирийскими» врагами в облике норманнов. Во многом благодаря этому, трактовка подвига Юдифи как метафоры победы над язычеством приобретает в Британии особую актуальность и остроту в конце X века. Аббат Элфрик, который был знаком с трудами западных Отцов Церкви, вполне ожидаемо пытался привлечь своих современников к борьбе против скандинавов - язычников, изображая Юдифь в образе «чистой девы», которая своей благочестивостью и любовью к Богу смогла победить врага своего народа. Ведь по его представлению именно отсутствие праведности послужило источником бедствий англосаксов, и ситуация не улучшится, пока они не вернуться на истинный путь служения Богу [2, с. 52]. Иная картина предстает в поэме входящей в рукопись Cotton Vitellius A XV. Здесь появляются темы воинственности, а святость Юдифи героизируется. Подобные трансформации библейского образа были во многом связаны с германскими традициями, которые унаследовали англосаксы. Несмотря на распространение христианства, влияние героического прошлого на англосаксонское общество было еще сильно. В частности, оно находило отражение в духовном мире англосаксов: в декоративно-прикладном искусстве, ремесле и литературе. Этот мир населяли бесстрашные герои, мужественные войны, которые служили примером для новых поколений, оживленные боги и боги, наделяющие воителей удачей и храбростью в бою [6, с. 92]. Данные тенденции частично отразились в поэме «Юдифь». Героическая трактовка образа Юдифи была связана и с необходимостью вооруженной борьбы с завоевателями. Здесь обществу представляется некий образец для подражания, героиня, которая при похожих обстоятельствах смогла преуспеть вопреки всему, когда другие отчаялись.

Таким образом, мы видим, что в зависимости от личных взглядов авторов на историческую ситуацию и от той идеи, которая лежала в основе того или иного произведения (нашествие как наказание за грехи или вооруженное сопротивление нашествию как жизненная необходимость), меняется и интерпретация образа библейской Юдифь, порождая, тем самым, некую двоякость в его трактовке.

Литература

1. Билингва: Англосаксонская поэма Юдифь [Электронный ресурс] // Britanniae [сайт]. [2004]. URL: http://britanniae.ru/poem/OE_Judith.htm (дата обращения: 09.02.2021).
2. Болдырева И. И. Ветхозаветное предание о Юдифи в книжной традиции раннесредневековой Англии. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. XIV. №2. С. 48-54.
3. Ветхий Завет. Книга Иудифи [Электронный ресурс] // Моя Библия онлайн [сайт]. URL: <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/iudif.html> (дата обращения: 09.02.2021).

4. Иероним Блаженный Прологи к книгам Ветхого Завета [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. [2005]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/prologi-k-knigam-vevhogo-zaveta/ (дата обращения: 09.02.2021).

5. Климент Римский. Послания к Коринфянам [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. [2005]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/poslanija-k-korinfjanam/ (дата обращения: 09.02.2021).

6. Мельникова Е. А. Меч и лира: Героический мир англо-саксонского эпоса. СПб.: Наука, 2018. 335 с.

7. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета : в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. Изд. 4-е. М: Дар, 2009. / Т. 2.: Исторические книги. 1056 с.

8. Юнгеров П. А. Введение в Ветхий Завет. Неканонические книги. Книга 1. М.: Директ-Медиа, 2016. 653 с.

9. Шерон Тернер. История Англо-саксов [Электронный ресурс] // Britanniae [сайт]. [2004]. URL: http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_3_6.htm (дата обращения: 09.02.2021).

10. Brandon W. Hawk. Ælfric's Sermon On Judith // Brandon W. Hawk [site]. [2013]. available at: <https://brandonwhawk.net/2017/01/17/aelfrics-sermon-on-judith/> (accessed: 09.02.2021).

THE AMBIVALENCE OF THE IMAGE OF JUDITH IN ANGLO-SAXON LITERATURE OF THE EARLY MIDDLE AGES

D.E. Bazyayeva, N.A. Shadrina

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article examines the features in the interpretation of the image of the heroine of the biblical myth of Judith in the Anglo-Saxon literary tradition of the early Middle Ages. Depending on the dominant ideas at different stages of the development of society, the image of Judith underwent a transformation. This tendency was reflected in the works of Anglo-Saxon medieval writers: in the sermon on the biblical book "Judith" by Abbot Ælfric Enshem and in the poem "Judith" by an anonymous author. Referring to these monuments, the twofoldness in the image of the biblical heroine is explored. In the first essay, Judith appears before the reader as a meek, chaste virgin, possessing wisdom and humility, and in the second as a brave, courageous and energetic warrior. Revealing differences in interpretation, the author draws attention to the fusion of Christian and Germanic traditions in the spiritual life of Anglo-Saxon society, as well as to the historical context, linking the transformation of the biblical image with the need for armed struggle against the Norman conquerors.

Keywords: Judith, Anglo-Saxon literature, early Middle Ages, biblical story, Christianity, heroic epic.

Авторы публикации

Базяева Диана Эдуардовна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. dbazyayeva@gmail.com.

Шадрина Наталия Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. shadrina_nata@list.ru

Authors of the publication

Diana Eduardovna Bazyayeva, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. dbazyayeva@gmail.com.

Nataliya A. Shadrina, Candidate of historical sciences, docent, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. shadrina_nata@list.ru

КОЛОНИЗАЦИЯ, ОСВОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮЖНОГО УРАЛА НА ПРИМЕРЕ Г. ТРОИЦКА

Р.Р. Гарифзянов
r.r.garifzyanov@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена колонизации Южного Урала на примере города Троицка. В ней рассказывается про колонизацию и освоение территорий Южного Урала сначала Оренбургской экспедицией, которую возглавлял И.К. Кириллов, а затем В.И. Татищев. Вообще, данный регион был не самым спокойным. Именно поэтому, в конце концов, было решено в 1743 году начать строительство Уйской пограничной линии. В результате чего, 19 июня 1743 года на самой границе Российской империи и казахской степи, И.И. Неплюевым была основана Троицкая крепость, «как главная крепость Уйской пограничной укрепленной линии». Но, спустя какое-то время, приграничная крепость превращается в торговый город. Благодаря подполковнику Бахметьеву в Троицкой крепости зарождается меновая торговля с кочующими в здешних краях киргиз-кайсаками, которая в дальнейшем превратится в одну из крупнейших ярмарок Российской империи. Именно торговля превращает Троицк в мультикультурный город. Неспроста окрестные казаки так и говорили – «Троицк – татарский город» или «Троицк – магометанский город». Постепенно в здешние края начинают переселяться многие купеческие семьи. В результате, на их деньги будут построены многие религиозные, а также образовательные учреждения. Так, за следующее столетие, г. Троицк превратится в настоящий духовный, культурный и образовательный центр Южного Урала.

Ключевые слова: Город Троицк, Южный Урал, Троицкая ярмарка, Троицкая крепость, И.И. Неплюев, Оренбург, татары, образование на Урале.

Говоря об истории становления г. Троицка, стоит обратиться к колониальной политике, проводимой нашим государством. Все началось с присоединения к нашей стране территорий Южного Зауралья с дальнейшим их освоением в начале XVI в. [19, с. 14]. В результате, это вылилось в оренбургскую экспедицию, возглавляемую И.К. Кирилловым, а после В.И. Татищевым, вместе с которой сюда двинулись за новой жизнью со всей Российской империи орды переселенцев. Однако, жизнь переселенцев в те времена была достаточно беспокойной: то и дело совершали набеги лихие степняки. Именно это, в конце концов, и послужило основанием для строительства в 1743 г. Уйской пограничной линии, которым руководил И.И. Неплюев [8, с. 16].

Летом 1743 г., на высоком левобережье реки Уй (в переводе на русский язык «Уй» означает мысль, дума), остановился лагерь экспедиционный отряд драгун под командованием бригадира И. И. Неплюева (1693-1773 гг.) [18, с. 3]. Он посчитал «здешнюю» местность весьма удачной для основания «крепости познатнее» [11, с. 140]. В результате чего, 19 июня 1743 г. на самой границе Российской империи и казахской степи, была основана Троицкая крепость, «как главная крепость Уйской пограничной укрепленной линии» [5, с. 7]. Первый историк Южного Урала - П.И. Рычков в своем труде «Топография Оренбургской губернии», описывая г. Троицк, скажет: «Он а по Оренбурге из всех новопостроенных крепостей может похвастаться за лучшую и людей шую» [15, с. 341].

Такое решение И.И. Неплюевым было принято не случайно. Во-первых, местность, отведенная И.И. Неплюевым под строительство крепости, ранее уже была заселенной. Это свидетельствует о благоприятных условиях жизни в здешнем регионе. Действительно, данный край постоянно привлекал к себе внимание различных кочевых племен скотоводов, в частности киргиз-

кайсацких орд Среднего жуза. Помимо простой «кочевки», в прилегающих к нынешнему Троицку районах существовали небольшие поселения, для дневного обслуживания и ночного обворования купцов, идущих по торговому пути [18, с. 29].

Во-вторых, удачное политико-географическое расположение. Троицк был основан в междуречье Уя и Увелки, на самой границе Российской империи и, как говорилось ранее, разграничивал башкирские и казахские племена. Но, помимо военно-политических задач, строительство крепости в данной местности преследовало и экономические цели [5, с. 11].

Таким образом, третьим пунктом можно выделить расположение Троицка на Сибирском торговом пути. Действительно, испокон веков в междуречье Уя и Увелки пересекались пути и тропы, проложенные торговыми караванами купцов Средней Азии, Востока и Севера. И.И. Неплюеву, который напрочь отвергал идею колониальной политики «огня и меча» его предшественников И. К. Кирилова и В. Н. Татищева, удалось осуществить завет своего «учителя» Петра Великого, мечтавшего «отворить врата в полуденную Азию». В результате, И.И. Неплюев отдал предпочтение не воинской силе, а мирным торговым связям с «ордынцами», которые будут выгодны обеим сторонам. Данное решение как нельзя лучше характеризует И. И. Неплюева, убежденного сторонника реформ Петра I, как весьма талантливого, а главное, дальновидного российского дипломата [18, с. 8]. Неспроста, еще во время сдачи выпускного экзамена в присутствии Петра Великого, император сказал о нем: «В этом малом будет толк» [10, с. 887].

Таким образом, при принятии решения о возведении Троицкой крепости, наместнику оренбургского края - И.И. Неплюеву было на что опереться. Также И.И. Неплюев много заботился об устройстве школ и церквей, о поднятии торговли и промышленности в здешнем регионе.

Впрочем, по мнению ряда исследователей, удачное место для будущей крепости могло быть выбрано еще задолго до И.И. Неплюева, полковником Л.И. Парфентьев [5, с. 7]. Он служил в Сибирском драгунском полку [16, с. 21], затем был командиром Тобольского драгунского полка, расквартированных в Исетской провинции (предшественница Челябинской области – Р.Г.) [5, с. 7]. «Он прослужил за Уралом почти всю 1-ю четверть XVIII в.» и, следовательно, хорошо знал здешние места. Также стоит отметить, что Л.И. Парфентьев владел татарским языком, был знаком со многими башкирскими старейшинами, а главное, был первым, кто нанес на карту расположение древнейшего мусульманского кладбища г. Троицка, руины которого, судя по старым планам, сохранялись здесь вплоть до середины XIX в., и являлись, как уже было сказано ранее, «свидетельством о жизни в этом месте людей в предыдущие века». Поэтому Л.И. Парфентьев, или же его подчиненные, могли, вероятно, заметить и запомнить это место во время разведывательных разъездов [5, с. 7-8].

Упомянув древнейшее мусульманское кладбище г. Троицка, хочется отметить, что некоторые исследователи, ссылаясь на надгробные плиты того самого кладбища, точнее эпитафии, назовут более раннюю дату основания крепости, чем 1743 год (для прочтения данных эпитафий Р.Н. Гизатуллиным был привлечен д.и.н. И.В. Герасимов – преподаватель Восточного факультета СПбГУ). Действительно, по мнению специалистов, арабская вязь на плитах указывает на захоронения чуть ли не XVI века [18, с. 29]. Среди исследователей также существует версия, что Троицкое мусульманское

кладбище является сохранившимся аналогом башни Тамерлана (башня Тамерлана или мавзолей Кесене – это исторический памятник мусульманской мемориальной архитектуры XIV—XVI вв., расположенный в Варненском районе Челябинской области), т.е. звеном в цепи мусульманских мавзолеев (кесене, кешени), протянувшихся от Башкортостана до Западной Сибири [9]. Одна из легенд также утверждает, что Троицкая крепость была поставлена на месте татарской деревни, которая существовала здесь задолго до этого знаменательного события [17, с. 50].

Ставить под сомнение, а тем более отрицать эти доводы — неразумно. Ясно одно, что задолго до строительства российских укрепленных поселений вдоль реки Уй, здесь уже существовало небольшое мусульманское поселение, либо же в здешних краях на постоянной основе кочевали племена киргиз-кайсаков.

Возвращаясь к теме становления г. Троицка, стоит отметить, что уже в 1746 г., спустя лишь три года с момента основания крепости, в ней был открыт торг с выходцами из Средней Азии. Это подтверждают и архивные данные.

Подполковник П.С. Бахметов (169?-176? гг.), который до весны 1746 г. занимал должность воеводы Исетской провинции [17, с. 52], в августе 1746 г. писал в Исетскую провинциальную канцелярию сообщение о том, что к нему обратились «приехавшие де к нему кочующие по сю сторону Тобола, на речке Каяте, киргиз-кайсаки, два человека, просили мены, чего для, по силе ее императорского величества указов и позволено им приезжать в сентябре в первых числах и на баранов хлеб мена ять» [12]. После этого провинциальная канцелярия, по просьбе П.С. Бахметова, разослала по территориям провинции указы о том, что желающие менять с казахами хлеб на баранов (но ничего другого) должны приехать в первых числах сентября к Троицкой крепости [12]. Таким образом, именно подполковнику Бахметьеву Троицкая крепость обязана началом меновой торговли.

Г.Х. Самигулов предположил, что эта практика стала постоянной, и встал вопрос о расширении ассортимента товаров. В результате чего, в 1750 г. И.Н. Неплюев и А.И. Тевкелев организовали пробную мировую торговлю при Троицкой крепости в течение всего теплого времени года, при этом, уже, не ограничиваясь хлебом [17, с. 52]. В результате, меновой торг преобразовался в летнюю ярмарку, которая, в дальнейшем станет одной из крупнейших ярмарок Российской империи. Тогда же, возле крепости на степной (т. е. заграничной, в карантинных целях) стороне был построен большой Меновой двор с отделениями для российских, казахских и среднеазиатских купцов (в конце XIX в. его оборот в течение теплого сезона составлял свыше 4 млн. руб.) [5, с. 11]. Что не удивительно, ведь г. Троицк был непосредственным образом связан с основными торговыми центрами Средней Азии - Ташкентом Самаркандом и Бухарой [18, с. 31].

После того, как Троицк стал главным центром торговли со всей Средней Азией, встал вопрос о налаживании тесных контактов с «иностранными» купцами. Именно для этого в Троицк было переселено большое количество казанских татар. Об этом пишет Р.Н. Гизатуллин, называя татар толмачами (т.е. переводчиками – Р.Г.) и посредниками в общении Среднеазиатских купцов с русскими. Действительно, татары, переселившиеся с Волги, были близки к народам Центральной Азии по вере и языку. Таким образом, в г. Троицке почти сразу появился Татарский

переулок, а затем образовался целый «татарский край», а процент татар населявших город стал весьма заметным [6, с. 10].

Неспроста окрестные казаки так и говорили – «Троицк — татарский город» или «Троицк – магометанский город» [6, с. 10]. Это отмечает и Н.А. Аблина, говоря, что в далекие времена Троицк называли «полутатарским, полукупецким» городом. По ее мнению, это было недалеко от истины, ведь в отдельные годы мусульманское население составляло половину всех жителей города [2, с. 61]. На мой взгляд, это немного преувеличенные данные. Судя по статистике, предложенной Д.Н. Денисовым, мусульманское население г. Троицка составляло не более чем 40% от общего числа жителей [7, с. 6]. Архивные данные показывают нам практически такую же цифру. Судя по этим сведениям, в 1896 г. в Троицке было свыше 42% мусульманского населения, 80% которого составляли казанские татары [4].

Также стоит отметить один интересный факт – в конце XIX в. уездный Троицк занимал 4-е место среди городов Российской империи по количеству проживающих в нём татар-горожан. Неспроста С. Г. Рыбаков называет дореволюционный Троицк настоящим центром казанско-татарской культуры [14, с. 188]. Р.Н. Гизатуллин подмечает, что в этом плане г. Троицк значительно опережал губернские города - Уфу, Саратов и Симбирск, уступая только Казани, Оренбургу и Петропавловску (северо-казахстанскому). По его мнению, у такой задачи разгадка простая – они, как и Троицк, были центрами торговли со Средней Азией, дававшей, в случае удачи, быстрое увеличение капиталов [6, с. 10].

Именно поэтому в г. Троицк начинают переселяться такие купеческие фамилии, как Ахмеровы, Бакировы, Бикчентаевы, Габбасовы, Галеевы, Нигматуллины, Рахматуллины, Уразаевы, Учаровы, Яушевы. Начинается активное строительство мечетей, религиозных и светских учебных заведений.

Первоначально, основным населением Троицкой крепости были военные чины. Неудивительно, что первые учебные заведения в Троицке были открыты именно военным ведомством [5, с. 19]. Первым из таких учебных заведений, благодаря хлопотам И.И. Неплюев, стала инженерная школа для подготовки военных специалистов в сооружении оборонительных укреплений [3, с. 42], открытая в 1751 г. [5, с. 34]. Можно сказать, что именно с Троицкой инженерной школы начинается история военных учебных заведений Южного Урала. Данное учебное заведение было сугубо светским и давало образование выше начального. В него принимали только тех учеников, кто уже овладел грамотой. Будущим военным строителям в школе преподавали геометрию, тригонометрию, инженерное дело и планировку [1, с. 14].

Однако, как говорилось ранее, Троицк очень рано утратил свое первоначальное военно-оборонительное предназначение, превратившись из порубежной крепости в торгово-ярмарочный город. Поэтому, по мнению Е.И. Скобелкина и И.В. Шамсутдинова, у троичан появилась потребность приобщения к грамоте. Действительно, учитывая специфику г. Троицк, без азов грамоты нельзя было вести ни какие коммерческие дела или исполнять мелкие чиновничьи обязанности [18, с. 136].

Именно поэтому не только в центральной части города, но и в его слободах и предместьях, во всех церковных приходах действовали приходские училища, а при мечетях основывались медресе. Помимо теологии, в данных учебных заведениях изучались первоосновы арифметики, так необходимые для ведения коммерческих дел. «Эти учебные заведения давали в основном кадры будущих приказчиков, оптовых скупщиков, коммивояжеров (рыночный

посредник – Р.Г.), прасолов (оптовый скупщик скота – Р.Г.), маклеров (торговый посредник – Р.Г.), мелких канцеляристов» [18, с. 137].

Таким образом, вторым учебным заведением г. Троицка стала церковная школа при церкви Живоначальной Троицы (позже Свято-Троицкий собор), открытая там в 1757 г. Стоит отметить, что первое учебное заведение, подобное Троицкому, в соседней Челябинской крепости открылось лишь спустя два десятилетия [5, с. 34].

По прошествии двадцати лет, когда в Челябинске открыли лишь первое религиозное заведение, в Троицке открывают уже второе. На этот раз мусульманское. По мнению Р.Н. Гизатуллина, его открытие состоялось в 1787 г. [5, с. 38]. Открылось оно при первой соборной мечети, построенной двумя годами ранее, по решению, самой императрицы [13].

Со временем, Троицк становится культурным центром Южного Урала. Открываются церковно-приходские школы, начальные школы, уездное училище (1835), приходское училище (1839), женское училище (1861), училище для киргизских (казахских) детей (1861). Женское училище в 1871 г. становится прогимназией. В сентябре 1873 г. в городе открывается классическая мужская гимназия. Существует женская гимназия. Открывается знаменитое медресе «Расулия» (1884), которое названо по имени её основателя — известного башкирского религиозного деятеля Зайнуллы ишана Расулева. Помимо него в г. Троицке было еще около полутора десятка мусульманских учебных заведений. В 1879 г. открылась первая библиотека в Оренбургской губернии. Таким образом, во второй половине XIX в. г. Троицк в полной мере становится настоящим культурным и просветительским центром Южного Урала.

Хочется немного заострить внимание на мужской классической гимназии (1873 г.) и задаться вопросом: «много ли уездных городов Российской империи имели свою гимназию?». Троицк же имел, и даже две: мужскую и женскую. На мой взгляд это говорит о многом. Неспроста, из-за атмосферы просвещения, многие челябинские историки именуют г. Троицк «степным Петербургом». Действительно, многие педагоги, приехавшие в Троицк из Санкт-Петербурга и других городов, пытались реконструировать в нем дух просвещенной столицы и воспитать в нем своих учеников.

В заключение, хочется сказать, что история г. Троицка действительно является достаточно необычной или даже нехарактерной для большинства Российских городов. В ней слились воедино различные культуры, религии, нравы и обычаи. Все это вылилось в многоликость и мультикультурность города, которая и повлияла на его вектор развития. Через призму прошлого г. Троицка можно проанализировать историю региона и страны в целом. Именно поэтому изучение его истории, на наш взгляд, является важной вехой краеведения на Южном Урале.

Литература

1. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год / Издание Губернского Статистического Комитета. Оренбург: Типо-лит. Губернского Правления, 1894. 168 с.
2. Аблина Н. А. На перекрестке времен и судеб: Троицку – 265 лет. Троицк: «Челябинский дом печати», 2008. 188 с.Алекторов А. Е. История Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1883. 128 с.
3. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 167. Лл. 12-19.
4. Гизатуллин Р. Н. От солдатской школы до классической гимназии. История учебных заведений дореволюционного Троицка. Челябинск: «Край Ра», 2018. 392 с.

5. Гизатуллин Р. Н. Мусульманские учебные заведения дореволюционного Троицка. Челябинск: «ЕДП», 2016. 93 с.
6. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII — начало XX веков). Москва: «Марджани», 2011. 256 с.
7. Клепикова И. А. Сердцу нет дорожке Троицкой земли. Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2011. 155 с.
8. Национальная историческая энциклопедия [Электронный ресурс] // Мусульманские кладбища троичка [сайт]. [2009]. URL: <https://interpretive.ru/termin/musulmanskie-kladbischastroicka.html> (дата обращения: 04.05.2020).
9. Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон – Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, – Т. 20. 1897. 960 с.
10. Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева: 1693 – 1773. Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1893. 197 с.
11. ОГАЧО. Ф. И-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 649-649 об.
12. РГАДА. Ф.16. Д.989. ЛЛ.3-3 об.
13. Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1897. 330 с.
14. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии (Сочинение П.И. Рычкова 1762 года). Оренбург: «Типография Б. Бреслина», 1887. 405 с.
15. Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск: Книга, 2011. 280 с.
16. Самигулов Г. Х. Из истории Троицка // Листая памяти страницы: Областная научно-практическая конференция, посвященная 270-летию города Троицка. – Челябинск: б/и, 2013. С. 50-62.
17. Скобелкин Е. И., Шамсутдинов И. В. Возвращаясь к прошлому. Троицк: «ТЭМП», 1993. 168 с.
18. Халикова Г. Троицкий район: на рубеже времен и судеб // под ред. Э.Ш. Валеевой, И.Ф. Михайленко - Воронеж: ООО «ЛАЙТ», 2014. 349 с.

COLONIZATION, EXPLORATION AND DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN URALS ON THE EXAMPLE OF TROITSK

R.R. Garifzyanov

Saint Petersburg State University Saint Petersburg
Saint-Petersburg, Russia

Abstract. This article is devoted to the colonization of the South Urals using the example of the city of Troitsk. It focuses on the colonization and development of the territories of the Southern Urals, first by the Orenburg expedition, lead by I.K. Kirillov, and then V.I. Tatishchev. In general, this region was not the most peaceful one in The Russian Empire. That is why, in the end, it was decided in 1743 to start the construction of the Uisk border line. As a result, on June 19, 1743, on the very edge of the Russian Empire and the Kazakh steppe, the Troitsk fortress was founded by I.I. Neplyuev, "as the main fortress of the Uyskaya border fortified line"

But, after some time, the border fortress turns into a full-fetched trading city. Thanks to Lieutenant Colonel Bakhmetev, an exchange trade with the Kirgiz-Kaisaks nomadic tribes, which populated the local area occurs in the Troitsk Fortress, which would later turn into one of the largest fairs of the Russian Empire.

It is trade that turns Troitsk into a multicultural city. It is no coincidence that the surrounding Cossacks frequently said following - "Troitsk - Tatar city" or "Troitsk - Mohammedan city". Gradually, many merchant families began to move to the local area. As a result, many religious and educational institutions will be built with their money. So, over the next century, the city of Troitsk will turn into a real spiritual, cultural and educational center of the South Urals.

Keywords: Troitsk city, South Urals, Troitsk fair, Troitsk fortress, I.I. Neplyuev, Orenburg, Tatars, education in the Urals.

Автор публикации

Гарифзянов Рамиль Рафисович, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия. r.r.garifzyanov@mail.ru

Author of the publication

Ramil R. Garifzyanov, student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. r.r.garifzyanov@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ С.С. УВАРОВА

А.А. Гафаров
alikgaff@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируются процессы, связанные с трансфером Российской империей европейской националистической концепции. А именно попытки министра народного просвещения графа С.С. Уварова придания легитимности, оправданности идеологии «официальной народности», посредством трансформации сложившегося к началу XIX в. цивилизационного дискурса. Автор статьи исходит из позиции неразрывной связи концептов цивилизации и нации в условиях специфического националистического дискурса, сложившегося в имперских метрополиях в первой половине XIX века. Солидаризируясь, таким образом, с некоторыми положениями теории «либерального национализма» Э. Хобсбаума, автор статьи прослеживает аналогичный сценарий в Российской империи. А именно то, каким образом концепт национализма, абсорбируемый Российской империей, образуя своеобразный сплав с ранее освоенной идеей цивилизаторской миссии, становится оправданием имперской гегемонии. В фокусе исследования находится специфическая цивилизационная концепция С.С. Уварова, призванная обосновать эмансипацию Российской империи в рамках Европы, посредством идей неоклассицизма, философии немецкого романтизма и ориентализма.

Ключевые слова: Империя, нация, национализм, цивилизация, модерн, европоцентризм, трансфер, официальный национализм.

Современная историография, касающаяся вопросов взаимодействия национализма и Российской империи, с начала XXI в. все далее отходит от позиций жесткого антагонизма этих двух явлений. Наоборот, в духе журнала «Ab Imperio» или серии «Окраины Российской империи», издаваемой «Новым литературным обозрением», исследователь фокусируется на изучении витальных свойств империи, ее способности к адаптации нового для себя инструментария. Подобная исследовательская оптика свойственна подходам «новоимперской истории» и транснациональному подходу в изучении восточноевропейских империй [7; 11]. Развитие имперского государства в новое время, в рамках этих подходов, рассматривается в том числе в контексте его включенности в «европейскую цивилизацию» и систему «трансферов», обеспечивающих эту приобщенность.

Артикулированный к началу XIX в. дискурс «цивилизации» обозначал некоторую историческую, культурную общность – Европу, чьи воображаемые границы одновременно обозначали границы и пути просвещения и прогресса. «Цивилизованность», тождественная «европейскости» и «прогрессивности», играла ключевую роль в подтверждении легитимности власти, в том числе власти колониальной [21, с. 29-30]. Она становилась фактором и мерилем межимперского соревнования, которое в свою очередь являлось фактором развития имперского государства [21, с. 5-14]. Следовательно, уместно допустить, что историческая общность «цивилизации» скрепляется в широком смысле слова «гонкой вооружения» имперских государств, стремящихся в русле эпохи просвещения к скорейшей модернизации своих институтов, в том числе путем трансфера наиболее прогрессивных концепций.

Историческое же «отставание» в этом «соревновании», отказ от модернизации оказывается чреватым. Помимо поражения во внешнеполитическом имидже, вплоть до исключения из коллективной

европейской идентичности, отставание прямо и косвенно затрагивает внутривластную обстановку [7, с. 30-31]. Для империи, чьей основной задачей является урегулирование внутренней гетерогенности, обладание наиболее актуальным «инструментарием» становится неременным условием стабильности [11, с. 136]. Таким образом, необходимость трансферов вполне утилитарна и диктуется множеством взаимосвязанных причин от подтверждения статуса «*Imperium inter pares*», до нужд управления имперской ситуацией, прогрессивных инструментов интеграции и мобилизации общества, легитимизации власти и т.д.

Российская империя к XIX в., несомненно, претендует быть частью этой системы. Претензии на подобную приобщенность к «цивилизации» прослеживаются в способах репрезентации государственности: от идеологемы «Москва – третий Рим», до провозглашения в 1721 году России «империей». Однако, положение Российской империи в этой системе, осложняется ее исторической и географической отдаленностью от цивилизационного центра. Репликация актуальной версии изменяющейся европейскости, всегда происходит с запозданием и опосредованно. Евроазиатская империя в результате представляется некой вторичной, колонизирующей колонией. К тому же, процесс «освоения» политической, экономической, даже чисто технологических европейских практик осложняется их чужеродностью и, следовательно, некоторой радикальностью для российских реалий.

В этом ключе особенно интересен процесс трансфера Российской империей концепции национального устройства государства. Эта актуальная для начала XIX в. версия европейскости, рожденная революционной Францией, предложила новые способы интеграции и мобилизации общества, легитимизации власти. Ее трансфер для России оказался сопряжен с рядом проблем, выражающимися в неудачах преобразований Александра I, декабристском и польском восстаниях. Ученые в русле геллнеровского понимания национализма не вполне справедливо трактуют эти события в пользу принципиального неприятия империей националистического инструментария [3]. Ключом же к рассмотрению этой проблемы в русле изучения витальных и адаптивных свойств империи служит отказ от восприятия национализма как монолитной концепции и признание ее дискурсивной сущности [10; 20; 24].

Так А. Миллер видит исходное радикальное противоречие в том факте, что воспринимаемый российской элитой националистический дискурс был франкоязычным [9]. Концепт нации, термин и его коннотации были артикулированы в государствах, хотя и имперских по сути, однако, значительно отличающихся от России. Их буквальная реализация в России официальной властью была бы сопряжена с массовым насилием. Которое, в свою очередь, согласно современным исследованиям современных империй, например, Ю. Остерхаммеля, чревато и неприемлемо для империи (в отличии от угрозы массового насилия) [22]. Последующий отказ власти от националистической риторики привел к уходу инициативы к декабристам и Польше, чьи проекты, каждый по-своему чуждый империи, находились в рамках всё того же националистического дискурса. Такая ситуация роста «неофициального» пользования националистическим ресурсом заставляет официальную власть к 30-м гг. XIX в. стремиться к фиксации за национализмом определенных значений, соответствующих существующему

политическому и социальному строю, ограничению остальных возможных его интерпретации.

Меня, однако интересует не столько уже не раз обговариваемый механизм маргинализации революционного потенциала национализма, сколько способ оправдания подобной процедуры. Ведь подобная попытка ограничения и редакции упирается в традицию, наиболее широко определяемую, как цивилизационный дискурс. Российская империя – самое восточное государство Европы. Это в рамках доминирующего в 30-х гг. XIX в. цивилизационного дискурса понимается также как наиболее далекое от просвещения, от цивилизационного центра – Франции. Такой образ России входит в очевидное противоречие с необходимостью совсем не косметической операции над концептом «современного европейского государства». Проблема вполне точно описывается риторическим вопросом С.С. Уварова, министра народного просвещения, архитектора националистической концепции «официальной народности»: «как идти в ногу с Европой, не отдалившись от собственного места...?» [17]. Другими словами, как оставаться европейским (прогрессивным) государством, не рискуя его стабильностью. Элегантный ответ министра заключался в необходимости изменение понимания принадлежности к европейскому, т.е. в переинтерпретации идеи «цивилизации».

Ключевую для себя должность, министра народного просвещения, С.С. Уваров получил в 1832 году и в меморандуме того же года обнаруживаются первые шаги к намеченной вышше цели. Так С.С. Уваров вступает в своеобразную полемику со своим «коллегой» французским министром народного просвещения Ф.Г. Гизо, ведущим специалистом в области изучения «европейской цивилизации». Для Ф.Г. Гизо цивилизация – это факт общественного и нравственного развития, находящий воплощение, прежде всего, в истории Европы. Цивилизация — принадлежность не отдельной страны, а сообщества стран Запада, оказавшихся в ситуации связности, за первенством разумеется Франции [4]. Это видение С.С. Уваров подверг резкой критике. По его мнению события 1830 года развели «цивилизацию» Гизо и одушевлявшую ее идею общественного прогресса [17]. Подобная критика направлена отнюдь не против прогрессивных идей нового времени, но против методов их достижения, т. е. беспорядков, волнений, последующих после июльской революции во Франции по всей Европе, в том числе в Польше. Это изначальное противоречие между европейскими принципами просвещения и «варварским» ходом французских революций становится основанием для будущей дискредитации неудобного С.С. Уварову представления о франкоцентричной «европейской цивилизации».

Как отмечал А. Зорин широкие возможности для дальнейшей интерпретации и критики «франкоцентричной цивилизации» предоставила процедура перевода, и комментариев, вступительной лекции курса Ф.Г. Гизо, опубликованной в Журнале Министерства народного просвещения [6; 13]. Термин «civilization» при переводе текста статьи на русский расщепляется на два термина, собственно «цивилизация» и «гражданское образование». Эта процедура позволила описывать С.С. Уварову желанную им модель Европы через термин «гражданские образования» в отрыве от дискредитируемого им ранее термина «цивилизация». При этом меж ними имелась принципиальная разница. Так и «европейская цивилизация» и «европейские гражданские образования» констатируют факт связности культур и путей их исторического

развития. Однако, во втором случае принижается степень этой связности, утверждается многовариантность реализации общеевропейских ценностей.

Так С.С. Уваров, не отрицая влияния «французской» цивилизации «очевидном во всех памятниках европейской литературы», отмечает, однако, повсеместное прекращении этого влияния: «теперь в каждом народе создается его собственная литература, как и гражданское образование каждого народа должно совершаться согласно его собственным требованиям» [13, с. 429-430]. Здесь заключается важнейший для нас, желанный Уваровым принцип – органичность прогресса и его сообразность локальным условиям. Принцип невозможный в рамках «моноцентричной» цивилизации. В подтверждении своей позиции С.С. Уваров указывает на неучтенную Ф.Г. Гизо возросшую роль Германии, как альтернативного французскому источнику «европейской просвещенности».

Продолжая критику фанкоцентричной цивилизации, С.С. Уваров отмечает вовсе отсутствие у Ф.Г. Гизо гражданского образования «народов славянских» – России. Она у Ф.Г. Гизо остается за рамками Европы, относясь к Востоку. Речь идет о Востоке как конструкте в рамках цивилизационного дискурса, обозначающем нерасчлененную совокупность «диких» народов, неспособных к развитию и исключаемых из диалога [7, с. 36]. По оценке И. Ноймана и Л. Вульфа, такое дистанцирование усилившей свои позиции Российской империи вполне характерное явление для постнаполеоновской Европы [2, с. 80-81; 12]. Как не странно С.С. Уваров принимает навязанную ориенталистскую характеристику России. Более того он подчеркивает ее, отталкиваясь, однако, от альтернативного образа Востока, предложенного немецкой философией. Популярны в то время идеи философов романтиков о восточных корнях Европы, о величии санскрита как прародителя европейской культуры нашли отражение и развитие в ранних работах С.С. Уварова, из которых в отношении России следует два важных вывода.

Первый. Отстаивая в этюде «О предгомеровской эпохе» и проекте «Азиатской академии» образ Греции как великого интерпретатора восточной мудрости, С.С. Уваров одновременно указывает на аналогичное положение России [18]. Евразийская империя, в его понимании, обладает потенциалом взять на себя роль аналогичную Греции, роль интерпретатора и посредника [19, с. 62]. Более того, Россия в таком случае как империя наделялась бы мессианской целью «take Europe grate again», что для С.С. Уварова значит вернуться к истинным незамутненным истокам просвещения.

Второе следует из первого. Логика транслируемой через множество посредников цивилизованности следующая: «Французы унаследовали эти принципы (традиции французского классицизма) от Возрождения, подражавшего латинским источникам, которые сами были туманным отражением греческих: таким образом, они имитировали имитацию», – а греки в свою очередь являлись транслятором мудрости индийской [1, с. 36-37]. С одной стороны, С.С. Уваров здесь в очередной раз указывает на «замутненность» просвещения Франции. С другой подчеркивает долгий исторический путь развития французской культуры, по определению С.С. Уварова уже состоявшейся старой нации. Россия соответственно нация молодая, т.е. министр не питает иллюзий об относительно невысоком уровне русской культуры, и видит своей целью «сохранив все выгоды европейского просвещения, подвинуть умственную жизнь России вровень с прочими нациями» [16, с. 353]. Чего, однако, не достигнуть заимствуя готовый

французский рецепт, т.е. в рамках прямого заимствования политических концепций.

Французское, следуя логике С.С. Уварова, теперь чуждо не только и не столько своей революционностью, но своей «французскостью», т.е. вторичностью, по отношению к «истинному просвещению». Лишь через обращение к «истинному просвещению» лежит путь народа (в частности, русского) к прогрессу, через повторение ренессанса. Преломленное в локальных культурных особенностях греческое и восточное наследие, по мнению С.С. Уварова, порождает самобытную европейскую нацию. Это, с одной стороны, обосновывает вариативность исторического развития наций, в частности правомочность русского национализма, например, в формате официальной народности. С другой факт наличия общеевропейских источников просвещения постулирует единство разных гражданских образований в рамках Европы.

Несложно заметить, что у С.С. Уварова возникает некоторая взаимозаменяемость между терминами «нация» и «гражданское образование». Министр несколько раз буквально ставит знак тождества между гражданским образованием и народом. Справедливо предположить, что множественность уваровских «гражданских образований» понимается как множественность центров цивилизационного притяжения, своеобразных сфер влияния крупных культур (Британия, Франция, Германия, Россия, Италия).

В националистической плоскости это соответствует описанному Э. Хобсбаумом ранненационалистическому дискурсу первой половины XIX в., формирование которого происходило рука об руку с формированием современных империй [20]. Нацистроительство в рамках этого дискурса представляется процессом укрупнения сообщества, т.е. включение менее развитых (малых) в более развитые (крупные), с очевидной выгодой для первых. Такая логика проглядывается и в программных документах декабристов, и в публицистике идейно близкого С.С. Уварову М.П. Погодина, и в приведенных Э. Хобсбаумом более поздних суждениях Дж. Милля и Мадзини [14, с. 194-197; 15, с. 9; 20, с. 54-55]. Так Дж. Милль писал: «Никто не скажет, что для бретонца или баска из французской наварры было бы менее полезным... стать членом французской нации, допущенным на равных основаниях с другими ко всем правам и преимуществам французского гражданства... нежели прозябать... не принимая участие в мировых событиях и не испытывая к ним интереса» [23, с. 363-364].

Следуя этой логике уваровское «гражданское образование» представляется областью интеграции «родственных народов». Упоминаемые «гражданские образования» славян или германцев есть не нации, не государства, но сферы борьбы за гегемонию разных национальных проектов, борьбы за унификацию пространства, которая кажется неизбежной. Естественным претендентом на подобную унификацию выступают титульные народности империй. Так как в рамках описанного Э. Хобсбаумом дискурса право быть нацией, остается лишь за многочисленным, культурно просвещенным, имеющим государственность или имевшем в недалеком прошлом сообществом.

Таким образом, если вполне обоснованно предполагать, что концепции С.С. Уварова существует в рамках этого общеевропейского дискурса, то закономерен следующий вывод. Предлагаемая министром модель Европы и положения в ней Российской империи не только обосновывает правомочность

русского имперского национального проекта в формате «официальной народности», но и оправдывает его дальнейшую органичную экспансию в Восточную Европу.

На практике теоретические концепции С.С. Уварова особенно проявляют себя на западных окраинах империи. Там, если следовать логике министра, «гражданское образование славян» имеет альтернативные русскому центры цивилизационного сближения. Речь идет о Прибалтике и, конечно, Польше. Польская нация к началу XIX в. полностью соответствует предложенным Э. Хобсбаумом критериям, даже в программах декабристов признавался статус поляков как «исторического народа» с соответствующими предпочтениями. Превосходящая русское дворянство в культурном плане польская шляхта отнюдь не испытывала выгод от приобщения к имперскому проекту нациестроительства. Ее интеграция без применения массового насилия оставалась если и не невозможной, то процессом крайне продолжительным.

С.С. Уваров стремится исправить сложившееся положение, исходя из своего видения исторического процесса развития народов и доступного ему инструментария. Так во внутренних губерниях, национальном ядре империи, создаются кафедры по русской истории и словесности. С 30-х гг. в государственных образовательных учреждениях практически полностью изживается практика преподавания на иностранном языке и иностранцами. В тех же внутренних губерниях наблюдается резкое усиление кафедр всемирной истории, истории и словесности древней Греции и древнего Рима, преподавание которых по оценке того же С.С. Уварова было несколько заброшено.[1] Одновременно создаются востоковедческие отделения в Педагогическом институте, в Академии наук, в Санкт-Петербургском и в Казанском университетах. Тем временем на западных окраинах, в киевском, белорусском, варшавском, дерптском учебных округах наоборот древние языки заменяются русским.

Исходя из уже изложенного, а также, памятуя утверждение Ю.М. Лотмана о системообразующей функции языка в сознании элит XIX века, следует вывод [8]. С позиций С.С. Уварова, изучение русской истории, языка, литературы в сочетании с изучением греческого и восточного наследия — это экспресс курс русского ренессанса, призванный породить самобытную европейскую культуру. Ограничение же преподавания древних языков в перечисленных учебных округах и замена их на русский, ставит это интеллектуальное пространство в положение воспринимающего, а не интерпретирующего. То же следует из закрытия Варшавского университета, по сути, перенос Виленского в более «русский» Киев, перенос Финляндского из Або, исторического центра, в Гельсингфорс. Последовательно выводя центры высшего образования из исторически нерусских территорий, государство смещает таким образом, символические центры этнокультурного, цивилизационного притяжения. «Русский национальный проект» выступает по отношению к западным окраинам империи посредником и источником цивилизации, отрицая тем самым их национальный статус, ограничивая возможности его обретения.

Таким образом, конструированный С.С. Уваровым цивилизационный дискурс отнюдь не уникален, он вписывается в общеевропейскую имперскую практику. Консервативная на первый взгляд концепция при разборе оказывается вполне современной своему эпохе и в меру либеральной. За

критикой С.С. Уваровым европейской цивилизации, оказывается не критика прогрессивных идей нового времени, но критика франкоцентричной монолитной Европы, вызванная необходимостью в уходе от монополии французского опыта, как медиатора цивилизации, в том числе в определении сущности концепта «нации». С.С. Уваровым, отчасти усвоившим эпистему немецкого романтизма, была предпринята попытка эмансипации положения Российской империи в Европе, посредством идей неоклассицизма и модной тогда ориенталистики, задействующей евразийский потенциал империи.

Реконструированная в статье децентрализованная модель Европы, предложенная С.С. Уваровым, в националистической плоскости разрешала ряд противоречий сложившихся в ходе трансфера националистической концепции в Российской империи в первой четверти XIX в. Так она, во-первых, обосновала правомочность и необходимость для России, как любой полноправной европейской нации, отказаться от повторения исторического опыта Франции. Во-вторых, посредством идей неоклассицизма вывела историческое развитие нации в сферу культуры, обеспечив тем самым безопасность империи от радикальных политических перемен, которые в рамках концепции оказываются вторичными. В-третьих, в теории и на практике предложила способ разрешения проблемы неинтегрированных западных окраин империи, обосновав помимо прочего органичность экспансии российского имперского проекта в восточную Европу, как сферу влияния российского гражданского образования. Частично идеи С.С. Уварова продолжали влиять на имперскую политику и во второй половине XIX в., после опалы министра, сохранившись в несколько упрощенном виде в официальной имперской идеологии. И даже сегодня они без труда узнаются в современной российской националистической риторике, решающей всё те же, что 200 лет назад, проблемы.

Литература

1. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб: Академический проект, 1999. 350 с.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 549 с.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
4. Гизо Ф. Г. История цивилизации в Европе / Пер. с франц.; изд. 3-е без перемен. СПб., 1905. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1030571/Gizo_-_Istoriya_civilizacii_v_Evropе.html (дата обращения: 21.12.2020).
5. Зорин А. Л. Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции. Неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I // НЛЮ. 1997. № 26. С. 71–104.
6. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII - первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2004. 416 с.
7. Ионов И. Н. Идея «цивилизации» в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 24–34.
8. Логман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. II. Язык и культура.
9. Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 162–186.
10. Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 141–152.
11. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII — XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.
12. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

13. Первая лекция господина Гизо из читанного им курса истории европейского гражданского образования // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч.1. С. 429–452.

14. Пестель П. И. Русская правда или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временного Верховного Правления // Русская социально-политическая мысль: первая половина XIX века: хрестоматия / ред. А.А. Ширинянц. М., 2011. С. 185–299.

15. Погодин М. П. Об отношении Польши и России // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. М., 1867. С. 1-10.

16. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843 // Уваров С.С. Избранные труды / сост. В. С. Парсамов. М., 2010. С. 307–363.

17. Уваров С. С. Письмо Николаю I // Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции. Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I / А. Зорин // НЛЮ. М., 1997. № 26. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/09/20/pravoslavie_samoderzhavie_narodnost (дата обращения: 23.01.2021).

18. Уваров С. С. Проект Азиатской академии // Уваров С. С. Избранные труды / сост. В.С. Парсамов. М.: РОСПЭН, 2010. С. 65–95.

19. Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2005. № 4. С. 51–72.

20. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А.А. Васильев. СПб.: Алетея, 2017. 308 с.

21. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи, (1700-1917): Сб.ст. / ред. М. Ауст, Р. Вильпиус, А. Миллер. М.: НЛЮ, 2010. 292 с.

22. Jurgen Osterhammel. The Transformation of the World. A Global History of the Nineteenth Century. New York: Princeton university press, 2014. 1192 с.

23. Mill J. S. Utilitarianism, liberty & representative government. London: J. M. Dent & Sons. 393 p.

24. Verdery K. Whither «Nation» and «Nationalism»? // Daedalus. 1993.

THE TRANSFORMATION OF CIVILIZATIONAL DISCOURSE IN THE NATIONALISTIC RHETORIC OF S.S. UVAROV

A.A. Gafarov

Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. In the article, the author analyzes the processes associated with the transfer of the European nationalist concept to the Russian Empire. Namely, the attempts of the Minister of National Education, S.S. Uvarov, giving legitimacy of the ideology of official nationalism with the help of the transformation of civilizational discourse that developed by the beginning of the XIX century. The author of the article proceeds from the position of the inextricable connection of the concepts of civilization and nation under the conditions of a specific nationalist discourse that developed in the imperial metropolises in the first half of the 19th century. Thus, in solidarity with some provisions of the theory of “liberal nationalism” by E. Hobsbaum, the author of the article traces a similar scenario in the Russian Empire. Namely, that scenario when the concept of nationalism, absorbed by the Russian Empire, forming a kind of alloy with the previously mastered the idea of a civilizational mission, becomes an excuse for imperial hegemony. The research focuses on a S.S. Uvarov’s civilizational concept that substantiates the emancipation of the Russian Empire within Europe, through the ideas of neoclassicism, the philosophy of German romanticism and orientalism.

Keywords: empire, nation, nationalism, civilization, modern, Eurocentrism, transfer, official nationalism.

Автор публикации

Гафаров Алихан Анварович, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. alikhgaff@gmail.com

Author of the publication

Gafarov Alikhan Anvarovich, student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. alikhgaff@gamil.co

ВЛИЯНИЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ НА ПОЛОЖЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (В СЕРЕДИНЕ XVII В.)

*С.О. Гафуров, Л.Л. Норден
*maiasters@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению положения австрийской монархии Габсбургов в системе международных отношений в ходе Тридцатилетней войны. Автор рассуждает о специфике изучения истории международных отношений данного периода, после чего выделяет три уровня взаимодействий Австрийского дома с другими политическими образованиями: европейский, имперский, австрийский. Через эти структуры демонстрируется развитие Тридцатилетней войны и роли австрийских Габсбургов в ней. В результате работы автор приходит к следующим выводам. Положение в системе международных отношений, которое заняла австрийская монархия Габсбургов в середине XVII века, во многом определилось в ходе переговоров на Вестфальском конгрессе в 1646 году. В период с 1648 по 1668 год мы можем наблюдать трансформацию внешней политики Габсбургов. В Священной Римской империи Габсбургам удалось де факто остаться на довоенных позициях, несмотря на несомненное военно-политическое поражение. Основные противоборствующие акторы выделенной автором австрийской политики были ликвидированы в ходе войны.

Ключевые слова: Габсбурги, Священная Римская империя, Тридцатилетняя война, Австрийский дом, История международных отношений, Вестфальский мир.

Поставив тему таким образом, я бы хотел затронуть ряд сюжетов из истории международных отношений, которым в отечественной историографии не уделено должного внимания в связи с небольшим количеством работ, затрагивающих изучение Австрии в период раннего нового времени.

История международных отношений этого периода ставит перед исследователем большую методологическую проблему. Так как зачастую методы и подходы, которые предлагает современная теория международных отношений, к изучению данного периода истории оказываются неактуальными. Эта проблема возникает, потому что появление международных отношений часто связывают с возникновением Вестфальской системы. Соответственно, основные принципы и дефиниции различных направлений и школ теории международных отношений, созданные на основе более позднего материала, часто оказываются вообще неприменимыми к истории международных отношений раннего нового времени. Здесь совсем не лишним будет привести цитату из опубликованной несколько лет назад теоретической статьи Хайнца Шиллинга, которую регулярно приводит в своих работах Ю. Е. Ивонин, наводящей на серьезные размышления: «Именно для истории международных отношений нельзя доказать с достаточной убедительностью, что и XVI и XVII вв. принадлежат еще к миру Старой Европы, ибо в ней безраздельно и еще значительно сильнее, чем в истории государства и права, чем в социальной истории и в истории культуры, господствуют понятия и образ мышления, сложившиеся на основе представлений о структуре и способах функционирования государств XIX в.» [13, с. 26-27]. Тогда какое направление можно использовать для изучения взаимодействий между государствами в раннее новое время и можно ли? По моему мнению, наиболее подходящим направлением с рядом оговорок является политический реализм, возникновение которого связывают с

воззрениями современника, анализируемых нами событий, английского философа XVII века Томаса Гоббса.

В рамках данной работы я рассматриваю положение австрийских Габсбургов в середине XVII века на разных уровнях международных отношений. Первый – Австрийский. Второй – имперский. И третий уровень – Европейский. Такое деление связано со спецификой государственных образований в центральной Европе в Раннее Новое время. Важно подчеркнуть, что европейская система государств включает в себя имперскую и австрийскую систему. Вместе с этим австрийская система может существовать в рамках имперской.

Внешняя политика европейских государств того времени сводилась исключительно к военно-политической деятельности. Таким образом, я соглашусь в этом с Юрием Евгеньевичем Ивоным, который в одной из своих статей, посвященной Священной Римской империи, писал, что государство является структурообразующим элементом системы международных отношений и внешняя политика является одним из главных признаков суверенитета и монополизации государственной власти [4, а. 12]. Далее приводится тезис - Без государственной монополизации внешней политики нет государства [4, а. 12].

В современной германской историографии с начала 70-х гг. прошлого века не затихают дискуссии о характере Старой империи в раннее новое время, и все большее число историков настаивают на правовом и культурном многообразии земель, входивших в ее состав, а также отрицает ее характеристику как государства [4, с. 1]. Имперский уровень выделяется мною, потому что Священная Римская империя являлась скорее оборонительным союзом или конфедерацией. В период религиозного раскола (1555-1648 гг.) особенно наглядно немецкие государства формировали мощные коалиции по конфессиональному признаку, выстраивая систему баланса сил в империи. Дополнительной страховкой в препятствии к возвышению какой-либо из сторон служили внешние связи и союзы [15]. Однако примечательно, что многие князья, занимающие активные позиции в кризисных ситуациях, возможность помощи извне использовали лишь в крайнем случае (например, датское вторжение в 1625 году). Чаще всего основным инструментом в взаимоотношениях между князьями оставалось имперское право и конституция [1, с. 77; 16, №2]. Таким образом, империя это не союз государств (так как формирующие её княжества не имели полного суверенитета, обладали своими правами и обязанностями) и не государство (так как нет монополизации внешней политики), а особая политическая структура.

Соответственно, условно названный австрийский уровень выделяется по схожим причинам. На протяжении большей части своей истории Австрии как унитарного государства просто не существовало. В XVII веке Австрийская монархия Габсбургов представляла из себя конфедерацию нескольких королевств и герцогств, объединенных личной унией. Эти государственные образования имели свои политические институты, а также права на чеканку своей монеты, обладали своими вооруженными силами и имели свои дипломатические связи [6, с. 15]. То есть они были полноценными акторами международных отношений того времени.

В чем значимость выделения этих подструктур в системе международных отношениях Европы, охватывающих все политическое

пространство? Дело в том, что европейская система государств в раннее новое время может быть представлена не просто в качестве суммы или совокупности, основанной на географическом соседстве отдельных стран. Все три системы, которые я выделяю, регламентировались разными политическими институтами. По ходу происходивших политических процессов первой половины XVII века мы видим, как участники разных систем взаимодействуют друг с другом, тем самым расширяя границы конфликта. Таким образом, рассмотрение роли и места Австрийского дома на трех уровнях политических систем дает возможность наиболее обстоятельно раскрыть данную тему.

Прежде всего нужно обозначить, что в исторической литературе, затрагивающей процессы Тридцатилетней войны, существуют весьма различающиеся оценки и трактовки итогов войны для Австрийского дома [1, с. 476; 10, с. 137; 14, с. 70]. При чем это наблюдается и в старой, и в новой литературе. Точно так же, как и много споров о Вестфальском мире 1648 года и его значении для Европы, а, соответственно, и его значении для международных отношений.

Итак, для австрийской подсистемы мы можем выделить несколько наиболее важных акторов: Австрийский Дом, Чешская директория, Венгерский губерниум, Трансильванское княжество и Тироль.

В XVII веке во владениях Австрийских Габсбургов все еще действовал средневековый принцип разделения земель между всеми наследниками, поэтому, например, в конце XVI века Эрцгерцогом был Рудольф. В Штирии правил Фердинанд Штирийский, в Тироле и передней Австрии – Фердинанд Тирольский, позднее к этой компании прибавится Матиас, который станет королем Венгрии и следующим эрцгерцогом. В начале XVII века внутренние противоречия вызывали военные конфликты, которые использовали местные сословия, и от имени которых часто пытались действовать представители династии [6, с. 16-17]. Более того, в некоторых владениях династии правители избирались по решениям местных сословий. Отдельно нужно сказать о Трансильванском княжестве, которое формально оставалось вассалом Венгрии, но фактически была подвластна Османской империи. Трансильвания ввязывалась практически во все внутренние столкновения в названной нами австрийской системе, так как прямо взаимодействовала с венгерской элитой.

Первые два года Тридцатилетней войны конфликт был локализован в рамках этой системы: Габсбурги воевали против Чешской директории, Трансильвании и примыкавшего к ней Венгерского Губерниума.

Вместе со вступлением в войну Фридриха V Пфальцского – главы протестантской унии – война вышла на имперский уровень, что означало прямую конфронтацию между Католической лигой (союзом католических князей империи) и евангелической или протестантской унией, упомянутой выше (союз протестантских князей). Когда же Габсбургская экспансия в империи стала выглядеть совсем угрожающей для крупнейших государств Европы, оформилась столь долго собирающаяся антигабсбургская коалиция. Война разделяла Европу по принципу за Габсбургов и против них.

Рассматривая положение Австрийских Габсбургов к середине XVII века, нужно сказать, что на австрийском уровне Габсбурги добились ликвидации большинства оппозиционных сил. Во владениях Австрийского дома, наконец, начинает действовать принцип Майората. Победа Габсбургов в

Чехии была полная. В 1627 году был опубликован Земский статут [3, с. 70]. Чехия становилась наследным королевством Габсбургов, права сословий были урезаны до минимума, а католицизм становился единственной признанной религией. Немецкий язык становился государственным языком. Пятнадцатилетняя война с Османской империей убедила венгерское дворянство в том, что изгнание турок невозможно без опоры на Габсбургов. Разорительные походы Трансильванских князей (сначала Бетлена Габора, а затем Ракоци) лишь усиливали позиции «прогабсбургской» партии венгерской элиты. Они возмущались этим вылазкам против Габсбургов, считая Трансильванию форпостом Османской империи. Это вызывало симпатии к Габсбургам, которые оказались в тяжелой ситуации в Тридцатилетней войне, и даже к возвращению ряда дворян в лоно католической церкви [5, с. 125].

Таким образом, в владениях Австрийского дома Габсбургам удалось ликвидировать практически все враждебные элементы. Чешское королевство перестало существовать как полунезависимое государство с формально стоящим над ним королем. Владения перестали делиться между представителями династиями, что дало возможность провести реформы в военной сфере [10 с. 137-139]. Упорядочивание работы Гофкригсрата, наконец, привело к монополизации внешней политики государством. Этот аспект затрагивается в литературе, посвященной национальной истории Австрии в новое время, и не вызывает споров, хотя и редко поднимается исследователями, которые изучали международные отношения в этот период. Соответственно, мы можем констатировать, что австрийская подструктура в ходе Тридцатилетней войны была ликвидирована.

Совершенно другая ситуация обстоит с выделенным нами имперским уровнем. Здесь существуют совершенно разные точки зрения на позицию императора и Габсбургов в империи. Одна из самых распространенных версий, что Габсбурги лишились последней возможности на объединение империи и Вестфальский мир раздробил Германию [14, с. 70]. Вопрос о внешнеполитических планах Габсбургов в первой половине XVII века – тема для полноценного исследования. В данной работе я придерживаюсь того мнения, что утверждение о том, что Габсбурги рассчитывали объединить Германию бездоказательно. Точно так же бездоказательно утверждение о том, что Вестфальский мир окончательно разобщил Германию. В данном вопросе я полностью разделяю позицию французского историка Жоржа Пажеса: «Независимость князей была делом уже давним, а ничуть ни созданием Вестфальских договоров. Положение императора осталось прежним, положение князей – тоже, ни та ни другая сторона в ходе войны и не старалась ее изменить» [17, р. 275]. По ходу войны у князей возникали планы о создании нового правительства без императора (подобный государственный орган существовал в начале XVI века, но был быстро ликвидирован), и некоторые статьи договоренностей ущемляли императора [11, с. 277]. Однако фактически мы видим, что планы о новых политических институтах не были реализованы [9, с. 189], а наиболее важные статьи об имперской власти на практике не выполнялись (например, положение, по которому представители одной династии не могли избираться два раза подряд) [2]. В то же время были ликвидированы конфессиональные союзы [2]. Империя осталась оборонительным союзом, в котором лидирующее положение Габсбургов было незыблемым. Более того, преодолев эпоху религиозного раскола, империя

смогла реформировать некоторые политические институты (была упорядочена работа Рейхстага и камерального суда) и имперскую армию, что обеспечило такому образованию еще полтора века существования. Отрицательной стороной для Габсбургов в империи стало начало постепенного возвышения Бранденбурга на Севере, где Австрийский дом решительно терял свое влияние [1, с. 476-477]. Здесь же огромное значение теперь играл шведский фактор (шведские представители даже получили места в рейхстаге). Влияние Франции на западе империи никуда не пропало, а со второй половины века лишь усиливалось.

Наконец, последний – европейский уровень. В данной работе уже было упомянуто, что Франция и Швеция были наиболее значимыми внешними факторами того периода в империи. Такое положение вещей не могло не усиливать взаимную вражду с Австрийским домом. На протяжении Тридцатилетней войны австрийские и испанские Габсбурги в военно-политическом отношении фактически были единым целым [9, с. 333]. Более того, тенденции к слиянию этих двух крупных государственных образований четко прослеживаются на протяжении всего XVI века. Этот «тандем» заложил основу для развития международных отношений на период, продлившийся почти 150 лет. Обозначенное время часто выделяют как эпоху религиозных войн. На мой взгляд, данный период можно обозначить как эпоху Габсбургов или Габсбургских войн. Вполне обоснованным выглядит тезис о том, что Габсбургская внешняя политика была нацелена на создание нового европейского устройства, основанного на господстве католической веры и их гегемонии [8, с. 92]. Внешнеполитическая агрессия Габсбургов вынуждала объединяться в военно-политические блоки заклятых врагов, способствовала доктринальной дифференциации среди католиков, сплачивала протестантские государства [12]. Поэтому одним из ключевых событий, на которое практически не обращают внимание в историографии на Вестфальском конгрессе, стала попытка испанской делегацией сорвать мирные переговоры в 1646 году и еще затянуть войну [9, с. 292]. Почему это важно для нас? Имперская делегация (австрийская) переговоры не покинула. Фактически в этот момент произошел распад австро-испанского военно-политического блока. Более того, Мюнстерский мир с Францией был, таким образом, сепаратным [18]. Событие, сравнимое с дипломатической революцией 1756 года, положило конец целой эпохе в истории дипломатии. После окончания Тридцатилетней войны распадутся большинство военно-политических союзов: англо-голландский, австро-испанский; франко-голландский; франко-шведский [15; 19; 20]. Вестфальский и Пиренейский договоры ознаменовали собой новый виток в развитии международных отношений. Можно сказать, что период с момента заключения Вестфальских договоренностей и Ахенского мира 1668 года являлся переходной эпохой во внешней политике Габсбургов. Вместе с падением могущества Испании и постепенным возвышением Франции Габсбурги перестали выглядеть для современников главными агрессорами на континенте [7, с. 419]. Кроме того, Австрийские Габсбурги имели сильные права на испанские владения в Европе, которые страна не могла удержать. Австрийский Дом, находившийся в своеобразной изоляции в начале века, сам начинают формировать военно-политические союзы в том числе и с протестантами против Франции – противостояние, которое продлится вплоть до начала XVIII века [19].

Несмотря на военно-политическое поражение, Тридцатилетняя война ускоряла происходившую с начала XVII в. трансформацию политической структуры монархии Габсбургов и привела к значительной унификации владений Австрийского дома. Во многом ее результаты позволили занять ведущую роль в противостоянии с главным нарушителем спокойствия Европы – Людовиком XIV. Священная Римская империя осталась федерацией сотен разнотипных государств без полного суверенитета, однако со второй половины XVII века удалось добиться стабильного функционирования политических институтов империи. Страна вступала в эпоху, которую нередко называют «героической» (конец XVII-начало XVIII вв.). Таковы были структурные предпосылки превращения Австрийской монархии Габсбургов в великую державу, которой она предстала уже в XVIII веке.

Литература

1. Веджвуд С. В. Тридцатилетняя война. пер. с англ. И. В. Лобанова. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 571 с.
2. Вестфальский мирный договор (24 октября 1648 г., извлечения) / История Германии: учебное пособие в 3 томах. М.: КДУ, 2008. Т. 3: Документы и материалы. 592 с.
3. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. пер. с нем. В. А. Брун-Цеховского, О. И. Величко, В.Н. Ковалева. М.: Весь Мир, 2007. 512 с.
4. Ивонин Ю. Е. Священная Римская империя и формирование европейской системы государств [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 3 (11). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840000381-8-1/> (дата обращения: 21.11.2020).
5. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. пер с англ В. Т. Олейник. М.: Весь мир, 2002. 656 с.
6. Медведева К. Т. Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М.: «Индрик», 2004. 280 с.
7. Пинкус С. 1688 г. Первая современная революция. Пер с англ. Тартаковская Н. Я. М.: АСТ. 2017. 928 с.
8. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 437 с.
9. Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука. 1979. 384 с.
10. Пристер Е. Краткая история Австрии. Пер. с нем. Соболева Н. М., Соколова М. П., Хвостовой Л. П. М.: Издательство иностранной литературы. 1952. 534 с.
11. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: Наука. 2020. 385 с.
12. Французский дипломат Фанкан о международном положении в европе в 1627 г. / Хрестоматия по истории средних веков Т. 3. под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М.: Учпедгиз, 1950. С. 137-138.
13. Шиллинг Х. Становление европейских государств раннего Нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы / Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI-XX вв. Отв. ред. Б.В.Носов, Ю.Е.Ивонин. М., 2002. С.26-27.
14. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Родина, 2019. 496 с.
15. Aduis touchant l'alliance avec Bauiere 1624 / Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. С. 225-227.
16. Correspondenz des Pfalzgrafen Friedrich V. und seiner Gemahlin Elisabeth mit Heinrich Mathias von Thurn. / Archiv für Österreichische Geschichte no. 31-32. – Wien, 1864. S. 377-415.
17. Pages G. La guerre de trente ans 1618-1648. Paris. 1939. 309 p.
18. The Treaty of Münster, 1648 / J. Debrett. A Collection of All the Treaties of Peace, Alliance, and Commerce, Between Great-Britain and Other Powers. London, 1785. pp. 56-59.
19. The Treaty of Alliance between his Majesiy King Charles II of England and the United Provinces of the Low Countries, into which King Charles XI of Sweden was admitted. Concluded January 23, 1668, and called the Triple League. / J. Debrett. A Collection of All the Treaties of Peace, Alliance, and Commerce, Between Great-Britain and Other Powers. London, 1785. pp. 156-167.

20. The Treaty of Peace between the two Crowns of France and Spain, concluded at Aix la Chapelle, May 2, 1668. / J. Debrett. A Collection of All the Treaties of Peace, Alliance, and Commerce, Between Great-Britain and Other Powers. London, 1785. pp. 179-186.

THE INFLUENCE OF THIRTEEN YEARS' WAR ON AUSTRIAN HABSBURGH HOUSE'S POSITION IN THE XVII CENTURY INTERNATIONAL RELATIONS

S.O. Gafurov, L.L. Norden

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. This is an article evaluating the place that the Austrian Habsburg Monarchy held in the system of international relations during the Thirteen Years' War. The author reflects on the specifics of the act of studying the history of international relations in the said period, and concludes by proposing the existence of three planes of relations between Austrian Habsburg House and other political actors: European, Empirical, and Austrian. Through looking at these planes the author is able to elaborate on his concept of progression of the Thirteen Years' War and the role that the Austrian Habsburgs played in it. The following conclusions are reached. The place in international relations to which the Habsburg Monarchy came in the middle of XVII century was largely determined by negotiations held at 1646's Westphalia Congress. A transformation of external policy of the Habsburg House can be seen from 1648 to 1668. The Habsburg Dynasty has kept their position in the Holy Roman Empire de-facto the same as pre-war. All main actors opposing the Austrian polity (the existence of which is proposed by author) were eliminated during the war.

Keywords: House of Habsburgs, House of Austria, Holy Roman Empire, Thirty Years' War, Peace of Westphalia.

Авторы публикации

Гафуров Сергей Олегович, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. maiasters@mail.ru

Норден Лариса Львовна, канд. ист. наук, преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. nordenll@mail.ru

Authors of the publication

Sergey O. Gafurov, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, maiasters@mail.ru

Larisa L. Norden, Candidate of historical sciences, lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. nordenll@mail.ru

ОБРАЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ В ФИЛЬМЕ ДОМИНИКА СЕНА «ВРЕМЯ ВЕДЬМ» 2010 ГОДА

* А.С. Глухова, Н.А. Шадрина
*gluhovaanastasia27@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме интерпретации образа средних веков в современных культурных практиках, в частности, в кинематографии. Кинематограф в качестве объекта выбран не случайно, поскольку он является массовым видом искусства, именно кинематограф, зачастую формирует представления обывателей об историческом прошлом. Основным объектом анализа в статье стал фильм режиссера Доминика Сена «Время ведьм». Для определения достоверности воссоздания реалий средних веков, сравнивают представления о данном периоде, отразившиеся в исторической литературе, с образами, созданными в фильме. В исследовании, на примере фильма «Время ведьм», выявляются также методы конструирования образа средневекового рыцаря в современной массовой культуре, причем, в таком специфическом жанре кино, как фэнтези. Автор статьи делает выводы о том, насколько достоверное и реалистичное представление о средневековом рыцаре сложится у зрителя, посмотревшего данный фильм.

Ключевые слова: рыцарь, современная массовая культура, образ средневековья, крестоносцы, рыцарская этика, кинематограф.

В контексте исследования влияния прошлого на современные представления о действительности большое значение имеет изучение образов ключевых исторических эпох, образов, которые формируют не только представления о прошлом, но и модели поведения, представления о должном и недопустимом в настоящем. Одной из ключевых исторических эпох, феномены и образы которой продолжают влиять на современность, является эпоха средневековья. Средневековье, одна из важнейших эпох в истории европейской цивилизации, породило немало образов и феноменов, которые повлияли на дальнейшее развитие Европы и прочно вошли в плоть и кровь европейской культуры. Одним из таких феноменов стал феномен рыцарства, на базе которого на протяжении длительного времени формировались представления о достоинстве и благородстве, верности, чести и долге, представление о должном поведении и, что немаловажно, об идеальном мужчине. Подобного рода представления и по сей день бытуют в культуре и, зачастую, транслируются через произведения массового искусства.

Одним из важнейших видов искусства, который особенно сильно влияет на формирование представлений о прошлом у массовой аудитории является кинематограф, поскольку он в силу своей специфики способен оказывать мощное воздействие на сознание человека, а произведения кинематографа легко и широко распространяются. Об этом рассуждает, например, Е.Е. Ибраев, утверждая, что кинематограф, вдохновляясь современными реалиями, становится зеркалом отношения современности к прошлому, задает направление к восприятию исторического процесса [5, с. 27]. Режиссёр становится «Творцом», делающим собственные акценты в воссоздании образа той или иной исторической эпохи, в том числе и эпохи средневековья.

В этой связи интересным представляется рассмотрение образа средневековья, созданного современным кинематографом с целью выявить насколько данный образ соответствует научным представлениям, а, следовательно, насколько «историчный» образ средневековья может

сформироваться у зрителя того или иного фильма. Для этого необходимо провести сравнительный анализ созданного научным сообществом образа рыцаря и представления данного образа современным кинематографом.

В качестве объекта рассмотрения был выбран фильм режиссера Доминика Сена «Время ведьм», вышедший в прокат в 2010 году. Фильм Доминика Сена «Время ведьм» снят кинокомпанией RelativityMedia, которая довольно долгое время производила коммерчески успешный продукт [13]. Это произведение массового кинематографа было выбрано не случайно. Фильм «Время ведьм» представляет собой своеобразное смешение жанров (боевик, фэнтези, приключения), что позволяет увидеть здесь сразу несколько подходов к изображению средневековья. Предметом же исследования станет образ средневекового рыцаря, представленный в фильме.

При рассмотрении образа, созданного в рамках любого художественного текста, следует, в первую очередь, учитывать те задачи, которые ставит перед собой автор произведения. Так, фильм «Время ведьм» носит развлекательный характер, поскольку фильмы такого рода более востребованы обществом, следовательно, изначально не претендует на историческую достоверность, особенно учитывая специфику его жанра, жанра фэнтези. Однако, несмотря на это, режиссеру фильма удается создать яркие и порой даже более запоминающиеся, образы, чем в самом увлекательном произведении, претендующем на историческую достоверность. Востребованность жанра фэнтези в современной массовой культуре, особый расцвет, который этот жанр переживает сегодня, Ирина Дмитриева Винтерле, специалист в исследовании специфики фэнтези, объясняет стремлением человека убежать от реальности, которая в приукрашенном виде выглядит многим интереснее [2, с. 94].

Сюжет фильма разворачивается в XIII-XIV веках, вокруг деятельности инквизиции и рыцарей-крестоносцев, которые в отличие от церковнослужителей пытаются осуществить честный суд над девушкой, обвиненной в ведьмовстве. По мере развития сюжета к исторической действительности примешивается фантастическая линия, наполненная ведьмами с магическими способностями и демоническими сущностями.

Образы крестоносцев в фильме сильно идеализированы. Зритель видит, как огромное количество воинов идет по пустыне в длинных белых многослойных одеяниях с изображениями крестов, в руках они также несут золотые кресты, штандарты с изображением креста на белой ткани, синие и красные флаги (5:57). Под белой одеждой воинов кольчуга, на них также надеты латы и шлемы, вооружены крестоносцы мечами и щитами с изображением креста или гербов. Несмотря на то, что крестоносцы выглядят более чем стереотипно, их облик не лишен исторической достоверности. Так, известный французский историк, специалист по исследованию истории ордена тамплиеров, А. Демурже, при описании одежд рыцарей-крестоносцев, упоминает ношение белых плащей с эмблемой креста [4, с. 302], что мы и видим в фильме.

Почти все рыцари, которые принимают участие в шествии, пешие, лошадей в кадре зритель не видит (6:03), что может быть расценено как историческая недостоверность, поскольку рыцарь, в классическом представлении, - это конный воин. Однако, ряд историков, включая, например, Жана Флори, отсутствие лошади у рыцаря не считает нонсенсом. Рыцарь рассматривается, скорее, как носитель определенной этики, которая

предполагает выполнение военных обязательств, преданность церкви, чувство чести и смирение [1, с.1]. Об этом же говорит и Е. И. Орлова, утверждая, что рыцарство прежде всего ограничивается ассоциацией со службой, служением и добровольным подчинением [8, с. 8]. Враги крестоносцев вооружены копьями и круглыми щитами, их флаги местами разорваны, их одежды красного цвета (7:15). В целом, образ сил, противостоящих войнам Христовым, напоминает некий стереотипный образ кочевника.

В разговоре перед боем рыцари договариваются о том, что горячительные напитки по окончании сражения будет оплачивать тот, кто убьёт меньше всего врагов. (6:41). Этот пассаж отчасти отражает рассуждения М. Оссовской о существовании внутренней иерархии рыцарства, которая основывалась на количестве побед отдельного воина (чем меньше побед, тем ниже статус) [9, с. 44-46]. Однако, несмотря на предполагаемую иерархию на основе количества побед, рыцари в фильме относятся друг к другу как равные, объединённые общим бытом и профессией, они знакомились с семьями друг друга, вместе пировали и путешествовали.

Главные герои фильма рассуждают о Боге, утверждая что у Него слишком много врагов, но при этом быть Его друзьями нелегко, поскольку приходится много биться и умирать (9:18). Подобный разговор для средневековья выглядит довольно надуманным или, по крайней мере, крамольным. А. Г. Смирнов утверждает, что Божьим замыслом рыцари оправдывали свои деяния [10, с. 43], а следовательно нет «друзей» Господа, есть служение Богу и деяния, указанные Им.

Священник, разговаривающий с крестоносцами перед битвой, приказывает им убить всех до единого врагов Бога, не щадя никого. (9:36). С подобной кровожадностью, вероятно, не согласились бы многие историки. А. Суприянович утверждает, что рыцарь не должен был вредить кому-либо без особой на то нужды, а, напротив, должен был проявлять христианское милосердие [11, с. 74]. По мнению Д. Бартелеми рыцарь должен давать врагу шанс на публичное покаяние [1, с. 309]. В фильме же кровожадность священнослужителя необходима для дальнейшего развития сюжета, дабы настроить зрителя против действий церкви. При этом, в различных ситуациях, возникающих по ходу развития повествования, священник проявляет себя не с лучшей стороны, не противодействуя убийству женщин и детей, но при этом обвиняя рыцарей в том, что они запятнаны кровью невинноубиенных. О подобных явлениях пишет А. Демурже, разделяя легитимное насилие, осуществляющееся публичной властью, и нелегитимное, происходящее из стремления к славе. Представители церкви жесткими мерами пытались дисциплинировать армию, что в ходе священных войн или крестовых походов было распространённым явлением [4, с. 27].

Главные герои, два рыцаря-крестоносца, Бэймон из Блайбрука и Фэлсон, устав от сражений, покидают армию, что также является практически недопустимым поступком с точки зрения средневекового рыцарского этоса. Так, по мнению А. Г. Смирнова, рыцарь не мог просто уйти из армии, за данным действием последовало бы его отлучение от церкви [10, с. 42], чего мы не наблюдаем в фильме.

Для путешествия рыцари берут коней, однако, лошади в данном случае выступают не как важнейший атрибут рыцарства, подчеркивающий

могущество воинов, как пишет Ф. Кардини [6, с. 27], а лишь являются несакрализованным средством передвижения (14:49).

Далее, сюжет развивается следующим образом: кардинал просит главных героев послужить церкви еще раз, на что те отвечают отказом, поскольку им не нравится, когда церковь говорит от имени Бога, однако, кардинал вспоминает об их уходе из армии и угрожает героям сожжением за дезертирство (20:33). В итоге рыцари по требованию кардинала соглашаются отвезти девушку, обвиненную в ведьмовстве, в аббатство при условии, что ее придадут честному суду (24:25). В этом эпизоде рыцари предстают в роли борцов за справедливость. Причем, церковь в данном эпизоде нарочито демонизируется, а благородное рыцарство противостоит ей. При этом по сюжету фильма, рыцари могли вмешиваться в деятельность церкви и инквизиции, заключать сделки с церковнослужителями, причем во имя защиты справедливости. Возможно, в определенной степени, авторы фильма стремятся продемонстрировать здесь негативные явления, характерные для развития церковной организации в данный исторической период и необходимость проведения полномасштабных церковных реформ. Однако, подобные идеи не очевидны по сюжету и, вероятно, могут быть не вполне понятны зрителю, если тот не имеет представлений о данном этапе исторического развития Европы.

По ходу повествования рассказывается также история юноши Кая, наставником которого является Бэймон. Отец Кая был рыцарем и сражался в одной из битв вместе с главными героями. Сам юноша дважды участвовал в турнирах, получал флаги за отвагу (31:38). Кай мечтает стать рыцарем и хочет помочь наставнику с выполнением его миссии, чтобы стать достойным рыцарского звания. Таким образом, перед зрителем предстает история становления отдельного рыцаря через его участия в турнирах и стремление к обретению воинской славы. В подобном ключе воспитание будущего рыцаря описывается и в историографии, в частности, в работах М. Оссовской [9, с. 45]. Е. И. Орлова пишет, что сыновья рыцарей в детстве передавались на воспитание сеньору, приобщались к рыцарской корпоративной этике, впоследствии сеньор проводил обряд посвящения и воспитанник становился полноценным рыцарем [8, с. 9]. Данное представление, отчасти, отлично от истории Кая, но не вступает с ней в противоречие, поскольку Кай в итоге обретает сеньора-наставника.

В поездке главные герои рассказывают о том, по каким причинам они отправились в Крестовый поход. Фэлсон приводит следующий диалог, который состоялся у него со священником, обещавшим за участие в походе отпущение грехов: «–Какие именно грехи будут прощены? Прелюбодеяние? – Да, ответил священник, -за 2 года службы; – Кражу?;- Да, за 3 года службы.»(34:38). В целом, прощение грехов как одна из целей участия рыцаря в крестоносном движении, была довольно распространена, о чем свидетельствуют и историки, в частности, Е. Ю. Голодова утверждает о существовании целой доктрины о прощении и отпущении грехов за участие в крестоносном движении [3, с. 70].

Своеобразно и довольно модернизировано трактуется в фильме вера героев-рыцарей в Бога. Так, Бэймон утверждает, что в Бога он верит, но его вера отличается от веры остальных, ведь милосердный Бог не заставлял бы проливать столько крови в свою славу, кровь заставляют проливать люди. (1:02:48). Подобная позиция – разделение веры и религии – является более

поздней идеей, однако, в фильме работает на усиление конфликта между благородными рыцарями (рыцарями-героями) и служителями церкви, действия которых, как уже было сказано выше, зачастую противоположны христианским идеалам. (1:02:36).

Важным элементом рыцарского этоса, о котором рассуждают герои фильма, является представление о чести. По мнению юного Кая, честь – это не вещь, от которой можно избавиться или простить. Клятва верности должна быть исполнена в любом случае, даже ценой своей жизни (1:12:58). Именно после этих слов Бэймон решает посвятить юношу в рыцари, посчитав, что он этого достоин. Далее зритель видит ритуал посвящения в рыцарство. Кай преклоняет колено перед обнаженным и воткнутым в землю мечом своего наставника, а Бэймон произносит речь, которую юноша должен повторить: «Дай мне смелости Боже, ибо я твой слуга, и награди меня силой для битв, чтоб я мог сокрушить твоих врагов, как ветер гонит пыль. Аминь.». Затем Бэймон ударяет плашмя мечом по правому, затем по левому плечу Кая (1:13:53). После этого Кая называют рыцарем. Подобная процедура посвящения в рыцари имеет исторические основания и описывается, например, в работах Ф. Кардини [6, с. 15] и М. Кима [7, с. 10-16].

В финале фильма главные герои и монах прибывают в место, где должен состояться справедливый суд над девушкой (Северак), обвиненной в ведьмовстве, однако, все церковные представители здесь оказываются мертвы. Девушка оказывается одержима демоном, который покидает ее тело и нападает на главных героев. Для того, чтоб уничтожить демона, необходимо прочесть заклинание из книги Соломона (сама книга в фильме выглядит похожей на Евангелие из Линдау (VIII века), в металлическом окладе инкрустированном драгоценными камнями), с чем справляется Кай, демонстрируя при это знание латыни а, следовательно, довольно неплохое на тот момент образование. Демон погибает, Бэймон и Фэлсон тоже, однако тот факт, что девушка, как невинная душа, была спасена, означает победу добра. Таким образом, благородные рыцари-герои расстались с жизнями во имя добра и справедливости. При этом их убеждения, знания и идеи не исчезли вместе с ними, дело главных героев фильма продолжит юный Кай, который, согласно куртуазным идеям, будет и дальше оберегать спасенную девушку.

Фильм «Время ведьм» Доминика Сена, как мы убедились, не создает какого-либо исторического образа рыцаря, что, безусловно, связано и со спецификой жанра фильма и с тем, что подобных целей режиссер перед собой не ставил. Однако, отдельные элементы исторических представлений о средневековом рыцарстве здесь присутствуют, хотя, зачастую, эти элементы носят характер стереотипов.

Кинематографическая трактовка образа средневековья в целом и рыцарства в частности носит здесь своеобразны мифо-поэтический характер, реальные исторические факты в повествовании неотделимы от режиссерского вымысла. Мы видим в фильме не приукрашивание средневековых реалий, а искусственно созданную новую реальность, включающую элементы средневековых идей, отношений, быта. В итоге зритель получает довольно искаженное представление об исторической реальности, основанное, во многом на ее осовременивании, что связано, в первую очередь с необходимостью сделать фильм максимально понятным и привлечь наиболее широкую аудиторию.

Подобные фильмы – соединяющие средневековье с фантастикой – не редкость в XXI веке, к тому же они пользуются весьма высоким спросом у зрителя. С одной стороны, подобного рода произведения, искажающие представления о средневековой действительности, являются гораздо более востребованными чем произведения, стремящиеся создать максимально историчный образ эпохи. С другой стороны, несмотря на превалирования художественного вымысла, отдельные элементы, репрезентующие исторические представления о средневековье, прослеживаются и в подобных фильмах. Таким образом, подобного рода фильмы не стремятся воссоздать «реальное средневековье», но, несмотря на вся свою специфику, позволяют зрителю составить определённое, порой не лишнее исторической достоверности, представление о данной эпохе.

Литература

1. Бартелими Д. Рыцарство от древней Германии до Франции XII века. СПб.: Евразия, 2012. 584 с.
2. Винтерле И. Д. Современное фэнтези как мультижанровое культурное явление. Из-во: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011. №6 (2) С. 93-96.
3. Голодова Е. Ю. «Faith» (вера) как основополагающая ценность рыцарского кодекса поведения. Из-во: Известия ВГПУ, 2014. № 7 (92) С. 69-74.
4. Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в средние века, XI – XVI вв./ Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. 542 с.
5. Ибраев Е. Е. Эволюция «бремени белого человека» в британском кинематографе XX века. Из-во: Вестник МГИМО-Университета, 2016. № 4(49) С. 26-36.
6. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 191 с.
7. Ким М. Рыцарство. М.: Научный мир, 2000. 522 с.
8. Орлова Е. И. «Воспитание службой» в рыцарской культуре европейского средневековья. Из-во: Известия ВГПУ, 2009. № 8 (42) С. 8-12.
9. Оссовская М. И. Рыцарь и буржуа // Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
10. Смирнов А. Г. Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода. М.: Вестник МГГУ им. Шолохова, Серия «История и политология»2015. №1 С. 37-47.
11. Суприянович А. В слезах и во славе // Гендер, власть и идентичность в Западной Европе. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 264 с.
12. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М., 2006. 193 с.
13. «Время ведьм» // «Season of the Witch» // Реж. Доминик Сен, 2010. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/197243/> (дата обращения: 11.02.2021).

THE IMAGE OF THE MEDIEVAL KNIGHT IN DOMINIC SEN'S 2010 FILM "SEASON OF THE WITCH"

A.S. Glukhova, N.A. Shadrina

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. This work is devoted to the problem of interpreting the Middle Ages in modern culture, in particular, in cinematography. Cinematography in the chosen quality was not chosen by chance, since it is a mass form of art, it is cinematography that often represents the common people's idea of the historical past. The main object of analysis in the article was the film "Seasons of the Witch" directed by Dominic Sen. To determine the reliability of the reconstruction of the realities of the Middle Ages, the ideas about this period, reflected in the historical literature, are compared with the images created in the film. The study, based on the example of the film "Seasons of the Witch", also reveals methods of constructing the image of a medieval knight in modern mass culture, moreover, in such a specific genre of cinema as fantasy. The author of the article draws conclusions

about how reliable and realistic the view of the medieval knight will develop in the viewer who has watched this film.

Keywords: knight, modern popular culture, the image of the Middle Ages, crusaders, knightly ethics, cinematography.

Авторы публикации

Глухова Анастасия Сергеевна, студент Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. Gluhovaaanastasia27@gmail.com

Шадрина Наталия Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. shadrina_nata@list.ru

Authors of the publication

Anastasia S. Glukhova, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. Gluhovaaanastasia27@gmail.com

Nataliya A. Shadrina, Candidate of historical sciences, docent, Kazan, Russia. Federal University, Kazan, Russia, shadrina_nata@list.ru

ФРИДРИХ МАЙНЕКЕ (1862 – 1954 гг.). К ВОПРОСУ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ УЧЁНОГО

Р.И. Епихин
ros9991@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема наличия антисемитизма во взглядах немецкого учёного Фридриха Майнеке (1862–1954 гг.), с которой автор столкнулся в ходе исследования, посвящённого данному научному деятелю. На основе сравнительного метода было выявлено общее и особенное в исследованиях нескольких авторов, а также рассмотрены политические взгляды учёного при помощи историко-генетического и ретроспективного методов, на основании чего были сделаны выводы о наличии в них антисемитизма.

Настоящая статья начинается с рассмотрения формирования политических взглядов Фридриха Майнеке с начала его осознанной жизни во второй половине XIX века. Акцент делается на социокультурной среде, в которой учёный формировался как личность. Затем кратко освещается содержание понятия антисемитизм и его генезис. Проблема исследования носит не только личностный, но и историографический характер, поскольку мы можем наблюдать наличие нескольких точек зрения, рассмотрение и сравнение которых занимает основную часть данной работы. В конце даётся вывод, к которому пришёл автор, благодаря чему мы можем ясно наблюдать всю неоднозначность и сложность фигуры Фридриха Майнеке даже при рассмотрении такого частного вопроса касаясь его жизнедеятельности.

Ключевые слова: Фридрих Майнеке, антисемитизм, политические взгляды, историзм, Пруссия, Веймарская республика, Третий рейх, Германия.

Фридрих Майнеке (Friedrich Meinecke) (1862–1954 гг.) – немецкий историк, занимавшийся изучением истории идей. Родился учёный в небольшом городке Зальцведель Альтмарской области, что считалась колыбелью Бранденбурга и Пруссии, в государстве Пруссия, в семье почтмейстера. Детство и юность Майнеке прошли в простой провинциальной местности, где жизнь неспешно текла своим чередом, а «социальные контрасты между сановниками, купцами и мелкой буржуазией носили очень мягкий характер» [4, с. 19].

Исследователь Штефан Майнеке (Meineke) отмечает, что общество Зальцведеля было почти что сугубо протестантским и однородным в конфессиональном плане: католики и евреи составляли около двадцатой части населения. Обращаясь к первым главам работы Штефана Майнеке «Friedrich Meinecke: Persönlichkeit und politisches Denken bis zum Ende des Ersten Weltkrieges» («Фридрих Майнеке: Личность и политическое мышление в конце Первой мировой войны»), можем отметить небольшое, но, тем не менее, важное для рассмотрения поставленного вопроса об антисемитизме учёного замечание автора о том, что «его антикапитализм был основан на мелкобуржуазном провинциальном менталитете дома его родителей, как и его *культурный антисемитизм* и антикатолицизм» [9, с. 77]. Однако мы должны принять во внимание и то, что становление взглядов юного Майнеке проходило в конфронтации с отцом и его установками, господствовавшими в семье. Поэтому данный факт играет определенную роль в формировании политических взглядов. Несмотря на различие оценок того, когда именно Майнеке встал на либеральные позиции в широком смысле, он остался верен им до конца своей жизни. На научные и философские взгляды учёного повлияли такие деятели, как Л. Ранке, Г. Зибель, И.Г. Дройзен и Г. Трайчке. Необходимо добавить, что, судя по всему, именно как социал-либерал, перед этим симпатизируя «катедер-социалистам» (течение в экономической мысли, воз-

никшее в среде консервативных экономистов в качестве ответа на распространяющиеся идеи социал-демократического движения и марксизма) ввиду некоторой консервативности своих взглядов, Майнеке сформировался под влиянием Фридриха Наумана во второй половине 1890-х гг.: рабочий класс должен быть подчинён национальному государству путём проведения социальных реформ и расширения их политических прав [5, с. 20]. Кроме того, большую роль в этом сыграл переезд семьи Майнеке в Берлин в 1871 г., когда этот город уже стал столицей новообразованной Германской империи, а также жизнь в рабочем квартале: контраст между идиллией относительной социальной гармонии в Зальцведеде и социальными противоречиями и нелегким положением пролетариата в Берлине наложили свои отпечатки на мировоззрение юноши, а затем и взрослого мужа. «Я никогда не забуду эту детскую дрожь, когда в конце периода грюндерства, по дороге в школу через Блюменштрассе и мимо её уродливых заводских зданий, мне однажды пришлось пробиваться сквозь массы бастующих, угрюмых рабочих» [4, с. 47], вспоминал Майнеке. Очень пристального внимания также заслуживает тот факт, что культурный ландшафт и социально-политический климат Зальцведеда навсегда сделали Майнеке романтиком, идеализирующим эпоху реформ начала XIX в. Штефан Майнеке пишет: «во многом удалённая от событий того времени и ещё не захваченная благами индустриальной эпохи, память о времени "освободительных войн" тем более прочно культивировалась в мечтательном маленьком городке, которому Майнеке должен был посвятить сообщение, написанное "с глубокими чувствами" много лет спустя. Почти в каждой церкви были установлены мемориальные доски, посвящённые "героям восстания 1809 года в Альтмаркской области"» [9, с. 63]. Также, «в начале девяностых годов идеологическое мышление Майнеке окончательно закрепилось в результате его контакта с политическими трудами Вильгельма фон Гумбольдта. Отныне гуманизм и идеализм, а также классический, личностно-ориентированный либерализм сформировали неисследованные основы его историографического и политико-публицистического творчества» [9, с. 77]. Наконец, его диссертация – биография прусского реформатора генерал-фельдмаршала Г. фон Бойена («Das Leben des Generalfeldmarschalls Hermann von Boyen»), написанная по просьбе одного из его наставников Генриха фон Зибеля, также повлияла на него: «Вы услышите в моём Бойене то, что я лично чувствую и во что верю. Как бы мало мои работы не удовлетворяли меня с научной точки зрения, по крайней мере, я вложил в них что-то от себя» [9, с. 130]. Отклонившись от требований Зибеля, Майнеке задумал свою работу как историю идей прусской эпохи реформ. Следующей работой, посвящённой этому историческому этапу, стала «Эпоха германского подъёма. 1795–1815 годы». Иными словами, эпоха Гёте и реформ была, в некотором роде, идеалом для Майнеке. Идеал этот, по его мнению, был «похоронен» в 1819 г. Майнеке написал в сочинении, опубликованном в 1920 г.: «Внутреннее развитие Пруссии было бы иным, если бы Пруссия получила конституцию гумбольдтовского образца в 1819 году. Она, конечно, не смогла бы остаться неизменной в течение столетия, но у неё была бы совершенно иная политическая установка... это создало бы совершенно иную политическую атмосферу, придало бы более мягкие формы борьбе сословий и классов друг против друга, а также различных частей нации... друг с другом... это, пожалуй, самая большая беда в нашей современной истории, что эпоха прусских реформ не была завершена» [9, с. 93].

Вкратце проследив основные моменты генезиса политических взглядов Майнеке на начальном этапе его политической деятельности, не будем углубляться в их развитие: они почти не изменились до конца его жизни. Так, например, накануне Первой мировой войны он выступал на левом фланге Национал-либеральной партии, а в 1915 г. высказался против самой войны; стал убеждённым сторонником Веймарской республики, последовательным демократом – членом Немецкой демократической партии; был противником парламентаризма в Веймарской республике и сторонником сильной президентской власти; противником коммунизма; виновниками создания Третьего рейха и начала Второй мировой войны учёный считал «господ из тяжёлой промышленности и восточногерманского юнкерства» и в целом выступал в качестве противника и обвинителя нацистского режима [1, с. 25]. Утверждение о том, что Майнеке был либералом, является самым распространённым, и, несмотря на некоторую поверхностность, всё же отражает в достаточно полной мере его идеологические взгляды.

Для того, чтобы ознакомиться с термином антисемитизм, обратимся к толковому словарю: «Буквально – преследование или дискриминация евреев. Впервые термин был употреблён в 1870-х гг.; его введение одними приписывается немцу Герману Марру, другими – французу Эрнесту Ренану. В известном смысле термин был неточным с самого начала, поскольку приверженцы расовой теории того времени "семитами" называли представителей большой группы неевропейских национальностей, в том числе арабов, в то время как антисемитизм всегда означал антиеврейский расизм. В отличие от антисемитизма антиеврейские теории, существовавшие до середины прошлого века, опирались на идею, согласно которой характерным для евреев считается скорее общность врождённых особенностей, чем религия или культура (в широком смысле этого слова), от которых любой может отречься. Преследование евреев так же старо, как и сама "диаспора" – расселение евреев в Европе и Средиземноморье после изгнания их римлянами из Палестины в 79 г. до н.э. В позднем средневековье евреи вынуждены были покинуть ещё несколько стран. Антисемитизм отличается от большинства других форм расизма, проповедующих неполноценность некоторых рас (особенно африканского происхождения). Такие доктрины обычно признают возможность расовой гармонии, но при условии, что неполноценная раса будет оставаться на предназначенном ей более низком социальном уровне. Антисемитизм же во главу угла ставит скорее обвинения евреев во врожденной враждебности к интересам неевреев. Антисемитизм был широко распространён в Европе, особенно во Франции, Австрии и Германии. Во Франции существовала *Ligue Antisemitique* (Антисемитская лига), в Германии антисемитские идеи разрабатывал социолог английского происхождения Хьюстон Стюарт Чемберлен, а их процветанию содействовала популярность композитора Рихарда Вагнера. Евреям приписывалось множество дурных качеств – от биологической дегенерации до паразитизма и заговора с целью овладения всем миром» [2].

Работа Чемберлена «Основы XIX века», изданная в 1899 г. в Мюнхене, приобрела большую популярность в Германии, особенно после одобрительных отзывов самого Вильгельма II [3]. Нетрудно представить, какие настроения царили в Германии в конце XIX – первой половине XX вв. Наглядным примером может послужить фигура Отто Штрассера: «враг Гитлера номер один», сначала член СДПГ, затем лидер левого крыла НСДАП, а с 1930-х гг.

– движения «Чёрный фронт», которое придерживалось антисемитских взглядов, однако выступало за обретение евреями своего государства.

Возвращаясь к центральной теме работы, представляется необходимым рассмотреть следующее утверждение Генриха Августа Винклера в его работе «Germany: The Long Road West» о том, что Майнеке не были чужды антисемитские установки в его взглядах, которое приводится со ссылкой непосредственно на сам труд учёного «Die deutsche Katastrophe» («Немецкая катастрофа»), опубликованный в 1946 г.: «Но когда дело касалось евреев, мышления Майнеке отражали те же самые старые антисемитские предрассудки. О конце девятнадцатого века он сказал следующее: "Евреи, которые, как только экономический климат становился благоприятным для них, имели привычку получать от этого удовольствие, не задумываясь о последствиях, создали много дурного с момента своего полного освобождения"». Далее автор пишет, что «Майнеке даже продемонстрировал определённое понимание антисемитизма в Веймарской Республике: "Многие евреи были среди тех, кто слишком быстро и жадно поднял чашу оппортунистического влияния к своим губам. Теперь они предстали перед всеми антисемитами как бенефициары поражения Германии и революции"» [7, с. 104].

Противоположную точку зрения помогают нам сформировать два иных мнения. Так, немецкий историк Герхард Альберт Риттер пишет о том, что в своем труде «Немецкая катастрофа» Майнеке видел причины случившегося в 1933–1945 гг. «прежде всего в прусско-немецком милитаризме, в преувеличении понятия "государство власти", в *антисемитизме* и империализме, в несостоятельности немецкой буржуазии» [5, с. 26]. Об осуждении антисемитизма в труде Майнеке сообщает и Гизела Бок [6]. Более того, как преподаватель, Майнеке привлекал многих людей еврейского происхождения; его лекции в Берлинском университете пренебрежительно называли «еврейской школой», о чём пишут оба автора [5, с. 28], [6].

Стоит отметить, что, по словам Г.А. Риттера, Майнеке, после прихода к власти нацистов, для того чтобы удержать свои позиции как главного редактора журнала *Historische Zeitschrift*, которым он являлся в период с 1893 по 1935 гг., пытался позиционировать журнал как политически нейтральный. По этой причине в 1933 г. Майнеке изначально пошёл на уступки пронацистскому историку Вальтеру Франку, уволив Хедвиг Хинтце, жену своего друга Отто Хинтце, которая работала в журнале с 1926 г. [5, с. 25]. Согласно Г. Бок, причиной этому, помимо стремления Майнеке утвердить нейтральный характер журнала и давления сверху, послужило также еврейское происхождение Хедвиг и её отрицание причастности коммунистов к поджогу Рейхстага. Безусловно, речь идёт лишь о поводе, продиктованном сверху, и не касается взглядов самого Майнеке. Бок также уточняет, что произошедшее имеет отношение к содержащему «арийский параграф» «Закону о восстановлении профессиональной государственной службы», который был принят 7 апреля 1933 г, так как увольнение Хедвиг произошло, судя также по письму от Майнеке и Бракмана, 20 мая [6], [5, с. 428]. Наконец, Риттер отмечает, что «несмотря на интенсивные усилия издательства с начала 1934 года и ряд молодых историков, близких к национал-социализму, с целью вытеснить его из действующего руководства "Historische Zeitschrift" и предотвратить публикацию в журнале историков - евреев, Майнеке протянул руку коллегам - евреям Дитриху Герхарду и Герхарду Мазуру, которым вместе с Хедвиг Хинтце бы-

ли доверены регулярные литературные и журнальные репортажи» [5, с. 25]. Об этом также сообщает и Г. Бок [6].

Вопросом, затронутым автором в настоящей работе, задаётся Николай Верс, но не пытаясь при этом как-то объяснить своё наблюдение. В своей небольшой статье «Von den Schwierigkeiten einer Geschichtsrevision: Friedrich Meinekes Rückblick auf die "deutsche Katastrophe"» («О трудностях пересмотра истории: ретроспективный взгляд Фридриха Майнеке на "немецкую катастрофу"») он сначала ссылается на высказывания Майнеке относительно евреев в труде «Немецкая катастрофа», затем отмечает следующее: «Это тем более поразительно, поскольку значительное число еврейских ученых вышло из "школы" Майнеке до 1933 года, из-за чего пренебрежительное клеймо "еврейская школа" было распространено в гильдии немецких историков». [8, с. 30]

Учитывая вышенаписанное, мы можем наблюдать довольно непростую картину. С одной стороны, Фридрих Майнеке действительно в несколько негативном ключе отзывается о евреях в своем труде «Die deutsche Katastrophe». И в то же время в этом же самом исследовании Майнеке выступает с критикой антисемитизма. Штефан Майнеке пишет, что антисемитизм учёного был основан на «мелкобуржуазном провинциальном менталитете его семьи» [9, с. 77]. Весьма вероятно, что аналогичный «климат» царил и в самом городке Зальцведель. Вполне возможно, что в случае с Майнеке речь идёт, скорее всего, об обычных бытовых, обывательских предубеждениях. Принимая во внимание термин «культурный антисемитизм», присутствующий в работе Ш. Майнеке, а также контекст его употребления (описание детства в Зальцведеле), можно сделать вывод, что присутствие антисемитизма во взглядах учёного в общем смысле – продукт социальной среды, в которой рос, а потом и жил Майнеке. И всё это на фоне его дружбы с коллегами и учениками еврейского происхождения и помощи им, а также одновременно в какой-то мере прогрессивных для того времени взглядов и в определённой степени консерватизма, который мы можем наблюдать в его идеализации эпохи Гёте и реформ в Пруссии. Был ли Майнеке ярким антисемитом? Как мы можем видеть, опираясь на историографию и доступный автору источник личного происхождения – монографию Майнеке «Die deutsche Katastrophe» – ему были присущи определённые черты антисемитизма, иногда проскальзывавшие в его суждениях, но никак не в действиях. Майнеке является очень наглядным примером неоднозначности и относительности, царящих в мире, особенно когда речь идёт о ценностном и политическом вакуумах, возникающих в тяжкие и кризисные периоды истории, а также примером человека, можно сказать, волею судьбы «нырявшего» из эпохи в эпоху (Северогерманский союз во главе с Пруссией, Германская империя, Веймарская республика, Третий рейх, зоны оккупации и ФРГ) и переживавшего один за другим смены парадигм во всех сферах германского общества тех времен, круто менявших не только судьбы отдельно взятых индивидуумов, но и ход исторического процесса.

Литература

1. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / Александр Борозняк. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 351 с.
2. Политика. Толковый словарь. – М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. 2001.

3. Чемберлен, Хьюстон Стюарт [Электронный ресурс] // Воропаев С., Егазаров А. Энциклопедия Третьего Рейха, 1996. URL: <http://web.archive.org/web/20120619100134/http://www.cartalana.ru/folio-48.php#0989ba> (дата обращения: 30.01.2021).

4. Friedrich Meinecke. Erlebtes 1862-1901.

5. Gerhard A. Ritter. (Hrsg.): Friedrich Meinecke. Akademischer Lehrer und emigrierte Schüler. Briefe und Aufzeichnungen 1910–1977. Oldenbourg Verlag, München 2006, (= Biographische Quellen zur Zeitgeschichte, Band 23).

6. Gisela Bock. Friedrich Meinecke: Neues zu seinem Leben und Werk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geschkult.fuberlin.de/e/fmi/institut/foerderer/vortraege/bock/index.html> (дата обращения: 26.08.2020)

7. Heinrich August Winkler. Germany: the long road west: volume 2: 1933-1990. new york: oxford university press inc., 2007. [электронный ресурс]. url: https://books.google.ru/books?id=gxflc2ipo_qc&pg=pa104&lpg=pa104&dq=but+when+it+came+to+the+jews,+meinecke%27s+thoughts+reflected+the+same+old+anti-semitic+prejudices%22&source=bl&ots=wp1uc4lv-y&sig=acfu3u1tyvd7ycrzybsk1jgkdo9ucpewq&hl=ru&sa=x&ved=2ahukewidumrppbtrahvwlwiskhb_jbmcq6aewbhoeacqakq#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 26.08.2020)

8. Nikolai Wehrs. Von den Schwierigkeiten einer Geschichtsrevision: Friedrich Meineckes Rückblick auf die "deutsche Katastrophe". In: Danyel, Jürgen, ed. 50 Klassiker der Zeitgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, P. 29-32.

9. Stefan Meineke. Friedrich Meinecke: Persönlichkeit und politisches Denken bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / Stefan Meineke. – Berlin ; New York Gruyter, 1995.

FRIEDRICH MEINECKE (1862–1954). ON THE ISSUE OF SCIENTIST'S ANTISEMITISM

R.I. Epikhin

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article deals with the problem of presence of antisemitism in the views of the German scientist Friedrich Meinecke (1862-1954), which the author encountered during a study on this scholar. On the basis of comparative method, general and special in the studies of several authors were identified, and the political views of the scientist were considered using historical-genetic and retrospective methods, on the basis of which conclusions were drawn about the presence of antisemitism in them.

The present article begins by examining the formation of Friedrich Meinecke's political views from the beginning of his conscious life in the second half of the 19th century. Emphasis is placed on the socio-cultural environment in which the scholar was formed as a person. The content of the concept of antisemitism and its genesis are then briefly highlighted. The research problem is not only personal, but also historiographical, as we can observe the existence of several points of view, the consideration and comparison of which occupies the main part of this paper. In the end, the conclusion of the author is given, thanks to which we can clearly observe the ambiguity and complexity of the figure of Friedrich Meinecke, even when examining such a private question concerning his life.

Keywords: Friedrich Meinecke, antisemitism, political views, historicism, Prussia, the Weimar Republic, the Third Reich, Germany.

Автор публикации

Епихин Ростислав Игоревич, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. ros9991@yandex.ru

Author of publication

Rostislav I. Epikhin, Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. ros9991@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ ДОКУМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (1988–1995 ГГ.)

Г.Н. Ершова
ershova104@mail.ru

Казанский национальный исследовательский технологический университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Изучение текстов агитационно-пропагандистских документов общественно-политических объединений посредством разработанного сотрудниками лаборатории речи и психолингвистики Института психологии РАН интент-анализа позволило выявить особенности использования мифологических конструктов в структуре текстов и способов влияния таких конструктов на политическое сознание аудитории. В статье рассматриваются особенности структуры интенциональных блоков относительно категорий конфликта во временных категориях прошлого, настоящего и будущего и стилистики текстов агитационно-пропагандистских документов. Объектом исследования являются агитационно-пропагандистские документы из фондов Комитета «Суверенитет», Всетатарского общественного центра и Татарской партии национальной независимости «Иттифак» Государственного архива Республики Татарстан за 1988–1996 гг. на русском и татарском языках. Проведённый интент-анализ позволил выявить четырёхкомпонентную интенциональную структуру. В рассмотренных текстах обязательно присутствовала направленность на привлечение внимания аудитории, убеждение в правоте позиций и планируемых позитивных результатах деятельности организации и кооперацию с ней. Относительно оппонентов преобладают интенции, направленные на актуализацию и политизацию исторических травм, вменение вины и ответственности за негативные результаты исторических событий и существующую экономическую и политическую обстановку, на дискредитацию их намерений, а также прогнозирование ухудшения ситуации в будущем в случае поддержки аудиторией их программы действий. Результаты контент-анализа выборки документов подтверждают выводы интент-анализа и позволяют выявить в текстах ключевые метафорические и метонимические модели, используемые в качестве речевых приёмов убеждения аудитории, динамику использования способов аргументации от положений о «возврате к ленинским принципам» и «союзном статусе Республики Татарстан» в меморандумах и открытых письмах 1988–1991 гг. до «суверенного государства» в 1991–1995 гг. Анализ документов свидетельствует об инструментальном использовании мифа внутри конструкций об историческом прошлом, в которых абстрактные понятия метафоризируются ярко выраженным эмоциональным содержанием. В случае использования специфических речевых приёмов подбора информации и убеждения тексты агитационно-пропагандистских документов могут служить средством квазиосмысления аудиторией современных социальных, политических, культурных и иных, непосредственно затрагивающих человека, проблем.

Ключевые слова: общественно-политические объединения, агитационно-пропагандистские документы, Государственный архив Республики Татарстан, контент-анализ, интент-анализ, интенциональные паттерны, метафорические модели, мифологизация.

В настоящее время активизировались исследования языкового поля политического дискурса, его базовых концептов, символов, мифологем, транслируемых социальных представлений, риторических стратегий, способов взаимодействия с аудиторией, а также метафорических моделей в СМИ и политических программах, интервью региональных и общероссийских общественно-политических объединений конца 1980 - начала 1990-х гг. Ж. ван Дейк вводит понятие «медиализированных воспоминаний» («действия и объекты, которые мы производим и используем с помощью медиа-технологий, чтобы создавать и воссоздавать чувство прошлого, настоящего и будущего нас самих в отношении с остальными») [16, с. 21]. Важность для понимания культурной памяти изучения вопросов о политике, о медиации и темпоральности мнемонического диспозитива (как системы отношений, создавшихся

вокруг определённой исторической фигуры, включающей в себя потенциальные и латентные значения) отмечает Л. Базу [15]. Исследователи культурной травмы [1; 2], как социокультурного процесса приписывания какому-либо опыту травмирующего статуса, подчёркивают её конструктивистскую природу [2]. Д. Александер предлагает рассматривать механизмы, с помощью которых конструируется смысл травмы, процесс, участников и последствия этого конструирования [2]. Взаимосвязь между интенциональными характеристиками масс-медийного дискурса и используемыми в нём приёмами речевого воздействия на примере телепередач методом интент-анализа, разработанного лабораторией речи и психолингвистики Института психологии РАН, была рассмотрена А.А. Григорьевой и Н.Д. Павловой [4]. Интент-анализ является психологическим методом, направленным на реконструкцию стоящих за речью интенций – предметных направленностей субъекта, образующих основу и глубинное психологическое содержание речи. Представляется важным изучение текстов агитационно-пропагандистских документов общественно-политических объединений посредством их контент- и интент-анализа, что позволит выявить особенности конструирования исторических травм в структуре текстов, использования языковых средств и способов влияния таких конструктов на политическое сознание аудитории. Объектом исследования избраны агитационно-пропагандистские документы на русском и татарском языках Всетатарского общественного центра (ВТОЦ), Комитета «Суверенитет» и Татарской партии национальной независимости «Иттифак» (ГПНН «Иттифак») за 1988–1995 гг., которые хранятся в Государственном архиве Республики Татарстан и содержат апелляции к образам прошлого (61 ед. хр., репрезентативная выборка – 20%). Для проведения контент-анализа был сформирован массив из 28 текстов в программе Microsoft Excel. На основе принципа частотности использования в текстах выявлены ключевые слова (понятийно-категориальные, пропозициональные, метафорические и метонимические языковые единицы), определены их средняя частотность и процентная доля в выборке.

Проведение интент-анализа предполагает изучение типовых вариантов интенциональной структуры исследуемых текстов, определение конкретного содержания типовых интенций в различных текстах, выявление связей интенциональных особенностей текстов с ориентацией авторов на аудиторию. Преобладание в большинстве исследуемых текстов глаголов позволяет исследовать интенциональную направленность речевых актов. В текстах были выявлены типы и направленность интенций, подсчитано их количество и тип речевого акта («+» – положительные, «-» – отрицательные интенции).

Формат агитационно-пропагандистского документа исключает диалог участников и представляет собой особую форму «спора с одним участником» (категория «Мы»), однако, предполагает существование оппонента (категория «Они») и аудитории, которой адресуется информация (категория «Аудитория» или «Третья сторона»). Общая структура документа критического типа по итогам исследования индивидуальных паттернов может быть представлена следующей схемой интенциональных блоков относительно категорий конфликта: бинарных оппозиций «Мы» (национальное объединение и его сторонники), «Они» (политические противники) и «Третья сторона» (аудитория), а также «Ситуация» во временных категориях прошлого, настоящего и будущего: 1. (демонстрация положительных сторон ситуации в прошлом +, локутивный акт); 2. (критика ситуации в прошлом –, локутивный акт); (обви-

нение оппонентов в прошлом –, локутивный акт); 3. (демонстрация положительных сторон ситуации в прошлом +, локутивный акт); 4. (критика ситуации в прошлом –, локутивный акт); (обвинение оппонентов в прошлом –, локутивный акт); 5. (демонстрация собственных заслуг в настоящем +, локутивный акт); 6 (негативный прогноз действий оппонентов в будущем –, иллюкутивный акт); (предположение ситуации в будущем –, перлокутивный акт); 7. (самопрезентация намерений +, кооперация +, иллюкутивный акт); (предположение ситуации в будущем +, перлокутивный акт) [5].

В первом блоке содержатся характерные для мифа положения об исторической преемственности государственности Татарстана с «цветущим государством» [7] Волжской Булгарией, а также с Золотой Ордой, Казанским ханством. Во втором блоке сообщается, что «Золотой век» истории татарского государства закончился в 1552 г., далее следуют сюжеты борьбы и выживания «пострадавшей нации» [10] в Российской империи. В третьем блоке заявляется о возрождении татарского государства в качестве советской автономной республики, подвергается критике сталинская политика «бутафорской автономии» [8] (четвертый блок). В пятом блоке сообщается об успехах борьбы национального движения со «второсортным статусом» [10] республики: принятии Декларации о государственном суверенитете ТССР от 30 августа 1990 г. Шестой блок демонстрирует негативную санкцию: предостережение ухудшения ситуации в случае поддержки аудиторией политики Федерального Центра. Завершают текст положительные интенции апологизации собственной позиции, готовности действовать, кооперации с аудиторией, перспективы возврата в «золотой век» (седьмой блок).

Авторами документов выступали не только юристы, политологи, социологи, но и историки, писатели, публицисты: М.А. Мулюков (ВТОЦ), Ф.А. Байрамова (ТПНН «Иттифак»), А. Махмутов (Комитет «Суверенитет»), что отражается на стилистике изложения. Стилистические особенности документов выражались в применении метафорических моделей, которые рассмотрены согласно концепции когнитивного исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона [17]. Выявлено преобладание политических метафорических моделей «История – это путь», «Политический конфликт – это борьба», «Созидание – это рождение». Одна из форм метафоризации (персонификация) служила для придания историческому процессу черт одушевленного существа: «История предоставила возможность», «История рассудит» [10], «История однозначно гласит...» [13], средний процент повторов апелляции к «истории» в текстах ВТОЦ, Комитета «Суверенитет», ТПНН «Иттифак» 0,43; 3,56; 0,69 соответственно. Изучение оценочных суждений в документах относительно представлений о будущем «пути» республики позволяет выявить динамику использования способов аргументации от положений о «возврате к ленинским принципам», «справедливом федерализме», «союзном статусе» в меморандумах и открытых письмах 1989 г. до «суверенного государства» в 1990–1995 гг. Стилистические особенности документов ВТОЦ выражались в применении метафорических языковых единиц, таких как «судьба народа» [8], «воля народа» и «чаяния народа» [8, 10], а в документах ТПНН «Иттифак» – образных выражений, имеющих целью эмоциональное воздействие на читателей, например, «взятие в свои руки судьбы государства и нации» [12].

Метафорическая модель «Созидание – это рождение» выражалась требованиями «возрождения татарской нации», «возрождения татарской государственности» [11], которые в текстах составляют 3-5 повторений (0,2% –

ВТОЦ; 0,13% – Комитет «Суверенитет»; 0,63% – ТПНН «Иттифак»). С этой моделью связаны метафоры родства на русском и татарском языках, представленные дескрипторами, направленными на привлечение внимания аудитории и кооперацию с ней: персоналии, именуемые «дочерьми» и «сыновьями» народа, а также обращения к общественности среднеазиатских республик как к «*братским народам*» во время подготовки нового союзного договора [9]. Накануне референдума 1992 г. Комитет «Суверенитет» от имени «*братьев татар*» обращался к русскоязычной аудитории «*рус кардәшләр*» («*братья-русские*») [9]. Интенции кооперации общественно-политических объединений со своими сторонниками служила также идентификация авторами текстов категорий «Мы» и «Третья сторона» («Аудитория»), обозначаемых дескриптором «народ» (в среднем 2,4 раза – в документах ТПНН «Иттифак», 5 – ВТОЦ, 15 – Комитета «Суверенитет»; например, в словосочетании «*народы Татарстана – патриоты, граждане своей единственной Отчизны Татарстана*») [13].

Для дескриптора «народ» применяется персонификация, например: «*народ высказался против*», «*народ фактически отказался от выборов Президента России 12 июня 1991 г.*» [9, л. 9]. На примере рассмотренной Дж. Лаккоффом и М. Джонсоном метафорической модели «*Спор – это схватка*» («*An argument is a fight*»), когда спор структурируется в терминах войны [17, с. 117], изучаемые документы также можно рассмотреть при помощи модели «*Политический конфликт – это борьба*», в которой вместо сражения предполагается обмен аргументами между политическими противниками во время ситуации политического конфликта.

Анализ документов выявил четырёхкомпонентную интенциональную структуру. В рассмотренных текстах обязательно присутствовала направленность на убеждение аудитории в правоте своих позиций и планируемых результатов деятельности объединений. Относительно оппонентов преобладают интенции, направленные на актуализацию и политизацию исторических травм, негативное освещение результатов исторических событий, вменение вины оппонентам, дискредитацию их действий и намерений, а также прогнозирование ухудшения ситуации в будущем. Для трансляции этих интенций в качестве исторических травм использовались метафорические конструкции «*Политический конфликт – это борьба*» «*пострадавшей нации*» в Российской империи, затем «*многострадального Татарстана*» с «*второсортным статусом*» [8] республики в составе СССР. Например, в татароязычном варианте листовки ТПНН «Иттифак» авторы документа приравнивали участие в референдуме 17 марта 1991 г. (о сохранении СССР) со сдачей Ивану Грозному, метафорически предупреждали об опасности «*повторной сдачи татарского государства в руки Москвы*» («*Икенче тапкыр Казанны, татар дәүләтен Мәскәү кулына бирү*») [6]. Необходимо отметить, что в русскоязычном варианте эти предложения отсутствуют. Применение метонимии «*Место вместо объекта*» («*Казань*» вместо правительства РТ, «*Москва*» вместо правительства РФ) конструирует особый хронотоп, в котором современный Татарстан отождествляется с Казанским ханством, а российское государство – с Московской Русью и советским государством. Это служит интенции возложения «*исторической ответственности*» за потерю государственности Казанского ханства на федеральный центр при обосновании политики суверенизации Татарстана. В качестве санкции в случае неподдержания политической программы национальных объединений, а также кооперирующего лозунга в до-

кументах упоминается метонимия «Место вместо объекта»: «*Не дадим превратить Татарстан во второй Карабах*» [9, л. 13].

Историческую травму 1552 г. можно рассматривать в контексте моделей, выдвинутых С. Ушакиным. Национальные объединения позиционировали её как причину переоценки прошлого («Травма как опыт утраты» [14, с. 8-17]), а себя – как «вторичных свидетелей» [3] (сообщество воспринявших свидетельства «переживших травму»), стремились расширить это сообщество за счёт аудитории, воспринимающей их тексты («Травма как консолидирующее событие» [14, с. 8-10]), а также формировали идентичность, представления о существующей ситуации и о будущем через специфическую позицию жертвы в контексте истории о пережитой травме («Травма как символическая матрица» [14, с. 8-10]) с целью дальнейшего возложения ответственности и выдвижения требований к оппонентам не только «эмоциональной, институциональной и символической компенсации» [2, с. 17], но и политических требований суверенизации республики в качестве экономической компенсации в период переговорных процессов между правительствами России и Татарстана.

Анализ документов свидетельствует об инструментальном использовании мифа внутри конструкций об историческом прошлом, в которых абстрактные понятия метафоризируются ярко выраженным эмоциональным содержанием. Если читатель понимает борьбу как физическую сущность, а историческую травму как метафору, то он будет рассматривать понятие «Политический конфликт – это борьба» метафорически. Если концепт рассматриваемого в текстах политического конфликта формирует у читателя психологические травмы, то «Политический конфликт – это схватка» является субкатегоризацией; спор – вид борьбы, структурированный в виде беседы между сторонниками и оппонентами [17, с. 117]. В случае использования специфических речевых приемов подбора информации и убеждения, это может привести к формированию у аудитории не только исторической травмы, но и превратиться в личный травмирующий опыт, обостренным чувствам обиды и несправедливости, которые, в свою очередь, могут в дальнейшем служить квазисмыслением современных социальных, политических, культурных и иных, непосредственно затрагивающих человека, проблем.

Литература

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память. [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. №5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 25.12.2020)
2. Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал. 2012. №3. С. 5-14.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 92-97.
4. Григорьева А. А., Павлова Н. Д. Взаимосвязь интенциональных характеристик массмедийного дискурса и используемых в нем приемов речевого воздействия // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия: монография / Под ред. Павловой Н. Д., Журавлева А. Л. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2012. С. 163-178.
5. Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н., Овчинников А. В. Особенности агитационно-пропагандистских документов национальных общественно-политических объединений Татарстана. По материалам Государственного архива Республики Татарстан 1988-1996 гг. Вестник архивиста. 2020. №4. С. 1107-1118.
6. «Иттифак» партиясен белдерүе. (Объявление ТПНН «Иттифак») // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8247. Оп.1. Ед. хр. 9. Л. 6.

7. Обращение ВТОЦ к народам, нациям и парламентам мира "О признании государственной независимости Республики Татарстан" // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8246. Оп.1. Ед. хр. 105. Л. 66.

8. Обращения ВТОЦ к населению ТАССР, I Съезду народных депутатов СССР, депутатам Верховного Совета ТАССР о суверенитете Татарстана (10.04.1989 – 10.12.1989 гг.) на 67 л. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8246. Оп.1. Ед. хр. 19. ЛЛ. 66-67.

9. Обращение Комитета «Суверенитет» к Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру, Президенту США Дж. Бушу, Президенту Республики Татарстан М. Ш. Шаймиеву, к населению Республики Татарстан о признании мировой общественностью государственного суверенитета, о защите государственного суверенитета Республики Татарстан, о сохранении СССР (13.02.1991 – 10.11.1991) // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8245. Оп.1. Ед. хр. 8. ЛЛ. 9-13.

10. Политические заявления Комитета «Суверенитет» за 1992 г. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8245. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.

11. Политические заявления партии «Иттифак» (01.02.1996 – 25.04.1996 гг.) // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8247. Оп.1. Ед. хр. 38. Л. 1-9.

12. Сборник и рукопись сборника политических заявлений, обращений, резолюций партии «Иттифак» «Иттифак» – народная партия» за 1990 – 1993 гг., г. Набережные Челны, издательство «Камаз», 1993 г. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8247. Оп.1. Ед. хр. 23. Л. 21-21 Об.

13. Устав Комитета «Суверенитет» от 25 ноября 1990 г. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-8245. Оп.1. Ед. хр. 3. Л. 25-26.

14. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. статей/ сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-40.

15. Bazu L. Ned Kelly as Memory Dispositif: Media, Time, Power, and the Development of Australian Identities. Berlin, New York: De Gruyter, 2012.

16. Dijck J., van Mediated memories in the digital age. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007.

17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press, 1980. Chicago-London. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

FEATURES OF MYTHOLOGIZATION OF HISTORICAL CONSTRUCTIONS IN AGITATION AND PROPAGANDA DOCUMENTS OF NATIONAL SOCIO-POLITICAL ASSOCIATIONS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN (1988-1995)

G.N. Ershova

Kazan national research technological University
Kazan, Russia

Abstract. The study of texts propaganda documents of socio-political associations developed by the staff of the laboratory of speech and psycholinguistics Institute of psychology RAS intent analysis allowed to reveal the peculiarities of the use of mythological constructs in the structure of texts and ways of influence of these constructs on the political consciousness of the audience. The article deals with the features of the structure of intentional blocks regarding the categories of conflict in the temporal categories of the past, present and future, and the style of the texts of propaganda documents. The object of the research is the propaganda documents from the funds of the Committee "Sovereignty", the All-Tatar Public Center and the Tatar Party of National Independence "Ittifak" of the State Archive of the Republic of Tatarstan for 1988-1995 in Russian and Tatar languages. The conducted intent analysis revealed a four-component intentional structure. In the reviewed texts, there was always a focus on attracting the attention of the audience, convincing them of the rightness of their positions and the planned positive results of the organization's activities and cooperation with it. With regard to the opponents, the prevailing intentions are aimed at updating and politicizing historical traumas, imputing blame and responsibility for the negative results of historical events and the existing economic and political situation, discrediting their intentions, as well as predicting the deterioration of the situation in the future if the audience supports their program of action. The results of the content analysis of the sample documents confirm the findings of intention analysis and allow to identify the key metaphorical and metonymic models, used as verbal methods of persuasion of the audience, usage methods of reasoning from the provisions of the «return to Lenin's principles» and

«the Union status of the Republic of Tatarstan» in the Memorandum and open letters in 1988–1991 to «a sovereign state» in 1991–1995. The analysis of the documents shows the instrumental use of myth within constructions about the historical past, in which abstract concepts are metaphorized by a pronounced emotional content. In the case of using specific speech techniques for selecting information and persuasion, the texts of propaganda documents can provide a quasi-understanding of modern social, political, cultural and other problems that directly affect a person.

Keywords: socio-political associations, agitation and propaganda documents, The State Archive of the Republic of Tatarstan, content analysis, intent analysis, intentional patterns, metaphorical models, mythologization.

Автор публикации

Ершова Гузель Николаевна, канд. ист. наук, преподаватель, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия. ershova104@mail.ru

Author of the publication

Guzel N. Ershova, Candidate of historical sciences, lecturer, Kazan national research technological University, Kazan, Russia. ershova104@mail.ru

ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Д.Г. Ибатуллина
dilyara.ib@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. У Японии и Южной Кореи много общего: от культурных ценностей до взаимосвязанных экономических интересов и желания сдерживать все более нарастающую угрозу Северной Кореи. Однако, несмотря на множество схожих черт, серьезные проблемы часто препятствуют двусторонним отношениям между Токио и Сеулом. Ключевым источником напряженности являются воспоминания о колониальной оккупации Кореи Японией в первой половине двадцатого века. Несмотря на то, что более 75 лет прошло со дня независимости и разделения Кореи на две части, раны этого периода все еще достаточно свежи, чтобы создать серьезные политические препятствия. Сегодня Южная Корея и Япония спорят о том, что является надлежащим раскаянием и компенсацией за колониальный период, а именно нанесенному ущербу Японией. Несмотря на заключенный в 1965 году. Договор о нормализации отношений, который также включал обязательства Японии по выплатам в качестве компенсации за колониальное правление, в недавнем решении суда Южной Кореи от ноября 2018 году. говорится, что жертвам не была выплачена индивидуальная компенсация за их «эмоциональную боль и страдания». Так, Верховный суд Южной Кореи вынес постановление против двух крупнейших компаний Японии, Mitsubishi Heavy Industries Ltd. и Nippon Steel & Sumitomo Metal Corp., по дополнительным выплатам жертвам колониального правления. Вслед за данным решением, правительства двух стран стали поочередно вводить ограничительные меры, влияющие на такие сферы, как: торговля, политика и культурно-социальное взаимодействие и взаимодействие. На наших глазах стали разворачиваться сцены двусторонней ненависти, включая покушения на руководителей высших кругов, уничтожение памятников, разгром имущества и отказ приобретения товаров, произведенных в соседней стране, отказ от поездок, различные митинги и односторонние акции протеста.

Ключевые слова: Япония, Южная Корея, Северо-Восточная Азия, двусторонние отношения, колония, компенсация.

С приходом западных держав в Восточную Азию, Корея и Япония были вынуждены открыться миру. В то же время, пытаясь избежать эксплуатации со стороны Запада, Япония стала стремиться присоединиться к имперскому состязанию [8] и здесь влияние на Корею считалось особенно важным в этом процессе.

После установления дипломатических отношений (1876) Японии с Южной Кореей проходит буквально десять лет, когда амбиции Японии в отношении корейского полуострова становятся все более угрожающими [8]. В результате Япония вела две войны за контроль над Кореей, одна (1894–1895) против Китая, а другая (1904–1905) против царской России. Успешный результат этих конфликтов стал основой для присоединения Кореи к Японской колониальной империи в 1910 году [8].

В современной южнокорейской историографии применительно к периоду колониального господства Японии в Корее используется термин «период насильственной оккупации Японской империей (или империализмом)». В северо-корейской исторической науке также используется данный термин. Дело заключается в том, что корейцы были против соглашения о слиянии с Японской империей, которое было подписано в августе 1910 года. Сделка была заключена перед лицом вымогательства и злоупотреблений со стороны японских властей. Поскольку пакт о защите с Японией был заключен ранее в 1905 году, корейская армия была распущена в 1907 году. Японские власти

жестко регулировали прессу в Корее, и, таким образом, к 1910 году были созданы все условия для аннексии Кореи.

Хотя контроль Японии над полуостровом закончился в 1945 году, колониальный период прочно вошел в коллективную память корейского народа.

Здесь необходимо осознать характер оккупации и ее травмирующее воздействие на Корею для того, чтобы понять чувствительность, которая окружает текущие разногласия по вопросам исторической репрезентации.

Во время оккупации японская колониальная администрация делала все возможное, чтобы искоренить корейскую идентичность – до такой степени, что в школах не разрешалось преподавать корейскую историю, культуру или язык. Корейцы были вынуждены принимать японские имена и поклоняться синтоистским святыням, тем самым подтверждая свою верность японскому императору. Корейские рабочие на предприятиях подвергались жестокой эксплуатации. Женская часть населения была принуждена обслуживать японских военных. Корейская экономика была принудительно включена в японский имперский проект, нарушив традиционный образ жизни миллионов людей. Все попытки помешать колониальному контролю жестоко подавлялись. [3, 5, 7, 10, 11]

Несмотря на то, что в 1965 году стороны все же смогли восстановить дипломатические отношения, подписав соответствующий договор [2], отношения Южной Кореи и Японии сегодня далеки от взаимопонимания и дружбы.

Необходимо упомянуть, в каких обстоятельствах и в каком положении страны находились при подписании договора. Что касается Японии 1964 году она первой из «незападных» стран приняла Олимпийские игры [6], также в это время она добилась вступления в именуемую «клубом передовых стран» Организацию экономического сотрудничества и развития [4]. Между Токио и Осакой открылось движение суперэкспрессов «синкансэн» [17]. Страна переживала разгар эпохи высоких темпов экономического развития [15], в 1968 году Япония по объёму ВВП вышла на второе место в мире [15]. В том числе, именно в то время Либерально-демократическая партия Японии получила устойчивое большинство в парламенте, проложив путь к долгосрочному пребыванию у власти [14].

С другой же стороны, Южная Корея продолжала испытывать серьёзные трудности. В 1965 году номинальный ВВП составила всего лишь около одной седьмой от аналогичного показателя Японии [20]. Ещё более острую проблему являла собой структура внешнеторгового баланса, а именно внешняя торговля демонстрировала крупный дефицит [22] и без финансовой помощи из-за рубежа южнокорейская экономика не сводила бы концы с концами. Также в военном отношении даже после вывода китайских войск из Северной Кореи северокорейский военный потенциал намного превосходил [21] южнокорейский, причём, несмотря на это обстоятельство, внимание союзника – Соединённых Штатов, от которых зависела национальная безопасность, постепенно смещалось с Корейского полуострова в направлении Вьетнама [19], где военные действия становились всё более ожесточёнными. Говоря о политической стабильности, правительство Пак Чон Хи, пришедшее к власти в 1961 году в результате военного переворота, даже с большой натяжкой нельзя было назвать популярным [16].

Таким образом, Базовый договор об отношениях между Японией и Южной Кореей 1965 года стал продуктом, напрямую обусловленным отношениями двух стран того времени, имевшими вертикальный характер.

Потому, правительство под руководством Пак Чон Хи было вынуждено пойти на масштабные уступки Японии, изменив политический курс, в основе которого ранее лежала жёстко антияпонская позиция [16]. Заключая этот договор, корейское правительство даже в вопросе суммы валютных выплат, получаемых от Японии, в конечном счёте была вынуждена не только пойти навстречу требованиям японской стороны, но и отказаться от формулировки «возмещение ущерба» за колониальное правление, дав согласие называть эти средства «экономической помощью» [13].

В то же время, необходимо заметить следующее. Желание Кореи нормализовать отношения с Японией натолкнулось на серьёзное политическое препятствие: память о колониальной оккупации Японии. Пак знал, что большинство южнокорейцев категорически против [1] нормализации и это было значительным политическим риском. Пак оправдал возобновление дипломатических отношений с Японией обязательствами Кореи перед своим покровителем времен холодной войны, Соединёнными Штатами [12], которые пришли на помощь Югу в 1950 году.

Поэтому неудивительно, что атмосфера вновь установленных двусторонних отношений поначалу оставалась довольно далекой и формальной.

В результате в Южной Корее никогда не было серьёзных публичных дебатов о достоинствах и недостатках нормализации отношений с Японией. Это одна из причин, по которой антияпонские настроения оставались весьма заметными даже в 1990-е годы и позже. Таким образом, скрытая волна гнева в народе сохранялась.

Вопросы примирения (или даже нормализации) в Японии решались столь же неадекватно. Вместо достижения политического урегулирования с народами своих бывших колоний взаимодействие Японии с регионом в значительной степени носило экономический характер. В самой стране стране было слишком мало критической оценки военной истории Японии.

Несмотря на то, что Токио впоследствии попытается выстроить «нормальную» внешнюю политику [8], Китай и обе Кореи изначально подозрительно будут относиться к амбициям Японии в этом регионе. Эти страны, ставшие жертвами агрессии Японии во время войны, опасаются, что влияние Японии может возродиться. Таким образом, здесь важно отметить, насколько историческое прошлое имеет важное значение в современных реалиях, включая двусторонние отношения стран.

Возникает вопрос, почему сегодня Южная Корея снова поднимает этот вопрос так остро. А именно, в 2018 году Верховный суд Южной Кореи выносит решение о денежных выплатах 2 японскими компаниями Japan Steel Works Ltd и Mitsubishi Heavy Industries южнокорейским жертвам колониального периода [23]. Так, в ответ на вышеуказанные меры со стороны РК, 1 июля 2019 года Япония ужесточила экспорт химикатов [25], имеющих важное значение для производства Южной Кореи.

Так, логичным будет отметить то, что «вертикальный» характер взаимоотношений Японии и Южной Кореи существенно изменился за последние 50 лет. Одна из причин данного шага – сокращение разрыва между темпами экономического роста. С 1980 года Южная Корея, когда-то одна из беднейших стран Дальнего Востока, включена в круг самых промышленно развитых стран в результате значительного экономического роста. [9].

Аналогичным образом ситуация обстоит и в военной сфере. Южнокорейские оборонные расходы составляют относительно большую 3-

процентную долю ВВП [18]. По сумме ассигнований Южная Корея быстрыми темпами приближается к японскому уровню [18]. И хотя вооружённые силы Японии и Южной Кореи разнятся по характеру, вполне очевидно, что разрыв в военном потенциале двух стран постепенно сходится на нет.

Совершенно очевидно, что за последние 50 лет в отношениях Японии и Южной Кореи вертикальная форма двусторонних связей сменилась на горизонтальную. Именно поэтому в сегодняшней Южной Корее быстрыми темпами набирает размах движение за пересмотр «старых» японско-корейских отношений.

То, что в последние годы южнокорейская судебная власть одно за другим выносит решения, идущие вразрез с положениями Базового договора 1965 г., равно как и жёсткая позиция по отношению к Японии, обусловлено именно этой переменной характера двусторонних отношений Японии и Южной Кореи.

Важно, чтобы страны навсегда поставили точку в вопросах исторических разногласий, поскольку взаимоотношение этих двух стран имеют значение и в контексте региональной безопасности. Все мы знаем о существовании проблемы ядерного проекта Северной Кореи, потому, также учитывая попытки Южной Кореи выйти из соглашения по военному сотрудничеству [24], в регионе важно сохранить некий баланс. К тому же, вполне очевиден вред, наносимый странами не только на экономические показатели двух стран, но в первую очередь, на культуру и взаимное восприятие двух стран.

Литература

1. Асаба Ю. Логика требования «перемен» южнокорейской стороны: от вопроса «принудительного труда» через режим отношений 1965-го года вплоть до послевоенного примирения [Электронный ресурс] // Информационный веб-сайт Nippon Communications Foundation: [сайт]. [2019]. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a06402/> (дата обращения: 02.02.2021)
2. Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей 1965 г. (на англ.) [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Collection: [сайт]. [2021]. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8471-English.pdf> (дата обращения: 05.02.2021)
3. Дьячков, И. В. «Женщины для утешения» в южнокорейско-японских отношениях: исторический и политический аспекты. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. №10 (162). С. 104-109.
4. Ковригин Е. Б. Япония – АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию. Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 40-74.
5. Кравченко, А. Н. Цензура корейской культуры в период японской оккупации (1910–1945 гг.). Молодой ученый. 2019. №12. С. 223-225.
6. Мещеряков А. Н. История токийских Олимпиад в XX веке [Электронный ресурс] // Ассоциация японоведов: [сайт]. [2020]. URL: http://japanjournal.ru/images/js/2020/js_2020_1_106-129.pdf (дата обращения: 09.02.2021)
7. Овчинникова, Л. В. Японская политика изменения самоидентификации корейцев (вторая половина 30-х – начало 40-х годов XX в.). М.: ИДВ РАН Институт Дальнего Востока. 2017. С. 141-149.
8. Панова А. Н., Саркисова К. О., Стрельцова Д. В. История внешней политики Японии. М.: Международные отношения, 2019. 456 с.
9. Республика Корея: успехи и проблемы развития. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации: [сайт]. [2019]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/21953.pdf> (дата обращения: 04.02.2021)
10. Тertiцкий, Ф. К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее. Вестник РГГУ. 2012. № 20 (100). С. 290-302.

11. Якимова Д. А. Колониальное господство Японии в Корее и колониальная политика европейских держав [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы современной Японии. Сравнительный анализ: [сайт]. [2016]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28184198> (дата обращения: 09.02.2021)

12. 1965 Korea-Japan agreement should be re-estimated // The Korean Culture and Information Service: [site]. [2016]. available at: <https://www.korea.net/NewsFocus/History/view?articleId=134245> (accessed: 03.02.2021)

13. Cha V. D. Bridging the Gap: The Strategic Context of the 1965 Korea-Japan Normalization Treaty // University of Hawai'i Press: [site]. [1996]. available at: <https://www.worldcat.org/title/bridging-the-gap-the-strategic-context-of-the-1965-korea-japan-normalization-treaty/oclc/729039770> (accessed: 03.02.2021).

14. Ellis S. K. and Pekkanen R. J. The Rise and Fall of Japan's LDP: Party Organization as Institutions // The Journal of Asian Studies Vol. 69: [site]. [2010]. available at: https://gps.ucsd.edu/_files/faculty/krauss/krauss_publications_022010.pdf (accessed: 10.02.2021).

15. Hamada K. Japan 1968: A reflection point during the era of the economic miracle // US: Economic growth center Yale university: [site]. [1996]. available at: http://www.econ.yale.edu/growth_pdf/cdp764.pdf (date: 10.02.2021).

16. Jeong M., Shin Y. Post-War Korean Conservatism, Japanese Statism, and the Legacy of President Park Chung-hee in South Korea // The Korean Journal of International Studies: [site]. [2018]. available at: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=chadron> (accessed: 11.02.2021).

17. Maccain K. A. Japan's Bullet Train, the World's First (and Still Best) High-Speed Rail Network, Turns 50 // Nonprofit news organization Next City: [site]. [2014]. available at: <https://nextcity.org/daily/entry/japans-bullet-train-the-worlds-first-and-still-best-high-speed-rail-network> (accessed: 11.02.2021).

18. Military expenditure by country as percentage of GDP, 1988-2019 // SIPRI Fact Sheet: [site]. [2020]. available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0.pdf (accessed: 11.02.2021).

19. Park T. Change in U.S. Policy Toward South Korea in the Early 1960s // University of Hawai'i Press. Vol. 23: [site]. [1999]. available at: <https://www.jstor.org/stable/23719217> (accessed: 12.02.2021)

20. South Korea GDP Per Capita 1960-2021 // Macrotrends: [site]. [2020]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/KOR/south-korea/gdp-per-capita> (accessed: 12.02.2021)

21. Wolf C. J. The Changing Balance: South and North Korean Capabilities for Long-term Military Competition // US: Library of Congress Cataloging in Publicatio data: [site]. [1985]. available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R3305.1.pdf> (accessed: 12.02.2021).

22. Yoo J. Korea's Rapid Export Expansion in the 1960s: How It Began // KDI Journal of Economic Policy: [site]. [2017]. available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2990222 (accessed: 13.02.2021)

23. 손해 배상 (가) (Compensation for damage) // Supreme Court of the Republic of Korea: [site]. [2018]. available at: <https://www.scourt.go.kr/portal/news/NewsViewAction.work?seqnum=6451&gubun=4&searchOption=&searchWord> (accessed: 14.02.2021).

24. 한일 군사 정보 보호 협정, 지소 미아 (GSOMIA) 조건부 연장 결정 이후에도 계속되는 한일간 의 줄다리기 // 한반도 A to Z: [site]. [2019]. available at: http://world.kbs.co.kr/special/northkorea/contents/news/koreatoday_view.htm?No=375253&lang=k (accessed: 14.02.2021).

25. 日本政府 韓国 に対して 輸出 規制 開始 (The Japanese government imposes restrictions on exports to South Korea) // Consulate General of the Republic of Korea in Yokohama: [site]. [2019]. available at: http://overseas.mofa.go.kr/jp-yokohama-ja/brd/m_941/view.do?seq=761295&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=9 (accessed: 14.02.2021).

THE PROBLEM OF THE COLONIAL PAST IN MODERN RELATIONS BETWEEN JAPAN AND THE REPUBLIC OF KOREA

D.G. Ibatullina

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. Japan and South Korea have a lot in common: from cultural values to interrelated economic interests and the desire to contain the increasingly growing threat of North Korea. However, despite many similarities, serious problems often hinder bilateral relations between Tokyo and Seoul. A key source of tension is the memories of the colonial occupation of Korea by Japan in the first half of the twentieth century. Despite the fact that more than 75 years have passed since the independence and the division of Korea into two parts, the wounds of this period are still fresh enough to create serious political obstacles. Today, South Korea and Japan are arguing about what is proper repentance and compensation for the colonial period, namely the damage caused by Japan. Despite being imprisoned in 1965. A treaty on the normalization of relations, which also included Japan's obligations to pay compensation for colonial rule, in a recent South Korean court decision from November 2018, it is said that the victims were not paid individual compensation for their "emotional pain and suffering". Thus, the Supreme Court of South Korea ruled against two of Japan's largest companies, Mitsubishi Heavy Industries Ltd. and Nippon Steel & Sumitomo Metal Corp., on additional payments to victims of colonial rule. Following this decision, the governments of the two countries began to alternately introduce restrictive measures affecting such areas as trade, politics and cultural and social mutual perception and interaction. Before our eyes, scenes of bilateral hatred began to unfold, including attempts on the leaders of the highest circles, the destruction of monuments, the destruction of property and the refusal to purchase goods produced in a neighboring country, the refusal to travel, various rallies and unilateral protest actions.

Keywords: Japan, South Korea, Northeast Asia, bilateral relations, colony, compensation.

Автор публикации

Ибатуллина Диляра Госмановна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. dilyara.ib@gmail.com

Author of publication

Dilyara G. Ibatullina, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. dilyara.ib@gmail.com

КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «СКИПЕТР» В ПОЭМАХ ГОМЕРА

М.П. Ильина, Э.В. Рунг
i.masha85@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу контекстов употребления слова «скипетр» и его репрезентации в эпосе Гомера. Работа носит междисциплинарный характер, используется историко-семиотический подход, изложенный основателем московско-тартуской школы Ю.М. Лотманом. Краеугольным символом в исследовании является скипетр, имеющий архаическую составляющую, которая может храниться в устной памяти коллектива. Символический смысл и образ инсигнии власти способен перемещаться из одного культурного пласта в другой, изменяясь и подстраиваясь под каждую семиосферу. Изучение контекстов позволяет определить представления о скипетре, как символе власти в Древней Греции. В связи с неразрешенностью гомеровского вопроса хронологические рамки исследования включают XV-VIII вв. до н.э. Совокупность проблем, связанных с авторством источника, не являются ведущим фактором в данном исследовании, поскольку изучение репрезентации подразумевает, что имманентным автором считается народ, принадлежащий к определенной культуре. Степень изученности данной проблематики невелика. В результате исследования скипетр, как символ власти, находится между множеством ассоциативных предметов – посох, жезл, трость, палка. Царская регалия сопутствует положительному образу правителя и является составной частью его образа. Применение его на собраниях открывает вопрос о количестве скипетров и более детальном изучении обычаев, церемоний и ритуалов проведения советов. Контексты употребления скипетров относятся сугубо к сфере власти.

Ключевые слова: Скипетр, репрезентация, символика власти, контексты употребления, историко-семиотический подход.

Репрезентация является производством смыслов и понятий в наших умах. Существует две системы представления. Первой системой является язык. Вторая заключается в том, что все виды объектов, людей, событий соотносятся с набором ментальных представлений и определений. К этому относится и процесс производства значений, которые создают новые системы образов и знаков, как языковых, так и ментальных. Но у каждого знака или символа есть архаическая составляющая, «которая восходит к дописьменной эпохе, когда определенные знаки представляли свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива. Ю.М. Лотман считает, что функция сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранились за символами [6, с. 213]. «Являясь важным механизмом культуры», символы переносятся из одного культурного пласта в другие, изменяясь и подстраиваясь в новую семиосферу.

Рассматривая эпосы Гомера, как единственные источники по изучению символика власти ранней Греции, нельзя пройти мимо гомеровского вопроса. Исследованные мною аспекты скипетра, такие как определение использования и употребление в контексте, связаны косвенно с данной проблемой. В статье мы остановимся на одном только слове «скипетр» и попытаемся определить в каком контексте оно употребляется для выявления представлений о скипетре, как символе власти.

Представления о скипетре древних греков необходимо заключить в хронологические рамки. Этапы развития греческой цивилизации сильно разнятся между собой в плане культуры и мировоззрения, а период, который описывается в поэмах, сильно отличается от последующих эпох, ведь Гомер описывает царскую власть, что является особенным явлением для греческого

мира. События Троянской войны датируют XV–XIII вв. до н.э., а оформление эпоса только в VIII в. до н.э., в так называемые, темные века. Для себя условно мы отметим, что хронологические рамки будут включать XV–VIII вв. до н.э. Отсюда возникает вопрос об авторстве. В историографии сформировались два течения—унитаристы, выступающие за целостность поэм и единство автора (Г. В. Нич, К. О. Мюллер, Б. Низе), и аналитики, выступающие за не единое авторство и раздробленность произведений (К. Лахман, А. Кирхгоф). В нашей научной области данный вопрос не стоит колом, поскольку мы изучаем именно представления о скипетре, поэтому «имманентным автором» является греческий народ [5, с. 62]. Мир образов поэмы отражает многослойную действительность, в котором сохранился, как говорил Лотман, «устойчивый символ» идущий через эпохи и подстраивающийся под них [6, с. 213].

Исходя из найденного материала, степень изученности данного вопроса невелика. Во многом это связано с противоречивостью и скудностью материала, представленного в поэмах. Среди исследованных нами работ не встретилось ни одной монографии и диссертации, относящиеся конкретно к нашей теме. В основном, изучение скипетра представляется в рамках статей, например, как в трудах Фредерика М. Комбеллака «Ораторы и скипетры в Гомере» [8, с. 209–217], написанная в 1948 году, Даниэля Унру «Скептоухой: Новый взгляд на гомеровский скипетр» [12, с. 279–294] в 2011 году и статья Ласло В. «Скипетр; Тематическое исследование гомеровских представлений социального содержания» [9]. В них освещаются главные функции и значения скипетра. Даниэль Унру также подчеркивает, что в историографии существуют разногласия по вопросу использования царской регалии. Скипетр выступает, как составная часть исследования в работе Чарльза Д. Стейна «Жизнь и смерть скипетра Агамемнона: Образы Ахиллеса» [10, с. 447–463], которая написана в 2016 году. В статье сравнивается, как Ахиллес использует образы дерева и скипетра. Четко прослеживается гипотеза, созданная автором на основании анализа текста. Согласно теории, Ахиллес делает переход при описании скипетра от золота к дереву. Этот поворот символизирует падение царской власти. Гомер, наоборот, описывает скипетр, как предмет божественного происхождения. Тем самым достигается дискуссия между автором и его героем произведения. Стейн аргументирует, что деревья выступают в сравнение с людьми, а война сопоставляется с вырубкой деревьев. Здесь скипетр изучается больше не как символ власти, а как один из аспектов применения дерева и его символизации в произведении. Основная работа, в которую входит исследование, кандидатская диссертация на тему: «После поколения листьев: образы деревьев и человека, жизнь в Гомере» [11, с. 447–463]. Что касается отечественной историографии, упоминания скипетра, как символа власти часто встречается только в смежных с моей темой или в рамках попытки решения гомеровского вопроса. Так, в статье В. И. Шубина «Копье как символ в поэмах Гомера» [7] автор считает, что подлинное значение скипетра, как символа власти микенских анактов, было ко времени Гомера утрачено. Поэтому, вкрапляя скипетр среди других микенских реминисценций в общую картину, автор так неловко им распоряжается. Поэтому в дальнейшем скипетр исчезает, зато проявляется копьё—знакомый привычный символ власти басилеев гомеровского общества конца «Темных веков»—начала архаики. Такая же идея транслируется в монографии у Ю.В. Андреева «Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э.» [1, с. 294–330].

Версия Ю.В. Андреева вероятна, но полностью согласиться с ней представляется невозможным. Происхождение скипетра по поэмам определить нельзя. Во-первых, царская регалия не является центральной частью повествования. Скорее всего, она используется Гомером для повышения статуса Агамемнона, так как эпизодам с царем всегда сопутствует скипетр. Во-вторых, копьё, которое часто упоминается во второй части Илиады, появляется в связи с кульминационными событиями, с разгаром Троянской войны. Агамемнон, как верховный царь Греции, участвует в битвах вместе с подчиненными, о чем свидетельствует глава «Подвиги Агамемнона». Поэтому сопутствующим для верховного басилея становится копьё. В XI песне «копьё»-*δóρυ* упоминается в греческом варианте 21 раз.

Слово *σκῆπτρον* означает «палка», «посох», «жезл», «скипетр» царей, жрецов, глашатаев, судей [4, с. 450]. Переводы на русский язык данного слова, вероятно связаны, с многочисленными трудами лингвистов по переводу античных текстов, где данный предмет изучения мог репрезентироваться, как магический жезл, пастуший посох, палка для опоры и другие схожие виды. В исследовании важен контекст употребления слов. Он бывает разный. Со словом *σκῆπτρον* часто сопутствует положительный образ царя. Почти всегда скипетр является здесь способом разрешить конфликт между царями Эллады. Взяв его в руки, царям правомочно сказать слово на собрании, отправить вестника с царскими просьбами или дать какое-либо обещание, которое нельзя нарушать.

Так, Ахиллес дает клятву на собрании, что не вступит в войну с Агамемноном против Трои [2, с. 21]. Скипетр в руках героя во время собрания говорит о правилах проведения советов. Во многих отрывках «Илиады» встречается данный феномен, что наводит на мысль постоянного применения регалии в процессе военных собраний. Также можно утверждать, что скипетр не является неприкосновенным предметом верховного царя Агамемнона. Он постоянно передается из рук в руки. Примечательно, что во всех исследуемых контекстах царская регалия не находилась у простых воинов. Возможно, имело место существованию нескольких скипетров, которые носят определенные функции. Однако, подтвердить такую гипотезу, исследуя только эпос Гомера, невозможно. Как бы то ни было, скипетр чаще всего находится в руках верховного царя. Во II песни описывается начало военного собрания. Агамемнон со скипетром встает, чтобы унять говор и обсудить насущные вопросы [2, с. 33]. Стоит отметить 109 строфу, где описывается поза царя во время обращения к подданным. Он опирается (*ἔρείδω*) [4, с. 205] на скипетр, а значит, он был длинным.

Жезл применялся и в посольских целях. В III песни имеется беспрецедентный случай, когда послы прибывают в земли противника и имеют возможность посетить их собрания. Сидя в башне, Приам подзывает Елену и расспрашивает об ахейцах-героях, которые воюют за неё. Из диалога выясняется, что когда-то приглашенные Одиссей и Менелай принимали участие на собраниях троянцев. В данном случае примечательна поза Одиссея, выступающего на совете со скипетром: «Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи; Скипетра в деснице своей ни назад ни вперед он не двигал, но незыбно держал, человеку простому подобный» [2, с. 56]. Возможно, такая скованная поза обоснована пребыванием героя в чужих землях, принадлежащих врагу, ведь известны случаи, когда Одиссей, находясь среди ахейцев, выхватывал скипетр и совершал громкие заявления.

Обычаи и представления стороны Трои ничем не отличаются от греков, воюющих на стороне Агамемнона. Гомер создает общее символическое простран-

ство. Троянцы так же, как и ахейцы верят в одних богов и используют такую же символику власти. В 10 песни встречается жест Гектора в руках с регалией. Приамид созывает ночное собрание перед битвой. Главной темой совета становится разведывательная операция. Нужно выяснить, размышляют ли о бегстве войска Агамемнона. За проведение разведки Гектор обещает богатое вознаграждение и клянется на жезле: «Гектор поднял свой скипетр и клялся Долону». Клятва в гомеровский период является подобием заключенного договора, который нельзя нарушать. Так, все цари принесли клятву Агамемнону, что будут сражаться общими усилиями с троянцами. Похожим образом Атрид клянется, что бой не начнется, пока все тела мертвых не будут сожжены. В этом случае Агамемнон поднимает свой скипетр и произносит обет [2, с. 121]. Так же поступает Гектор, когда клянется на скипетре, что отдаст награду в обмен на разведку. Примечателен феномен с поднятием жезла и произнесением клятвы, который, наверняка, является ритуалом, поскольку воспроизводится несколько раз [2, с. 163].

Интересен образ царя на щите, который сделал Гефест. Здесь можно сказать, что на оружие изображена архаическая сцена сбора урожая, где владыка народов следит за процессом со скипетром в руках, поскольку это нетипичный случай для более позднего времени. Описание сцены на щите—это отражение представлений Гефеста о человеческой жизни на земле. И эта жизнь в больших чертах похожа на общинную. Вероятно, Гомер в данном эпизоде репрезентирует свое представление о прошлом. Однако, опираясь на источник, установить, о каком стечении времени идет речь представляется невозможным. Тем не менее образ царя со скипетром является здесь более значительным элементом, который говорит о древности использования царской регалии [2, с. 559].

Скипетр, как символ власти встречается не только у царей, но и духовных лиц. Однако, у Гомера положение жрецов в функционирующем обществе никак не объясняется. В Илиаде, есть эпизод, где присутствует представитель духовного «сословия»- жрец, Хрис. Здесь он представлен с золотым скипетром, на котором располагается красный венец, судя по всему символ Аполлона, которому поклоняется. Он просит Агамемнона отпустить его дочь [2, с. 16]. Примечательно, что скипетр жреца описывается подробнее, чем скипетр царя. В первом же упоминание о нем у волхва, дополняется, что он «золотой»- χρυσέω ἀνὰ σκῆπτρῳ. Интересным кажется фраза Агамемнона: «Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться! Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона» [2, с. 16]. Зная о роли богов в судьбах греческого народа, божья повязка не вызывает вопросов. Однако, вместе с тем, сила жезла и его назначение, роль жрецов в гомеровском обществе, наличие специальной символики скипетра данной категории населения — на эти вопросы гомеровский эпос не дает ответа.

Это все, что касается упоминаний σκῆπτρον в Илиаде. Помимо неё мы рассмотрели и Одиссею. Во второй поэме Гомера упоминание скипетра незначительно. В поэме вышеуказанное слово встречалось 5 раз. Причем, оно ни разу не сопутствовало главному герою произведения-царю Одиссею. Скипетр встречается в контексте с другими царями, в описании эпизодов собрания советов, а также со жрецами и нимфами.

Собрания в Одиссее проводятся в мирное время. На них участвуют благородные и влиятельные ахейцы. Как и в Илиаде, на них присутствуют старцы и вестники, передающие скипетр говорящим. Совет созывали для решения важных проблем, к примеру, вопросы войны и народной пользы. Так, Афина подсказывает Телемаху, созвать собрание, чтобы объявить о досаждающих женихах. Как и положено на совете, вестник дает скипетр, чтобы

Телемах мог сказать речь [3, с. 26]. Описание собраний с передачей регалии встречается очень часто, и Одиссея не стала исключением.

Далее по наказу Афины Телемах собрал корабли и отплыл в поисках отца—Одиссея в Нелеев град, Пилос. Гомер рассказывает о городе, и кто в нем царствовал. Здесь примечательно описание образа царя Нестора. До представленных строк упоминалось, что он сидит на обтесанных камнях со скипетром в руках: «Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких камнях, у двери высокой служившим сидалищем, белых, ярко сиявших, как будто помазанных маслом, ни них же прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный» [3, с. 44]. В этой сцене представлено семейный совет во главе с Нестором. Судя по всему, оно проходит по сходным обычаям, как городское или военное. В руках главы рода точно так же, как у царя, находится скипетр. Таким образом, роль жезла определяется исключительно властными полномочиями вне зависимости от размеров социальной ячейки.

Исключением, как в Илиаде является и эпизод, когда Одиссеей спускается в Аид, чтобы узнать свою судьбу у прорицателя Тиресия: «Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ; был он с жезлом золотым, и меня он узнал» [3, с. 137]. Как и Хрис, он был жрецом и имел золотой скипетр. К сожалению, вышеописанные упоминания не проясняют роль регалии.

Подводя итоги, следует сказать, что выявление архетипа скипетра представляет трудности. Во много это связано с неединичным существованием определения слова скипетр и большим хронологическим периодом. Вследствие чего, вокруг символа власти находится множество ассоциативных предметов—жезл, палка, трость, пастуший посох. Эпосы Гомера не представляют возможности решить данный вопрос. В работе мы рассмотрели часто употребляемое в поэме греческое слово «σκῆπτρον», проанализировали схожие черты употребления в контексте, попытались разобраться в причинах упоминания и составить общее представление. В Илиаде «скипетр» встречался чаще, чем в Одиссее. В первом произведении он сопутствует верховному царю и военным собраниям, в чем прослеживается четкая вертикаль власти. В приключениях Одиссея представление об исключительном использовании скипетра ставится под сомнение. Его широкое применение приводит к неоднозначным выводам. Так, скипетр находится в руках у Нестора во время семейного совета, у жреца Тиресия, у богов. Но в обоих произведениях есть сходные контексты употребления. Касаясь вопроса царской власти, удалось определить, что выбранному варианту слова сопутствует положительный образ царя, как владыки или пастыря народов. Скипетр является составной частью образа правителей, например, Агамемнон встает с места в руках с царской регалией, чтобы унять народ. Это поведение кажется более приемлемым для правителя, нежели, когда он делает это без скипетра. Также только в руках с ним можно говорить или давать общезначимые клятвы на советах или собраниях. Остается открытым вопрос о численности скипетра. Трудно определить какой скипетр дается в руки на собрании—царский или специально для этого предназначенный. Та же проблема и с послами, которые передают указы своих повелителей только в руках со скипетром. Обобщая представления, можно сказать, что слово σκῆπτρον употребляется только в контекстах власти.

Литература

1. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально – экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н. э. СПб.: Нестор – история, 2004. 496 с.
2. Гомер. Илиада; Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М.: Правда, 1984. 429 с.

3. Гомер. Одиссея; Пер. С древнегреч. В. Жуковского. М.: Правда, 1984. 320 с.
4. Краузе В. М. Гомеровский словарь (къ Илиады и Одиссея). СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1880. 527 с.
5. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая Гвардия, 2006. 395 с.
6. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
7. Шубин, В. И. Копье как символ в поэмах Гомера [Электронный ресурс] // Центр антиковедения СПбГУ:[сайт]. [2001]. URL:<http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/shubin.htm> (дата обращения: 13.02.2021).
8. Combella F. M. Speakers and Scepters in Homer. The Classical Journal. 1948. Vol.43, no. 4. pp. 209-217.
9. Laszlo, V. The scepter; a case – study in Homeric Representation of social context // Academia.edu: [site]. available at: https://www.academia.edu/22180683/the_scepter_a_case_study_in_homeric_representation_of_social_context (accessed: 28.06.2020).
10. Stein C. D. The Life and Death of Agamemnon's Scepter: The Imagery of Achilles. The Classical World, 2016. no. 4. pp. 447-463.
11. Stein C. D. Beyond the Generation of Leaves: The Imagery of Trees and Human Life in Homer] // eScholarship: [site]. [2013]. available at: <https://escholarship.org/uc/item/14b784d7> (accessed: 13.02.2021).
12. Unruh D. Skeptouchoi: A New Look at the Homeric Scepter. The Classical World, 2011. no 3. pp. 279-294.

THE CONTEXTS OF USE OF THE WORD «SCEPTER» IN THE POEM OF HOMER

M.P. Ilina, E.V. Rung

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the contexts of the use of the word «scepter» and its representation in the epic of Homer. The work is interdisciplinary in nature, using the historical-semiotic approach, set forth by the founder of the Moscow-Tartu school Yu. M. Lotman. The cornerstone of the study is the scepter, which has an archaic component that can be stored in the oral memory of the collective. The symbolic meaning and image of the insignia of power is able to move from one cultural layer to another, changing and adjusting to each semisphere. The study of contexts allows us to determine the concept of the scepter as a symbol of power in ancient Greece. Due to the unresolved Homeric question, the chronological framework of the study includes the XV-VIII centuries. BC. The totality of problems associated with the authorship of the source is not a leading factor in this study, since the study of representation implies that the immanent author is a people belonging to a particular culture. The degree of knowledge of this issue is not high. As a result of the study, the scepter, as a symbol of power, is located between many associative objects - a staff, a wand, a cane, a stick. The royal regalia accompanies the positive image of the ruler and is an integral part of his image. Its application in meetings opens up the question of the number of scepters and a more detailed study of the customs, ceremonies and rituals of giving councils. The contexts of use of σκῆπτρον relate exclusively to the sphere of power.

Keywords: Scepter, representation, symbolism of power, contexts of use, historical and semiotic approach.

Авторы публикации

Ильина Мария Павловна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. i.masha85@mail.ru

Рунг Эдуард Валерьевич, д-р ист. наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. eduard_rung@mail.ru

Authors of the publication

Maria P. Ilina, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. i.masha85@mail.ru

Eduard V. Rung, Doctor of historical sciences, professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. eduard_rung@mail.ru

БОГ ГЕРОН И ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

С.А. Качан

sergey-md@list.ru

Независимый исследователь
г. Кишинев, Республика Молдова

Аннотация. В данной статье рассматривается сопоставление образов императора и бога Герона. Герон в Римском Египте, выступая в образе восседающего на коне всадника, отождествлялся с Хором – победоносным богом, поражающим врагов. Фракийское божество контаминировалось с Осирисом – умирающим и воскресающим богом, что позволяло Герону быть божеством, способствующим перерождению и утверждению справедливого порядка вещей. Идея перерождения тесно переплеталась с образом венка, который был связан с «венком оправдания» Хора в гробницах и храмах греко-римского времени – символа, дающего победу над врагами, восстановление справедливости, перерождению к новой жизни. Данная идея сочеталась с образом птицы Феникс, несущей Золотой век и *Rex Romana*. Победоносный образ Герона и его связь с идеей перерождения соответствовала образу римского правителя, который нес в Египет *Rex Romana* и Золотой век, а также утверждал Маат. Изображение бога Герона, которому придавались иконографические черты императора, складывало ощущение у эллинизированного египетского населения о незримом присутствии римского правителя.

Ключевые слова: римский императорский культ, бог Герон, Хор, Осирис, птица Феникс, венок, *Rex Romana*.

С вторжением в Египет греко-македонских, а потом и римских войск, в долину реки Нил стали проникать религиозные представления Греции и Рима, которые входили в синтез с египетскими верованиями. Так, во времена правления Птолемеев в Египет проник культ бога Герона [17, с. 421] – фракийского божества-всадника, почитание которого было перенесено в долину реки Нил фракийскими наемниками, и поклонялись ему солдаты-клерухи, расквартированные в Фаюме [6, с. 349–350; 16, с. 440–441]. Герон появился в Египте в качестве бога-защитника как эллинизированная версия фракийского бога (во Фракии он был связан с охотниками и крестьянами), и на эту эллинизацию оказало сильное влияние военное окружение, в котором Герон был очень популярен [16, с. 447]. Культ этого божества сохранился и в римское время [16, с. 446], на образ которого оказали воздействия черты египетских богов. В данном исследовании будут рассмотрены следующие проблемы: какие божества египетского пантеона отождествлялись с Героном, какие черты этого бога позволяли сопоставлять его образ с образом римского правителя, как образ Герона, испытавший египетское и греко-римское влияние и связанный с императором, способствовал продвижению *Rex Romana* в Египте.

Бог Герон в греко-римское время в Египте изображался в образе всадника, что давало основание отождествлять его с Хором [1], который выступал в качестве божества, восседающего на коне (PDM XIV. 1219–1220). В образе всадника Герон был изображен на двери храма Пнефероса и Петесухоса в Филадельфии с солнечным диском вокруг головы, выступая как “защитник двери” (*propylaios*). Данная иконография находит параллель в изображении бога Хора в римской броне, на голове у которого расположен венок и корона царя Верхнего и Нижнего Египта, а сзади представлены солнечные лучи (Каирский музей, инв. № JE 66143) [15, с. 408. Fig. 24.3]. Изображение солнечного диска восходит к образу “венка оправдания” Хора (*mꜥḥ n mꜥꜥ-ḥrw*), которыми одаривались покойные (WB II. 31.5), изображенные с солнечным диском, в гробницах греко-римского времени.

Так, в гробнице 1447 из Дейр-эль-Медины (конец II–начало III вв.) на плащнице изображен покойный мальчик, вокруг головы которого представлен нимб, имитирующий солнечный свет. Рядом с изображением мальчика расположена фигура Осириса [13, с. 223. Fig. 110]. Покойные могли носить венки, иконографически схожий с тем, который представлен на голове бога Хора. На погребальном покрывале из Фив (II век) покойный молодой человек изображен именно с таким венком на голове, а его образ уподоблен образу Осириса [13, с. 198. Fig. 95]. Необходимо отметить, что умершие отождествлялись в греко-римское время с Осирисом или Хатхор (их именовали Осирис-NN, Хатхор-NN) [13, с. 42–45]. Хор-Аполлон в Египте, согласно античной литературной традиции, был обладателем венка, который «люди поместили над головой этого бога раньше всех прочих», а образ этого божества тесно переплетался с Осирисом, чей образ был связан с всегда зеленым плющом (Diod I. 17.4–5) – символом молодости и перерождения. В мистериях Исида венок так же является символом перерождения к новой жизни. Согласно «Метаморфозам» Апулея, Луций для того, чтобы возродить в себе человеческий облик, получил дар от Икиды в виде венка (Apol. Met. XI.13). Неофит Луций в момент посвящения в таинства Икиды предстал в венке, который имитировал солнечные лучи (Apol. Met. XI. 24). Во время инициации жрец вручил в руки Луция «судьбу и спасение» (*fata salutemque*) (Apol. Met. XI. 12), а испытуемый проходил ритуальную смерть: в ней вспоминался миф об Икиде и Осирисе, как Осирис был убит Сетом, его тело было расчленено, а потом восстановлено Икидой, после чего Осирис стал владкой Загробного царства [14, с. 270]. Итак, образ венка соединял в себе идею перерождения к новой жизни и солярные черты, что соответствовало египетским религиозным представлениям, согласно которым солнце каждое утро рождалось из цветка лотоса, перерождаясь к новой жизни (Plut. De Iside et Osiride. 11).

Необходимо добавить, что образ венка присутствует в храмах Египта эллинистического времени, где правитель передает его египетским богам. В храме Дендеры присутствуют две сцены ритуала передачи венка, которые датируются временем правления Птолемея XIII Нового Диониса [12, с. 81]. В одной из сцен царь приподносит Хору, сыну Икиды, сыну Осириса, золотой венок, из которого выходит два урея в короне Верхнего и Нижнего Египта. Сцена сопровождается надписью: *m3h r-h3.t=k Is.t tp=k itf=k Imn m s3=k psd.t dmd.t hr=s m3c-hrw pd.t dmd=sn r=k jtf=f Wn-nfr m3c-hrw hr rdj n=k t3.wy ntr.w hr m33 m dp=k* – «(Золотой) венок перед тобой, Исида с тобой, отец твой Амон в качестве защиты твоей, Эннеада (богов) объединяется, правогласна Девятка богов, объединяется она для тебя. Отец твой Ун-нефер, правогласный, дает тебе Обе Земли (Египет), боги видят (тебя) в барке твоей» [9, pl. 17, g]. В другой сцене царь преподносит золотой венок Хатхор Дендерской. Это изображение сопровождается надписью: *m3h r-h3.t=k Is.t tp sk3 b3.w r ntr.w nb.w sbty.w m nsw.t tw.t=f kdm m kd=f nbj n b3 nb hj m c.wy=f* – «(Золотой) венок перед тобой, Исида возносит силу твою ко всем богам, стены в царских изображениях его, золото в изваяниях его, создается вся сила его, небеса в обеих руках его» [9, pl. 17, h]. Ритуал передачи золотого венка египетским богам был тесно связан с идеями победы над врагами, восстановления сил царя, его победоносного образа, защиты правителя и его восшествия на престол [4, с. 230–233]. Данный ритуал не засвидетельствован в храмах римского времени, но его отголоски фиксируются в античной литературной

традиции. Согласно сообщению Светония, император Веспасиан, находясь в Египте, получил преподношения от волноотпущенника Базилида, который «по обычаю подносит лепешки, ветки и венки (*verbenas coronasque et panificia*)» (Suet. *Vesp.* 7. 1). По мнению Ф. Дершена, преподношение лепешек (хлебов), веток (букетов цветов) и венков означало, что Веспасиан был коронован по египетскому ритуалу [3, с. 264], а сами эти дары находили свою параллель в процедуре коронации царя: венки – корона Верхнего и Нижнего Египта, хлеба – преподношение знака жизни - Анх и ветки – букеты [3, с. 276]. Ш. Пфайффер указывает на то, что эти дары были предназначены для бога Сараписа, в александрийском храме которого это событие происходило, а император, функционально находясь на месте этого бога, и получил эти преподношения [11, S. 118]. Таким образом, данное сообщение скорее не несет в себе какие-либо следы коронации римского правителя в Египте, а, скорее всего, инсценировку коронационного действия с целью заручиться поддержкой жителей Александрии.

Итак, образ бога Герона, который изображался с солнечным диском, соответствовал представлению о перерождении к новой жизни. Эта идея была тесно связана с отождествлением Герона с богом Хором – небесным прототипом земного правителя, и с Осирисом – царем Загробного царства. Образ солнечного диска коррелировался с венком – символом перерождения, восстановления сил природы и справедливого порядка вещей, который устанавливает земной правитель. Венок был символом, который переплетался с идеями коронации, восстановления сил правителя, его победоносного образа, благодаря чему царь может утверждать Маат. Это представление сохранилось в римское время и позволило придать образу Герона, который являлся обладателем солнечного диска, сопоставленного с образом венка, черты римского победоносного императора. Герон изображен на деревянном пано из Фаюма (Королевский музей искусств и истории, Брюссель, инв. № E 7409) с иконографическими чертами римского правителя: он носит тунику и пурпурный военный плащ, который застегнут пряжкой у него на груди, на голове лавровый венок с нимбом. Рядом с ним бог с двойным топором, у которого в руках змея [16, с. 448. Fig. 26.1] – традиционный египетский символ защиты. Придание Герону иконографических черт императора говорит о единении образов правителя и божества, с которым связаны идеи защиты, победы над врагами и установления справедливого порядка вещей. Данные представления характерны для образа римского правителя, что зафиксировано в его Хоровом имени: $\text{ḥ} \text{ḥ} \text{R-R}^{\text{c}} \text{ḥ} \text{w} \text{ḥ} \text{s.wt} \text{wr} \text{ḥ} \text{.ty} \text{ḥ} \text{t} \text{V} \text{ḥ} \text{k.t}$ – «Да живет Хор-Ра, мощный дланью, побеждающий иностранные земли, великий мощью, защищающий Египет» [7, S. 414. H3]. «Установил он закон (smn.n=f hr.w) по всей земле, подобно Тоту, который устанавливает Маат ($\text{ḥr jt.(t) m}^{\text{c}} \text{.t}$); ему дано царство Ра, он тот, который благодетельствовал Обе Земли (Египет), он тот, чья сила огромна, в его весьма большой резиденции, которая возлюблена им, в Ич-тауи» [7, S. 413. H1]. Единение образа императора с Героном, который был обладателем венка – символа обновления, способствовало перерождению самого римского правителя.

Герон как божество, способствующее перерождению, отождествлялось с птицей Феникс. Так, согласно греческому папирусу (PGM V. 249–255), Герон отождествлялся с Тотом-Гермесом, Хором, птицей Феникс, сопоставленные с Гелиосом: $\text{Λόγος λευόμενος πρὸς Ἦλιον... ἐγὼ εἶμι Ἦρων}$

ἔνδοξος, ὠὸν ἴβεως, ὠὸν ἱέρακος, ὠὸν Φοίνικος ἀεροφοιτήτου – «Слова, сказанные Гелиосу...“я – знаменитый Герон, яйцо ибиса, яйцо сокола, яйцо летающего в воздухе Феникса”...». Взаимосвязь Герона с образами Феникса и яйца, которые переплетаются с идеями смерти и возрождения (Herod. II. 73; Ovid. Met. XV. 395–404), позволяли видеть в нем образ умирающего и воскресающего бога, отождествленного с Осирисом. Необходимо отметить, что образ Феникса изображался на италийских монетах эпохи Адриана (и ранее) и имел цель способствовать перерождению после смерти предыдущего императора Траяна, а также установлению Золотого века, который утверждается с восшествием на престол нового императора. Данная идея подтверждается римскими монетами 121 г. с изображением Адриана (avers) и птицы Феникс (revers) (легенда – Saeculum aureum). В этот же год Адриан провел серию праздников, среди которых был *Natalis Romae* (День рождения Рима) с целью *Renovatio temporum* [2, с. 271–273]. Образ Феникса тесно был связан с птицей Бену (*Bnw*) фараоновского периода, в рамках которого эта священная птица символизировала утверждение мироздания, ее образ переплетался с Осирисом и Ра, она была связана с праздником Сед, в ходе которого возобновлялись силы правителя [2, с. 271].

Итак, образ Герона отождествлялся с птицей Феникс, которая тесно была связана с идеями смерти и перерождения. Она в сочитании с образом императора несла Золотой век, и ее образ способствовал перерождению римского правителя.

Герон отождествлялся с богом-сфинксом Туту, который в фараоновское время выступал в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта (*nsw-bity*). Тесная взаимосвязь этих божеств в римское время подтверждается различными изображениями Герона с богом Туту. В Каранисе на стене одного из домов Герон представлен в образе всадника [10, с. 212. Pl. 10], характеризующем его как победоносного бога, а также представлено изображение этого бога с лучистым солнечным диском [10, pl. 9], что говорит о Героне как божестве, способствующем перерождению и установлению справедливого порядка вещей. Здесь также были найдены настенные изображения с образами Исиды-коровы, Харпократа и сфинкса Туту в качестве бога-защитника [13, с. 33. Fig. 7]. Сопоставление Харпократа (Хора-ребенка) с богом-сфинксом объясняется тем, что Туту выступал в качестве божественного дитя богини Нейт в храме Эсне, где он представлен стоящим над знаком *sm3-ḫ.wy* («Объединение Обеих Земель») [8, с. 76]. Этот образ сочетался с представлением о Харпократе – солярного божества, выходящего из цветка лотоса (PGM IV. 1110). В долине реки Нил найдено около 17 изображений бога Туту в римской броне, что характеризует этого бога как победоносного божества, сопоставляемого в схожей функции и иконографии с Хором, Анубисом и Бесом [8, с. 55–56]. Представление об отождествлении Герона и Туту позволяло сопоставить императора и фракийского бога в Египте.

Необходимо отметить, что в Каранисе, согласно греческому папирусу (P.Mich XXI. 827), со времен императора Адриана существовало частная религиозная ассоциация (*synodos*), которая почитала римского правителя и местных богов. Таким образом, можно предположить, что император почитался в качестве *theos synnaos* наряду с Героном, отождествляемым с Хором, и другими божествами.

Иконография Герона с солнечным диском вокруг головы находит параллель в изображении богов в римской броне из Дура-Эвропас. В храме

Артемиды был изображен образ соляного бога Ярнубола в римской униформе, вокруг головы которого представлен солнечный диск. Его изображение, как и образ Герона в Римском Египте, находит параллель в иконографии Нерона, представленного в образе солнечного бога Аполлона.

Итак, Герон отождествлялся с Хором, выступая как победоносный бог, с Осирисом, проявляя себя как божество, способствующее перерождению. Эти идеи тесно переплетались с образом птицы Феникс, которая способствовала утверждению Золотого века. Сочетание образов умирающего и воскресающего божества в Героне и птицы Феникс давали возможность переродиться римскому правителю. Изображение Герона в Римском Египте тесно было связано с образом императора, с идеями возрождения к новой жизни, которая переплеталась с функцией римского правителя нести *Rex Romana*. Рассматривая изображение Герона, отождествленного с египетскими богами, эллинизированные жители Египта узнавали образ императора на уровне намека, что способствовало легитимизации власти римского правителя в долине реки Нил. Необходимо отметить, что местная элита находилась в постоянном взаимодействии с римской администрацией в формировании культа правителя [5], который нес в Египет *Rex Romana*, а образ Герона, связанный с идеей возрождения, способствовал продвижению представлений о Золотом веке, приносимый императором.

Литература

1. Bingen J. Le dieu Hérôn et les Hérôn du Fayoum // *Hommages à Jean Leclant*. Vol. III. Cairo: Institut francais d'archéologie orientale du Caire, 1994. Pp. 41–50.
2. Capriotti Vittozzi G. Emperor Hadrian and Egypt. Remarks on the mythical and religious perspectives // *Arys*. 2018. Vol. 16. Pp. 267–288.
3. Derchain Ph. La visite de Vespasien au Serapeium d'Alexandrie // *Chronique d'Egypte*. 1953. Vol. 28. Pp. 261–279.
4. Derchain, P.: La couronne de la justification: Essai d'analyse d'un rite ptolémaïque // *Chronique d'Egypte*. 1955. Vol. 30. P. 225–287.
5. Dörner N. Feste und Opfer für den Gott Caesar. Kommunikationsprozesse im Rahmen des Kaiserkultes im römischen Ägypten der julisch-claudischen Zeit (30 v. Chr.–68 n. Chr.). Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2014. 551 S.
6. Fischer-Bovet C. *Army and Society in Ptolemaic Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 447 p.
7. Herklotz F. *Prinzeps und Pharaos: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt am Main: Verlag Antike, 2007. 506 S.
8. Kaper O.E. The Egyptian God Tutu: A Study of the Sphinx-god and Master of Demons with a Corpus of Monuments. *Orientalia Lovaniensia Analecta*. 119. Leuven, Paris, Dudley: Peeters, 2003. 415 p.
9. Mariette A. Dendérah: Description général du grand temple de cette ville. Vol. III. Paris: Librairie A. Frank, 1871. 83 pl.
10. Omran W. The Cult of Heron in Egypt // *Journal of Faculty of Tourism and Hotels, Fayoum University*. 2015. Vol. 9. 1. Pp. 206–225.
11. Pfeiffer S. *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr.–217 n. Chr.)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 378 S.
12. Porter B., Moss R. L. B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings VI. Upper Egypt: Chief Temples (including Thebes), Abydos, Dendera, Esna, Edfu, Kom Ombo, and Philae*. Oxford: Griffith Institute, Ashmolean Museum Oxford, 1991. 264 p.
13. Riggs C. *The Beautiful Burial in Roman Egypt: Art, Identity and Funerary Religion*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 334 p.
14. Suk T, Fong J. Salvation (Soteria) and Ancient Mystery Cults // *Archiv für Religionsgeschichte*. 2017. Vol. 18–19. 1. Pp. 255–281.

15. Tallet G. Oracles // The Oxford Handbook of Roman Egypt / Ed. by C. Riggs. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp.398–418.

16. Tallet G., Zivie-Coche C. Imported Cults // The Oxford Handbook of Roman Egypt / Ed. by C. Riggs. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 436–456.

17. Vandorpe K., Clarysse W. Cults, Creeds, and Clergy in a Multicultural Context // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. by K. Vandorpe. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. Pp. 407–427.

Список сокращений

PGM – Papyri graecae magicae.

PDM – Papyri demoticae magicae.

WB – Wörterbuch der ägyptischen Sprache (Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache Bd. I–V (1926–1931), VI (1950), VII (1971)).

GOD HERON AND THE IMAGE OF THE EMPEROR IN ROMAN EGYPT

S.A. Kachan

Independent researcher
Kishinev, Moldova

Abstract. This article examines the comparison of the images of the emperor and that of the god Heron. Heron in Roman Egypt, acting in the form of a rider on a horse, was identified with Horus – the victorious god who defeats enemies. The Thracian deity was contaminated with Osiris – a dying and resurrecting god, which allowed Heron to be a deity contributing to rebirth and the establishment of a just order of things. The idea of rebirth was closely intertwined with the image of a wreath, which was associated with the "wreath of justification" of the Horus in tombs and temples of the Greco-Roman time – a symbol that gives victory over enemies, restoration of justice, rebirth to a new life. This idea was combined with the image of the Phoenix bird who carries the Golden Age and Pax Romana. The victorious image of Heron and his connection with the idea of rebirth corresponded to the image of the Roman ruler, who carried the Pax Romana and the Golden Age to Egypt, and also established Maat. The image of the god Heron, which was given the iconographic features of the emperor, gave the Hellenized Egyptian population a feeling of the invisible presence of the Roman ruler.

Keywords: Roman imperial cult, god Heron, Horus, Osiris, Phoenix bird, wreath, Pax Romana.

Автор публикации

Качан Сергей Александрович, независимый исследователь, учитель истории, международная школа "Heritage", Кишинев, Республика Молдова. sergey-md@list.ru.

Author of the publication

Sergey A. Kachan, independent researcher, history teacher, International School "Heritage", Chisinau, Republic of Moldova. sergey-md@list.ru

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВТОРОГО ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1611-1612 ГОДОВ КАК СИМВОЛ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА

А.И. Ключева

anna.klyueva.98@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье автор предпринимает попытку установить, какие народы и этнические группы входили в состав Второго земского ополчения 1611-1612 гг. В статье рассмотрен социальный состав Второго ополчения, в который входили не только горожане и крестьяне северных и центральных областей России, но и представители Верхнего и Среднего Поволжья и других народностей. Вместе с русскими в земских полках сражались украинские казаки (черкасы), белорусы, татары, мордва, чувашы, башкиры, коми, удмурты, марийцы. Это привело к тому, что собралось огромное по тем временам войско – более 10 тыс. служилых поместных людей, крестьян, казаков, стрельцов и дворян. Однако автор ставит под сомнение правомерность интерпретации этих событий как периода становления российской многонациональной государственности. В результате в конце исследования делается вывод о том, что такое явление социально-политической и духовной жизни, как единство народа, нельзя представлять себе раз и навсегда достигнутым, а затем застывшим в своём содержании феноменом.

Ключевые слова: Второе земское ополчение, народное единство, многонациональность, этническое самосознание, этнические группы, Смутное время, иноземцы.

На сегодняшний день в отечественной исторической традиции бытует мнение о том, что День народного единства следует трактовать как символ консолидации российского народа перед лицом угрозы иностранного вторжения и захвата столицы нашей Родины. Распространённым тезисом является убеждённость в правомерности интерпретации этих событий как периода становления российской многонациональной государственности [35, с. 136-140] [6, с. 200-202] [36, с. 77-80] [33, с. 3-4]. Однако необходимо осторожно относиться к подобным высказываниям и в первую очередь опираться на письменные свидетельства и источники, повествующие об этом периоде в истории ввиду его дискуссионности.

В XVII в. в России не использовали понятий, близких к современным терминам «этнос», «нация», «национальность» и им подобным. Главным понятием применительно к иностранцам было слово «земля» в основном значении «страна», «государство».

Первоначально русские власти из числа западноевропейцев нанимали почти исключительно итальянцев. В конце XV в. к итальянцам присоединяются немцы. Возможно, что к немцам и итальянцам в начале XVI в. прибавились и шотландцы. Джилль Флетчер, побывавший в России в 1588–1589 гг., отметил наличие «иноземных наемных солдат, как-то: поляков, шведов, голландцев, шотландцев, и проч. <...> голландцев и шотландцев около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд, в числе 100 человек или около того» [34, с. 47; с. 64].

В начале XVII века в российское сословие служилых людей наряду с детьми боярскими, казаками, стрельцами входили «иноземцы» («литва», «немец», «черкасы» и т.д.) [9, с. 244; с. 312]. Они были подчинены Иноземному приказу, в котором на 1621 год числилось 1608 иноземцев «старого и нового выезда» [1]. Появление иноземцев («литвы») на русской службе следует связывать со второй половиной XV в., когда обозначился переход Вели-

кого княжества Литовского на службу к московскому князю, а пограничные конфликты Московского и Литовского княжеств сопровождались присоединением к растущей Великороссии западных земель [10, с. 199]. Особенно возросло число представителей иноземного контингента на русской земле в период Смутного времени, когда «после взятия Кремля полковников и ротмистров польского народа и все воинство за приставы раздаша, а иных воин в окрестные города разослали» [3, с. 62].

Ключевую роль в событиях Смутного времени и освобождения Москвы от польско-литовских интервентов сыграл Нижний Новгород. Несомненным является факт того, что нижегородцы одни не могли освободить Россию от поляков. Гарнизон Нижнего Новгорода и ратные люди его уезда после битв 1608-1609 гг. и недавнего похода к Москве во главе с Репниным едва ли могли составить отряд в 1000 человек [11, с. 58]. Рано присоединившиеся к Нижнему города Балахна и Гороховец могли дать лишь небольшое количество ратных людей в связи с небольшой территорией этих уездов. Понятно, что с такими силами нельзя было достигнуть желаемого результата, поэтому необходимо было приглашать ратных людей со стороны.

В качестве реальной военной силы в состав создаваемого Второго ополчения было решено пригласить дворян и детей боярских из захваченной польской армией Смоленской земли. Смоляне были пожалованы поместьями в Арзамасском уезде руководством Первого ополчения взамен утраченных земельных владений. Обстоятельства и время появления в Нижнем Новгороде отрядов смоленских дворян и детей боярских до конца не выяснены [12, с. 47]. Согласно «Новому летописцу», смоляне отправили челобитчиков, «чтоб их приняли к себе в Нижней» (видимо, на службу за жалованье), после чего кн. Д.М. Пожарский и пригласил их вместе с дворянами Дорогобужа и Вязьмы и «нача давати жалованье, что збираху в Нижнем» [14, с. 117]. По другим источникам, с инициативой призвания смоленских дворян и детей боярских выступили сами нижегородцы. Так, «Карамзинский хронограф» отмечает, что жители Нижнего Новгорода сами «присылали» к смолянам, чтобы те «в Нижней пришли». Этот же источник называет и дату отправления смолян в Нижний Новгород – «о Дмитриев дни», то есть 26 октября [27, с. 353]. Новый отряд будущего ополчения очень подходил по своему настрою. «...Смольняном Поляки и Литвы грубны искони вечные неприятели, что жили с ними поблизку и бои с ними бывали частые» [27, с. 353].

Также на призыв руководителей Второго ополчения ещё в ноябре 1611 года отозвались Казань, Свияжск и Чебоксары. Нижегородцы в декабре 1611 года извещали жителей других городов, что «...из Казани, и из Свиязского, и из Чебоксара и изо всех Понизовских городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими; а передовых людей, из Казани, и голов с стрельцами к нам послали...» [21, с. 350]. Головы, как известно, возглавляли отряды нерусских воинов. В составе передового отряда, вышедшего из Казани, были, следовательно, и нерусские ратники [5, с. 193]. Вопрос о численности этого отряда, как и национальный состав его участников, в настоящее время остается открытым. Из созданных отрядов были сформированы земские ополченские рати для похода на Москву.

К началу 1611 года по всей стране между русскими городскими общинами возникает активная переписка, которая обеспечивала налаживание взаимодействия между отдельными земскими ратями. На призывы нижегородцев отвечают костромичи («с Костромы архимариты, и игумены, и протопо-

пы, и попы, и дьяконы, князи, и дворяне, и дети боярские, и головы стрелецкие, и стрельцы, и гости, и торговые люди, атаманы и казаки, и всякие служивые и жилецкие люди, и посадские и уездные» [18, с. 303], ярославцы («из Ярославля, архимарит, и игумены, и протопоп, и попы, и весь освященный собор, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казаки, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди, и посадские старосты и целовальники, и все посадские и всякие жилецкие люди» [22, с. 304] и жители иных городов.

Как можно видеть, в переписке городов очень подробно и даже тщательно перечисляются различные социальные категории горожан, как адресатов, так и авторов послания. Более того, переписка свидетельствует о том, что составы городских советов были уже не просто сословными, но могли включать в себя даже представителей иных государств, постоянно проживавших в том или ином городе («голова Литовские, и стрелецкие и казаки, и Литва, и Немцы»). Столь подробный перечень участников земского сопротивления, да ещё со ссылкой на авторитет патриарха Гермогена, обеспечивал легитимность этих обращений и серьёзность намерений участников переписки [23, с. 6].

Служилые иноземцы появились в Нижнем уже давно: «немец» присылал сюда царь Иван ещё в 60-х годах, в эпоху царя Фёдора «немчины» и литва довольно часто встречаются в документах, служилых иноземцев постоянно называют нижегородские грамоты Смутного времени, Писцовая книга 1620-1622 гг. говорит уже о «старой немецкой слободе» в Нижнем: «...с Немецкого двора оброку денгами сто девяносто семь рублей дватцать три алтына две денги» [25, с. 284] ; «...в тех же монастырских слободках живут на монастырской земле,... да четырнадцать дворшков Немецких...» [25, с. 352-353]. Более того, было приказано снести с монастырской земли дворы иноземцев, «Литвы и Немец, на той Благовещенской земле, промеж монастырских крестьянских дворов», если же они не снесут свои дворы, то будут платить оброк, «чем кого архимарит изоброчит» [25, с. 353].

По данным «Писцовой книги 1621-1622 гг. по Нижнему Новгороду», среди иноземцев встречаются черкасы, литовцы, татары, немцы и французы [25, с. 16]. В своей книге «Описание путешествия в Московию» немецкий учёный-энциклопедист Адам Олеарий (1599-1671), который исполнял обязанности советника посла и секретаря и побывал в России ещё в 1643 году, указывал, что «в Нижнем живут русские, татары и немцы... Здесь мы нашли самых крайних на востоке лютеран, которые могли служить по своей вере в открытой церкви; в то время их община доходила до 100 человек. Многие из них были военные офицеры, шотланды...» [15, с. 420-421]. Также Олеарий упоминал про поляков, находящихся в Нижнем. В Писцовой книге отдельно про поляков и шотландцев не упоминается, хотя они легко могли попасть в разряд «Немцев» или «иноземцев».

После 1636 года число иноземцев в Нижнем Новгороде, вероятно, убавилось, что следует из переписной книги [12, с. 16], однако в ней записано несколько поляков: «...Афонька Анисимов, у него сосед, иноземец Поляк Юрка Козмин...», «...у него ж в соседстве отпущенник посадцкого человека Стенки Аникеева Ивашко Трофимов, Поляк...», «...посадцкой человек Пашка Осипов сын, Поляк...» [24, с. 369; с. 421; с. 446].

Все иноземцы на русской службе делились на две категории – поместных и кормовых. Если первые должны были обеспечиваться доходами с соб-

ственных земель, то вторые получали денежное жалование, а в зимнее время – ещё и фураж или деньги на него [29, с. 263]. Можно предположить, что Смута, начиная с царя Василия, сильно сократила приток новых иноземцев на службу в Московское государство и, следовательно, приток их в Нижний Новгород.

В начале 1614 года в Нижнем стоял один «приказ» — 500 человек стрельцов, из которых 400 в скором времени должны были отправиться в поход против Заруцкого. В тот же поход на Заруцкого из Нижнего были отправлены 200 человек «иноземцов, литвы и немец» – весь наличный в 1614 году состав этой второй группы служилых людей Нижнего [18, с. 6]. Из книги дозора поместных и вотчинных земель Нижегородского уезда 1613 года следует, что против Заруцкого были посланы и кормовые и поместные иноземцы. Последних по книге дозора можно насчитать 36 человек, значит кормовых в 1614 году в Нижнем было 164 человека [8, с. 17-34; с. 128-189; с. 618-641]. При этом дворов поместных иноземцев в это время в Нижнем было около десятка, следовательно, поместные иноземцы Нижегородского уезда вряд ли могут быть отнесены к постоянному населению Нижнего Новгорода [11, с. 8].

Некоторые грамоты Смутного времени 1608—1611 гг. указывают на присутствие в Нижнем казаков. Это могли быть, с одной стороны, казаки из отряда Шереметева, так как упоминания казаков в грамотах начинаются после того, как в Нижний проник посланный Шереметевым отряд, заключавший в себе казаков. С другой стороны, это могли быть «вольные охочие новоприборные казаки», как их называет нижегородская грамота, т.е. набранные из добровольцев, очевидно, из-за недостатка служилых людей [11, с. 7].

Первое упоминание о казаках относится к декабрю 1608 года: «...в Муром и в Муромский уезд...из Нижнего Новгорода воеводы князь Александр Андреевич Репнин, Андрей Семенович Алябьев, дьяк Василей Семенов, велели...идти под Балахну...дворянам и детям боярским... с казаками, и с вольными с охочими новоприборными казаками, и с посадскими всякими людьми» [19, с. 141-142]. Однако еще в ноябрьской грамоте упоминание о казаках отсутствует [20, с. 136-137]. Отряд, посланный Шереметевым, прибыл в Нижний Новгород 11 декабря 1608 гожа.: «В нынешнем во 117 году Декабря в 1 день (по новому стилю – 11 декабря 1608 года – прим. мое) пришли из Казани в Нижней, от боярина...от Федора Ивановича Шереметева...с стрельцы, и с казаки, и с Литвою, и с Немцы» [17, с. 204]. И при всём том грамота Пожарского из Нижнего на Вологду – в начале 1612 г. – уже не упоминает казаков в своем очень подробном перечне «чинов» [9, с. 348-351]. Из этого можно сделать вывод, что нижегородские казаки Смутного времени были временным элементом служилых людей Нижнего, а потому предполагать их присутствие в нём и до Смуты едва ли возможно [18, с. 7].

Если говорить про участие нижегородских татар в формирующемся К. Мининым и Д. Пожарским народном ополчении на помощь Москве, то стоит заметить, что ретроспекция этих событий представляется достаточно трудной в связи со скудностью базы исторических данных о личном составе и численности создаваемой в Нижнем рати [28, с. 56]. Известно, что уездный воевода С.В. Елагин довольно долго не отзывался на многочисленные (с декабря 1611 года по февраль 1612 года) призывы князя Д. Пожарского направить в нижегородское ополчение «курмышских служилых татар и мурз новокрещенов и тарханов и черемисов» с обещанием высокой оплаты их ратного труда

[4, с. 8, 9, 13, 16, 23, 24]. Направленного в Курмыш представителя Д. Пожарского – Д. Жедринского Елагин задержал в одном из сёл, а в уездном центре его не принял: «...встретили меня в деревне Болобоново, а сказали мне, чтоб нам на Курмыш без земского совету не ехать» [4, с. 24]. Более того, он препятствовал выезду курмышских служилых татар и мурз в Нижний Новгород для пополнения войска К. Минина. Без внимания осталась просьба и нижегородского воеводы А. Алябьева о присылке в Нижний курмышских служилых татар в конце 1611 года [4, с. 11]. Впрочем, курмышские чиновники не вняли и призывам арзамасского воеводы И. Путятина присоединиться к его служилым арзамасцам, идущим во Владимир на помощь И. Заруцкому [4, с. 17-18].

Рассуждая об участии татар Нижегородского края в рядах Второго (Нижегородского) ополчения 1612 года, некоторые исследователи без ссылок на источники утверждают, что в нём активное участие приняли темниковцы, алатырцы, арзамасцы [7, с. 62]. А.М. Орлов полагает, что в его составе были «кроме русских, мурзы, служилые новокрещены, чувашаи и черемисы, вотяки...» [16, с. 66]. Другой краевед – В.Н. Поливанов – имеет похожую точку зрения, на которую и ссылался в дальнейшем А.М. Орлов [26, с. 11]. На эту же мысль В.Н. Поливанова ссылаются в форме цитаты в своих утверждениях Р.Ж. Баязитов и В.П. Макарихин [2, с. 19]. При этом стоит заметить, что В.Н. Поливанов не уточнял, какие именно татары шли к Нижнему Новгороду. Однако известно, что по дороге на Москву к Минину и Пожарскому в Ярославле присоединилась большая группа сибирских татар во главе с царевичем Арасланом [11, с. 114], а также романовские мурзы [11, с. 114, 116]. Не давая ссылок на источники, П.Г. Любомиров указывает, что «были в составе ополчения татары касимовские, темниковские, кадомские, алатырские и шацкие» [11, с. 116].

Таким образом, воссоздание исторических событий 1611-1612 гг. в Арзамасском, Курмышском и Алатырском уездах показывает, что большинство их служилых людей (в том числе и татар) не могло быть в составе войск Минина и Пожарского [28, с. 56]. В Курмыше этому препятствовала уездная администрация, которая удерживала население от похода к Нижнему, поскольку хотела дожидаться в стороне «исхода» Смуты. Однако какая-то немногочисленная часть арзамасских служилых татар всё же была на стороне противников Лжедмитрия. От имени этой немногочисленной группы, а также от алатырских татар, которые тоже участвовали в мининском ополчении, мурза Василий подписал на Земском соборе грамоту об избрании царём Михаила Романова [32, с. 87]. Анализ источников показывает, что в рядах служилых татар Нижегородчины самыми активными оказались арзамасские служилые татары.

Помимо этого, в ряды Второго ополчения хотели вступить и иностранцы. Например, 24 июля 1612 года в Архангельске с пришедшего из Гамбурга корабля сошел на русскую землю «шкотцкие земли немчин» Яков Шав. Он прибыл, чтобы сообщить о том, что в Россию едет большая группа иностранцев с целью наняться на русскую военную службу, и договориться с властями о приеме этого отряда. Расспросив шотландца и взяв у него письменное объяснение цели приезда, двинские воевода и дьяк направили его к руководству Второго ополчения [30, с. 58]. На этом приеме Шав изложил цель своего приезда и вручил Пожарскому письмо от группы командиров иностранного отряда. В нем цель приезда отряда — наем на русскую военную службу — излагается весьма высокопарно: «А мы рады против наших неприятелей, видеши вашу правду, до смерти битца...» [31, с. 54]. «Выслушав переводу с не-

метские грамоты», руководители Второго ополчения стали советоваться, как поступить. Решение было отрицательным: «наемные люди иных государств ныне не надобет» и «договору чинити нечево, коли наемные люди не надобны» [31, с. 55].

В качестве причины отказа было названо две. Первая — отсутствие средств для оплаты иностранных наемников: «найму дать нечего» [31, с. 56]. Однако при всех действительных финансовых трудностях тех месяцев такое объяснение, на наш взгляд, было лишь вежливой отговоркой. А вот вторая причина, видимо, была решающей при принятии решения о судьбе отряда: «да и верить им нельзя: объявился с ними Яков Маржерет, а того Якова многие в Московском государстве знают... И то знатно, что Яков Маржерет хочет быти в Московское государство по умышленью полского Жигимонта короля и панов рад...» [31, с. 56]. В следующем, 1613 году, большая часть наемников покинула Московское государство, но Артор Астон, Яков Шав, Томас Герн и еще целая группа выходцев с Британских островов не успели до окончания навигации приехать в Архангельск и были вынуждены зазимовать в Холмогорах. Там они приняли участие в защите города от «польских и литовских людей и черкас», были награждены за это, а затем, в 1614 г., вновь обратились с просьбой принять их на русскую службу. На этот раз их просьба была удовлетворена [27, с. 60].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что действительно в состав Второго земского ополчения 1611-1612 гг. входили представители многих народов России, а также иноземцы, которые в своих лозунгах, действиях и целях выражали волю и желания большей части россиян, — особенно после того, как силы Второго ополчения соединились с оставшимися под Москвой отрядами Первого ополчения. Однако это «народное единство» было создано из реальных противоречий на протяжении длительного периода — 1610-1618 гг. Вообще такое явление социально-политической и духовной жизни, как единство народа, нельзя представлять себе раз и навсегда достигнутым, а затем застывшим в своём содержании феноменом. «Народное единство» (как уже сказано, неполное и условное) было в сознании людей тех лет однозначно связано с борьбой православных русских против католиков поляков [13, с. 235]. Освободить Москву, Кремль, сохранить самостоятельность Российского государства в тех условиях, под иными лозунгами было невозможно.

Литература

1. «Сметный список 139 г. [Электронный ресурс] // Средневековые источники Востока и Запада: [сайт]. [2001]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Smetnyj_spisok_1631/text.htm (дата обращения: 18.01.2021).
2. Баязитов Р. Ж., Макарихин В. П. Нижегородские татары-мишари в новое время. Н. Новгород. [без изд.], 1996. 296 с.
3. Берх Н. В. Систематические списки боярам, окольных и думным дворянам с 1468 г. до уничтожения сих чинов. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1833. 66 с.
4. Грамоты и отписки 1611-1612 г. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий Археографической комиссии. 1861 год. Вып. 1. СПб.: В Тип. П.А. Кулиша, 1862. С. 8-27.
5. Дмитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI-начало XIX вв.). Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986. 456 с.
6. Жоголь А. А., Шестакова А. П. День народного единства. История и причины становления праздника, Молодой ученый. 2016. № 25. С. 200-202.
7. История Мордовской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979. 475 с.

8. Книга Нижегородского уезда // Действия НГУАК: Сб. статей, сообщений, описей и документов. Нижний Новгород, 1903 – 1905. Т. V. С. 17 – 34 ; Т. VI. С. 128 – 189 ; Т. VII. С. 618 – 641.
9. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии. СПб.: В тип. II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. Т. 1. 718 с.
10. Колева Г. Ю. Иноземный контингент в составе служилых людей Сибири: казаки «литовского списка». Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4. С. 118-127.
11. Любимиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611-1613 гг. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 340 с.
12. Морохин А. В., Кузнецов А. А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. 160 с.
13. Назаров В. Д. Что мы празднуем 4 ноября? (Мининские чтения: Труды научной конференции 20-21 октября 2006 г.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 220-238.
14. Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С. 23-154.
15. Олсариус А. Описание путешествия в Московию // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 289-529.
16. Орлов А. М. Мещера, мещеряки, мишари. Казань: Татарское кн. изд-во, 1992. 112 с.
17. Отписка Вятчан к Пермичам (26 января 1609) // ААЭ. Т. II. 1598-1615. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. № 104. С. 203-206.
18. Отписка Костромичей к Вологжанам (февраль 1611) // ААЭ. Т. II. 1598-1615. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. № 178. С. 303-304.
19. Отписка Нижегородских воевод (11 декабря 1608) // ААЭ. Т. II. 1598-1613. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. №. 113. С. 141-143.
20. Отписка Нижегородского Вознесенского монастыря (конец ноября 1608) // ААЭ. Т. II. 1598-1613. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. №. 107. С. 136-137.
21. Отписка Нижегородцев к Вологжанам (1612) // ААЭ. Т. II. 1598-1615. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. № 201. С. 348-351.
22. Отписка Ярославцев к Вологжанам (февраль 1611) // ААЭ. Т. II. 1598-1615. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. № 179. С. 304-308.
23. Перевезенцев С. В. «Власть» и «земля» в Смутное время. Русская политология. 2018. № 1. С. 4-13.
24. Переписная книга 1678 года по Нижнему Новгороду // Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896. С. 355-464.
25. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896. 464 с.
26. Поливанов В. Н. Курмышская старина. Путевые заметки по археологии и истории Симбирского присурья. Симбирск: Издание Симбирской губернской ученой архивной комиссии, 1899. 20 с.
27. Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. 541 с.
28. Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 416 с.
29. Скобелкин О. В. Западные европейцы на русской военной службе в XVI-20-х гг. XVII в.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2015. 557 с.
30. Скобелкин О. В. Иностранцы наемники и Второе ополчение // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. М.: Издательство ЗАО «2К», 2012. С. 58-62.
31. Смутное время Московского государства. 1604-1613 гг. Вып. 3: Акты времени Междуцарствия. (1610 г. 17 июля - 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. 1915. 264 с.
32. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М.: Изд. Имп. общ. истории и древн. Российских при Моск. ун-те, 1906. 110 с.
33. Федотов А. А. День народного единства как связь времен. На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4. С. 3-4.
34. Флетчер. О государстве русском. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 165 с.
35. Хрунова Ю. А. День народного единства: история и современность. Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № 5. С. 136-140.
36. Чупанова Е. А., Холодырёва О. Н. «Единением спасемся» (история и смысл праздника день народного единства). Юный ученый. 2017. № 2. С. 77-80.

**THE MULTINATIONAL NATURE OF THE SECOND ZEMSTVO MILITIA OF 1611-1612
AS A SYMBOL OF THE CONSOLIDATION
OF THE RUSSIAN PEOPLE**

A.I. Klyueva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. In the article, the author attempts to establish which peoples and ethnic groups were part of the Second Zemstvo Militia of 1611-1612. The article considers the social composition of the Second Militia, which included not only citizens and peasants of the northern and central regions of Russia, but also representatives of the Upper and Middle Volga region and other nationalities. Together with the Russians in the zemstvo regiments fought Ukrainian Cossacks (Cherkassy), Belarusians, Tatars, Mordvins, Chuvash, Bashkirs, Komi, Udmurts, Mari. This led to the fact that a huge army gathered at that time – more than 10 thousand, serving local people, peasants, Cossacks, Streltsy and nobles. However, the author questions the validity of the interpretation of these events as the period of the formation of the Russian multinational statehood. As a result, at the end of the study, it is concluded that such a phenomenon of socio-political and spiritual life as the unity of the people cannot be imagined once and for all achieved, and then frozen in its content as a phenomenon.

Keywords: The second Zemstvo militia, national unity, multinational identity, ethnic identity, ethnic groups, Time of Troubles, foreigners.

Автор публикации

Клюева Анна Игоревна, студент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия. anna.klyueva.98@mail.ru

Author of the publication

Anna I. Klyueva, студент, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia. anna.klyueva.98@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ДЕКАБРИЗМА М.В. НЕЧКИНОЙ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ

А.А. Королёва

anastasi-NN@yandex.ru

Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Россия

Аннотация. В 1930-е гг. в советской исторической науке начала складываться официальная концепция декабризма, которую связывают с именем М.В. Нечкиной. Вдохновившись В.И. Лениным, Нечкина сконструировала образ единого движения декабристов как первых русских революционеров, наиболее полно и чётко представленный в её двухтомной монографии 1955 года. Данная концепция транслировалась как единственно верная, стала довлеть над сочинениями других историков, вошла в учебники для средней и высшей школы. Однако с начала перестройки и в постсоветской историографии подверглась активной критике: был взят курс на пересмотр советской модели декабризма. И всё же представление о декабристах как о дворянских революционерах прочно укоренилось в обществе, превратилось в своеобразный миф, который на данном этапе профессионалам не удалось развеять. Поскольку, как отметил историк П.В. Ильин, зачастую в постсоветских работах не предлагалось новой парадигмы истории декабристов, только происходила переоценка старой. Таким образом, миф ещё больше укоренялся в научном и публичном пространстве. Объектом исследования являются труды М.В. Нечкиной по декабристоведению, а предметом – конструирование образа восстания декабристов в этих трудах. Проанализировано бытование мифа о декабризме в советской историографии и попытки демифологизации в современном интеллектуальном процессе. Эти задачи реализованы методами интеллектуальной истории: дискурс-анализ и интеллектуальная деконструкция. Работы М.В. Нечкиной рассматриваются как историографические источники данной статьи.

Ключевые слова: Историографический миф, декабризм, Нечкина, историческая память, советская историография, Тайные общества.

Благодарности: Данная работа осуществлялась при поддержке научного руководителя, доктора исторических наук, профессора Н.В. Иллерицкой.

Исследования исторической памяти являются одним из самых актуальных направлений современной исторической науки, поскольку одновременно отвечают на общественный запрос как инструмент для формирования и поддержания государственной идентичности и дают научное объяснение, почему и как меняется образ прошлого. В конце XX в. сложились различные школы, однако для всех них характерна общая черта, рассматривать в качестве предмета истории не события прошлого, а память о них – образ, который запечатлен участниками и современниками событий, и транслируется потомкам. Теоретические основания и методологический инструментарий для изучения механизмов формирования и функционирования исторической памяти заимствованы из смежных дисциплин (социология, психология, философия, лингвистика), которые ранее были направлены на предмет социальной и культурной памяти. Немецкий египтолог Ян Ассман создал теорию культурной памяти, встроенную в рамки направления исторической памяти [1]. Согласно ей, «культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией» [11, с. 11]. Только наиболее значимые представления об этапах развития, целях и месте общности сохраняются от поколения к поколению, и приобретает форму мифа.

Миф как неотъемлемую часть исторической памяти рассматривал историк Б.А. Ручкин [12]. Он отметил разноплановость составляющих этой категории и выделял следующие: исторические мифы, мистификации прошлого и исторические мифы как явления и процессы. К непосредственно историче-

ским мифам было отнесено то, что за многолетнюю бытность перешло в народную культуру, – легенды, сказания, – и является частью национального самосознания. Откровенные мистификации рождаются по глубокому незнанию или, наоборот, с намерением очернить то или иное событие, персоналию. Исторические мифы-явления и мифы-процессы же выделяются тем, что их опровержение – это самостоятельное, сложное исследовательское предприятие с неизвестным или трудно доказуемым результатом.

К деконструкции морально устаревших мифов приводят масштабные социальные потрясения и политические изменения, которые затрагивают не только текущее восприятие современниками событий, но и традиционные, укоренившиеся в культурной памяти общества образы. В таком случае опровержение мифов влечет за собой появление новых, которые придут им на смену. Историк, принимая участие в процессе демифологизации, стремится приблизиться к максимальной «достоверности» через очищение фактов от искажений памяти с помощью профессиональных методов. Однако, неверно полагать, что таким образом миф окончательно исчезает. Более того, само опровержение нередко может стать мифом-явлением. Они создаются по самым изощренным мотивам: фундаментальные политические интересы сообществ или государств, идеологическая заданность. Именно к ним относится советская концепция декабризма Милицы Васильевны Нечкиной.

История декабристского движения стала обрастать мифами, которые определили образ его и его участников с самого начала. Немаловажную роль сыграла версия А.Н. Блудова от 15 декабря 1825 года, опубликованная в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям», которая была развита и закреплена в официальном «Донесении следственной комиссии». Она основывалась на полном неприятии правомочности русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику [6, с. 4]. Вследствие этого участники тайных обществ представлялись либо как клятвопреступники и разрушители законного порядка, либо как заблудшие души. Исследования по декабристоведению во второй половине XIX в. практически не выходили. Параллельно на страницах «толстых журналов» – одного из главных способов коммуникации в российском обществе того периода, велось альтернативное освещение истории декабризма, связанное с публикацией личных источников. Формировался положительный образ декабриста-героя, декабриста-реформатора [4], конструировалась их идентичность.

Необходимость в развенчивании дореволюционной концепции пришла после 1917 года, История русского революционного движения быстро стала магистральным направлением в науке. Большим влиянием тогда пользовался академик М.Н. Покровский, который ранее отрицал революционность декабристов, а в 1920-х гг. не только противопоставлял Южное и Северное общество, чем фактически отказывал «дворянскому» этапу революционного движения в единстве, но и отрицал революционность Северного общества в лице С.П. Трубецкого в принципе. Все это противоречило тезису В.И. Ленина: декабристы – это первые революционеры, которые были «страшно далеки от народа», что и стало главной причиной разгрома восстания. Однако их дело не пропало. Идеи, ради которых они выступили, оказались жизнеспособными и продолжили собирать «под знамена революционной борьбы» следующие поколения. Вполне закономерно, что после разгрома высоко значимой для ранней советской исторической науки школы М.Н. Покровского в 1934 году начала складываться «официальная концепция» декабризма, которую связывают с именем М.В. Нечкиной.

Вдохновившись В.И. Лениным, М.В. Нечкина сконструировала образ движения декабристов как первых русских революционеров и вписала их в плеяду русских революционных движений. Такая трактовка соответствует ленинскому высказыванию: «мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции», первым из которых являются «дворяне и помещики, декабристы и Герцен». Однако стоит учитывать, что в первую очередь Ленин политик, целью которого было показать органическое развитие единственной революционной партии в России – большевиков. При опоре историком на концепцию с таким политическим подтекстом невозможно представить себе итог, который не будет претендовать на громкое звание «объективной истины». Интересно, что у самого Ленина нет работы, где бы он представил свою теорию революционного движения полностью. Она была сконструирована М.В. Нечкиной на базе отдельных высказываний, отрывков из разных произведений. Через трактовку М.В. Нечкиной большинство других историков воспринимали задачи и некие «критерии», применительно к своим работам по проблемам внутри темы. М.В. Нечкина неоднократно отмечала, что «в любой исторической монографии или диссертации ... всегда есть глава с обширным цитированием мыслей Ленина; и все это подчинено данной структуре данного исследования, логике авторского изложения». Работы В.И. Ленина считались универсальными и служили авторитетным мнением по любому гуманитарному вопросу. При этом главенствующая роль оставалась за точкой зрения автора. Однако на практике широко использовался иллюстративный метод, т.е. логика авторского изложения была подчинена цитированию работ В.И. Ленина, а всё исследование служило намеренным подтверждением его мыслей.

Такие работы требуют тщательного подбора источниковой базы. Сама Нечкина ввела в оборот и выступила в качестве публикатора и ответственного редактора десяти томов серии документов «Восстание декабристов» с 1950 по 1984 гг. Их интерпретация подкрепляла и обосновывала «концепционное изучение всего движения декабристов» [8, с. 272]. Особенно Нечкина подчёркивала ценность материалов следствия. Она выделяла преимущества этого типа источников перед мемуарной литературой, поскольку отмечала скудость их данных по интересующей её теме, а точнее данных, способных поддержать её концепцию о цели восстания. При уменьшении значимости мемуарных источников Нечкина объясняла высокой субъективностью авторов и жесткой цензурой в период публикации. В то же время следственные материалы воспринимала как бесспорные факты, к которым достаточно применять лишь минимальный уровень критики. Значительно позже будут выработаны методы использования этих материалов: «лишь после тщательного изучения обстоятельств, оказавших влияние на формирование этого источника, и прежде всего тактики поведения арестанта» [2, с. 130].

М.В. Нечкина придерживалась априорных взглядов на характер декабризма и его выступления 1825 года. В её работах присутствовала вера в создание реконструкции, а не конструкции событий, то есть отношение к собственной концепции как к объективному историческому знанию, обусловленное как субъективным фактором: особенностью личности историка, так и идеологической конъюнктурой. По убеждению автора, декабризм – это единое радикальное течение приверженцев демократических идей. Несмотря на возникавшие расхождения в проектах, представлениях о наиболее подходящей тактике и организации, которые М.В. Нечкина также неоднократно от-

мечала, она продолжала проводить линию преемственности тайных обществ, подчеркивать их «внутренние центростремительные силы и желание сохранить единство и слить течения в общей целеустремленной борьбе» [9, с. 86]. Их целью являлось свержение самодержавия и отмена крепостного права. Более того, «тайное общество и возникло для открытого выступления во имя уничтожения самодержавия и крепостничества» [10, с. 8]. Эти черты были необходимы, чтобы признать декабристов революционным движением.

Механизмы закрепления советской концепции декабризма в российском историческом сознании действовали столь успешно, что до сих пор движение декабристов воспринимается в соответствии с образом, сконструированным М.В. Нечкиной. В первую очередь он транслируется через учебники и программу средней школы. Однако на каждом этапе развития историографии в этом направлении можно наблюдать прирост новых работ с оригинальными подходами, рассматривающие актуальные, ранее не поднимаемые проблемы. Так, британский историк Джон Гудинг отмечает, что уже в 60-е гг. стали появляться работы, которые шли в разрез с установками теории М.В. Нечкиной [15, р. 202], а П.В. Ильин отмечает одновременное существование «неофициального направления» «на протяжении всей истории советского декабриствоведения» [6, с. 7]. На них была возложена надежда на пересмотр советской концепции декабризма и освобождения ее от предустановленных выводов исследований. Однако процесс «демифологизации» в полной мере развернулся только с перестройки и в постсоветской историографии.

Результат оказался не однозначным. С одной стороны, дали плоды обозначенные благие стремления. С другой, трудный для науки период в 90-е годы вынуждал исследователей ориентироваться на широкий круг читателей и удовлетворять их интересы. Они принимали форму требования «сенсаций», разоблачения «мифов». Кажется, что социальный запрос совпал с проблемой научного декабриствоведения, однако нередко рождались работы, в которых критическое переосмысление подменялось пересмотром оценок, сменой полюсов. На этом ощутимо сказалось идеологическое влияние консервативно-охранительного спектра. Оно заключалось в обращении к дореволюционной официальной позиции власти, современной самим декабристам. Таким образом, советский миф декабризма только укоренялся в общественном сознании.

Среди основных направлений его пересмотра можно выделить обращение к проблеме «тайного общества» как элемента движения. В.М. Бокова предприняла первую попытку создать наиболее полную и всестороннюю картину разного рода (в том числе, тайных) общественных объединений первой трети XIX в. Под общественным объединением, которое В.М. Бокова без объяснений приравнивала к «сословью» или «разряду» «на языке эпохи», она подразумевает «сравнительно устойчивую, более или менее организационно оформленную группу лиц, связанных <...> коммуникативными и интеллектуальными интересами и отношениями» [3, с. 7]. Разница с тайным обществом состоит лишь в наличии элементов конспиративной деятельности, которая носила весьма условный характер. Этот нечёткий, необязательный характер всех элементов определения как нельзя лучше подходит, чтобы отнести декабристские общества к тайным организациям. Ведь «никто из декабристов, включая Пестеля, не сделал конспиративную деятельность единственным делом своей жизни» [3, с. 543], – отмечает Бокова. То есть на языке эпохи декабристские организации можно было отнести к «тайным обществам», но они были далеки от того, что под этим подразумевала М.В. Нечкина – революционные организации.

Свою трактовку понятия «тайных обществ» предложила петербургский историк Н.Д. Потапова. «Он [термин] был введен в 80-е гг. XVIII в. в европейской политической публицистике консервативного толка для объяснения причины антиправительственных выступлений в разных государствах» [13, с. 97], – заявляет автор. «Не известны случаи его употребления для самоопределения внутри какого-либо из многочисленных объединений, которые после были так квалифицированы» [14, с. 297] в публицистике или следствии. Таким образом, понятие «тайное общество» – это конструкт, который носит политический, а не правовой характер. Следовательно, не существовало выработанных и законодательно закреплённых норм «квалификации определенных деяний и общественных происшествий как деятельности «тайного общества». Была лишь «литературная традиция», которая задавала «абстрактное представление о структуре и способах действия подобного «тайного общества». Более того, и следователи, и подследственные по делу о декабристах апеллировали к ней, преследуя каждый свои цели. Вокруг этого утверждения Н.Д. Потапова выстраивает свою концепцию, согласно которой «декабристский миф», который принято называть советским, был создан еще во время следствия через фальсификацию его материалов и распространения официальной версии событий 14 декабря и его контекста.

То, что концепция декабризма М.В. Нечкиной создавалась ещё с 1826 года и нова только оценками, полагает и О.И. Киянская. Понятие «тайное общество» становится центральным и в ее работе. Она не оспаривает, что «движение декабристов – составная часть общественного движения в России начала XIX века» [7, с. 348], но отказывает ему в какой-либо уникальности: идеологической или организационной. Идеи конституционализма – это своего рода мода Александровской эпохи, заданная самим императором, как и мода на тайные общества в Европе. «Российские участники таких обществ занимались, в основном, разговорами о необходимости перемен, обсуждали либеральные идеи царя, писали проекты всякого рода конституций», и разговоры эти, несмотря на их радикализм, «не были связаны с последующими вооруженными выступлениями» [7, с. 78]. Те общества, которые в историографии причисляют к декабристским, попали в центр внимания лишь потому, что Пестель, осведомленный об их деятельности, сотрудничал со следствием. С его показаний правительственным пропагандистом Блудовым было написано «Донесение следственной комиссии» – основа официальной версии. Реальным же центром общественной жизни начала XIX в. была армия, где и велась «конкретная работа по организации русской революции» [7, с. 79]. То есть О.И. Киянская, задавшись целью сконструировать собственную версию, неосознанно подтверждает советскую теорию декабризма на основе постулата о революционности.

В этой связи не стоит забывать работы Я.А. Гордина. Он выдвигает на центральную позицию роль гвардии, которая, как спящая политическая сила, смогла активироваться в период междуцарствия и в сжатые сроки мобилизовать Северное общество на активную борьбу. Однако его концепция теряется среди конструкции на основе обширной источниковой базы планов, с аккуратностью по часам событий дня восстания, что вызывает невольную ассоциацию с работами М.В. Нечкиной, а также отношений между участниками с обеих сторон. Для этого Я.А. Гордин неоднократно предпринимал попытку создать образ менталитета, психологии членов группировок: великих князей, гвардейского генералитета и других офицеров, членов тайных обществ. Конструирование социокультурного типа декабриста и его ментальных устано-

вок, а так же то, как они повлияли на процесс формирования их идей – другая актуальная тенденция интеллектуального процесса.

Например, Т.Н. Жуковская интерпретировала программы декабристов в контексте мощного влияния европейского либерализма на российскую дворянскую интеллигенцию в начале XIX в. Исследователь характеризовала выступление 14 декабря как военную революцию «во избежание революции социальной», однако добавила к этому взгляду авторскую аллюзию на «западный (испанский) опыт политических переворотов под либеральными лозунгами» [5, с. 43]. В советской и некоторой современной историографии тактика военной революции проецировались на политические идеалы, которые превращались в «революционные» и противопоставлялись либеральным. Однако Т.Н. Жуковская, исходя из невозможности «реконструкции» семиотического значения таких понятий как «монархия», «республика», «демократия» и пр. в отрыве от конкретных произведений конкретных лиц заключила, что «обобщающая формула «либерализм декабристов» столь же абстрактна, как и формула «дворянская революционность», и следовательно – антиисторична» [5, с. 48]. Она же рассмотрела то, «что принято именовать «идеологией декабристов» в качестве «смешение идейно-политических конструкций и поведенческих моделей» в контексте современной ей европейских политических идей. А точнее её интересовало «как усваивались и какое место в конечном счёте заняли идеи классического либерализма», «как они сосуществовали с консервативными идеями, национально-патриотическими, сословными и корпоративными ценностями» [5, с. 44]. Было выявлено, что сознательное неполное, избирательное восприятие доктрины классического либерализма, равно, как и выступления в Петербурге и на юге «соединение либеральной идеологии и нелиберальной (революционной) тактики» – исторически обусловленный выбор [5, с. 63]. Таким образом, в статье Жуковской декабристы предстали не представителями особого, национального типа либерализма, а создателями особого национального опыта политической деятельности и политического переворота.

Несмотря на то, что самая мощная волна критики теории декабризма как первого этапа революционного движения в России уже фактически прошла, нельзя сказать, что демифологизация этой традиции исторической памяти была успешно завершена. В период резкой смены социально-политической обстановки на рубеже XX и XXI вв. она грозилась обернуться замещением новым мифом. Однако декабристоведение продолжает развиваться как перспективная и актуальная сфера, которая обогащается новыми подходами и поднимается на междисциплинарный уровень. Это позволяет надеяться, что советский историографический миф декабризма будет преодолен новой, максимально приближенной к объективной концепции.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Белоусов М. С. «Видимо, в нем погиб блестящий юрист» (восстание 14 декабря в показаниях князя С. П. Трубецкого». Вестник СПбГУ. 2011. № 1. С. 129 – 136.
3. Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии, 2003. 651 с.
4. Васильева Е. Б. Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв. Омск: ОмГПУ, 2008. 28 с.
5. Жуковская Т. Н. Политические идеи декабристов и традиции западного либерализма: проблемы сопоставления / Декабристы: актуальные направления исследований: сборник статей и материалов; под ред. П. В. Ильина. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 43 – 64.

6. Ильин П. В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения / Декабристы: актуальные направления исследований: сборник статей и материалов; под ред. П.В. Ильина. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 3 – 18.
7. Киянская О. И. Движение декабристов. Взгляд из XXI века / Декабристи в Україні: дослідження й матеріали, 2009. Т. 6. С. 71 – 81.
8. Ланда С. С. Академик М. В. Нечкина – исследователь движения декабристов / Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки; отв. ред. Е. М. Жуков. М.: Наука, 1981. С. 269 – 296.
9. Нечкина М. В. Движение декабристов. М.: изд-во Академии наук СССР, 1995. Т. 2. 506 с.
10. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 г. М.: Мысль, 1975. 399 с.
11. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
12. Ручкин Б. А. Проблема «мифы и история»: историческое обозрение. [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания [информационный портал]. [2011]. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Ruchkin_Myths (дата обращения: 10.02.2021).
13. Потапова Н. Д. Основания к расследованию деятельности «тайного общества» в конце 1825 г.: фальсификация дела. Проблемы социального и гуманитарного знания. 1999. Вып. 1. С. 95 – 127.
14. Потапова Н. Д. «Что есть истина?»: критика следственных показаний и смена исторических парадигм. (Еще один взгляд на проблему «движения декабристов»). Исторические записки. 2000. № 3. С. 286 – 329.
15. Gooding J. The Decembrists in the Soviet Union. Soviet Studies. 1988. Vol. 40. No. 2. pp. 196 – 209.

THE CONCEPT OF DECABRISM BY M.V. NECHKINA AS A HISTORIOGRAPHIC MYTH

A.A. Koroleva

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

Abstract. In the 1930s. in Soviet historical science, the official concept of Decembrism began to take shape. Usually it is associated with the name M.V. Nechkina. Inspired by V.I. Lenin, Nechkina constructed the image of a single movement of the Decembrists as the first Russian revolutionaries, most fully and clearly presented in her two-volume monograph in 1955. This concept was broadcast as the only true one, began to dominate the writings of other historians, and entered textbooks for secondary and higher schools. However, from the beginning of perestroika and in post-Soviet historiography it was also actively criticized. There was taken a course to revise the Soviet model of Decembrism. And yet, the idea of the Decembrists as noble revolutionaries was firmly rooted in society and turned into a kind of myth. At this stage, the professionals did not manage to dispel it. Because, as the historian P.V. Ilyin noticed, often in post-Soviet works wasn't propose a new paradigm of the history of the Decembrists. Only the old-one was re-evaluated. Thus, the myth took even more root in the scientific and public space. The object of the research is the works of M.V. Nechkina on Decembrist studies; the subject is the construction of the image of the Decembrist uprising in these works. Was analyzed the existence of the myth of Decembrism in Soviet historiography and attempts to demythologize it in the modern intellectual process. These tasks are realized by the methods of intellectual history: discourse analysis and intellectual deconstruction. The works of M.V. Nechkina are considered as the historiographic sources of this article.

Keywords: Historiographic myth, Decembrism, Nechkina, Historical memory, Soviet historiography, Secret societies.

Acknowledgements: This work was carried out with the support of the scientific advisor, Doctor of Historical Sciences, Professor N.V. Ileritskaya.

Автор публикации

Королева Анастасия Алексеевна, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. anastasi-NN@yandex.ru

Author of the publication

Anastasia A. Koroleva, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. anastasi-NN@yandex.ru

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

А.И. Мезенцева

mezentseva_anna@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена раскрытию политического аспекта крымских агиографических произведений в контексте византийских притязаний на Южный Крым иконоборческого периода. Византийская империя с самого начала своего становления придавала особое значение крымскому региону, который, помимо того, что был стратегически важным форпостом, являлся важным центром международной торговли между Западом и Востоком. Однако прямое византийское правление здесь часто сменялось вторжениями варварских племен, которые Константинополь, ввиду удаленности этой провинции и озабоченности собственными внешнеполитическими проблемами, не мог контролировать, что привело в конечном счете к образованию здесь кондоминантной области, которая просуществовала вплоть до середины IX в. На многие вопросы жизни Южного Крыма, входившего в сферу имперских интересов, проливает свет немногочисленная местная агиографическая традиция – жития канонизированных «крымских» святых, которые составлялись по мере утверждения в регионе византийской церковно-административной власти. На основании «Жития Иоанна Готского» и «Жития Иоанна Сурожского» в издании крупного византиниста Васильевского Г.В. прослеживается, как связаны личности этих святых и их деятельность с утверждением Византии в Крыму и как Империя использовала фигуры «крымских» епископов в своих утилитарных целях. Юридическое оформление границ византийской государственности необходимо было подкрепить идеологически, что позволяет рассмотреть жития с особого угла и сделать вывод о вкладе церкви в имперское строительство.

Ключевые слова: Византия, церковное устройство, агиография, политика, Крым, «Житие Иоанна Готского», «Житие Стефана Сурожского».

Северное Причерноморье – далекий регион на краю владений Византийской империи – привлекал первостепенное внимание византийской дипломатии, что было вызвано рядом факторов. Согласно византийской внешнеполитической доктрине, Северное Причерноморье, в отличие от цивилизованной ойкумены, представляло собой отдаленное, варварское место. Император считался сюзереном архонтов, управлявших временно этими землями. Византийское видение мира, согласно официальной идеологической риторике, которая зиждилась на оправдании справедливости возврата земель [6, с. 5-7], находившихся в границах Римской империи, допускало идею «законности» прав византийских императоров на экспансию на соседние территории с целью возврата утраченных областей в пределы ойкумены. Такой вектор политики, направленный на защиту и удержание в рамках четко очерченных границ «своей исконной территории», дополняла и развивала церковь, которая, будучи негласным оплотом византийской власти, являлась институтом, посредством которого Империя могла воплощать экспансионистскую политику. Восточная Церковь следовала за политической властью, и поэтому духовенство направлялось в земли, в которых была заинтересована Империя, нести слово Божие, а значит, расширять зону влияния византийского императора. Согласно византийской концепции утверждения государственности в пограничных районах, крест всегда предшествовал мечу [1, с. 14]. Христианизация была бы дипломатической победой Византии в борьбе с Хазарским господством. Крещение варваров несло политические выгоды цивилизованному христианскому государству. И в этом отношении особый интерес представляет один из отдаленных регионов, входивших в сферу имперских инте-

ресов Византии – Таврика (Крым), которая фактически до середины IX в. не была включена в ее политико-административную систему. Тем не менее, епископии Константинопольского патриархата позволяли ей следить за положением в Северном Причерноморье и оказывать свое влияние на жизнь полуострова посредством расширения здесь сети церковных образований, в т.ч. епархий. Помимо всего прочего, на подобное положение византийской власти накладывался внешнеполитический фактор: под контролем Хазарского каганата оказалась львиная доля византийских владений в Таврике. К началу VIII в. продвижение каганата вглубь полуострова достигло пика: хазарская власть распространялась почти на всю Таврику: только Херсон номинально оставался византийским. До середины VIII в. Ромейское государство не предпринимало решительных действий по освобождению Таврики. Положение меняется в 70-80-е гг. VIII в., когда Византия начинает скрытую борьбу с хазарской экспансией в пограничных районах своей империи. Борьба Византии и Хазарского каганата за гегемонию в Северном Причерноморье привела к образованию в Южном Крыму (Горные и Приморские районы), так называемых, зон с двойной (кондоминантной) системой управления, которая просуществовала вплоть до начала проведения фемной реформы на полуострове. Такая система предполагала совместную эксплуатацию территории Таврики на основе мирного разрешения спорных вопросов. Для прекращения подобного «двоевластия» Византии пришлось проявить дипломатическую гибкость. Чтобы вновь вернуть утраченное влияние и закрепить свою власть в Таврике ромеи обратились к мощнейшему институту политического влияния – к церкви, которая могла плодотворно воздействовать активной миссионерской деятельностью на область, имеющую отдаленное географическое положение и находящуюся вблизи варварского окружения. Христианизация, и последующая за ней реорганизация церковной структуры в сторону создания ряда автокефальных архиепископий на подвластной хазарам территории, позволила бы ромейской власти оказывать воздействие на местное гетерогенное население и на каганат, а в перспективе сулило ей вернуть утраченное влияние в Северном Причерноморье. Ведь вслед за религиозным поражением, следует утрата военно-политических позиций.

Итак, на рубеже VIII-IX вв. начался процесс формирования новой системы епархий для христианского населения Таврики: отдельные автокефальные архиепископии возникают в Юго-Западной, Юго-Восточной части полуострова, т.е. были проведены качественные изменения церковно-административной структуры, а как следствие этого было изменение и в расстановке сил в области. По мере утверждения церковной власти Константинопольского патриархата в Южном Крыму формировалась местная агиографическая традиция, в которой не могли не отразиться сюжеты, отражающие перипетии, связанные с византийскими притязаниями в регионе. Агиографические памятники довольно многосторонне отражают историческую действительность и поэтому являются одними из основных источников по церковной и политической истории Таврики, уступая первенство лишь официальным церковным ведомостям. Но и местная агиографическая традиция не обширна: пласт крымской агиографии активно составлялся лишь в тех областях, которые непосредственно подверглись церковной реорганизации в конце VIII-начале IX в. [7, с. 45]. В контексте рассматриваемого нами вопроса, а именно воплощение византийских имперских интересов в Крыму, для нас наибольший интерес представляют «Житие Иоанна Готского» и «Житие

Стефана Сурожского», которые редактировались во второй период иконоборчества. Несмотря на отдалённость региона и превалирование в нем варварского элемента, а, следовательно, и отдаленности от богословских диспутов, иконоборчество отразилось на сюжетах, на образах представленных героев. Ведь, как правило, события реальной истории, отраженные в житиях, со временем подвергались идеализации, переоформлению, т.е. в них оставляли лишь то, что укладывалось в схему желаемой действительности, а рассматриваемые святые стали собирательным воплощением общих идей, которые заложил в них составитель жития [5, с. 246-248]. Так или иначе, «Житие Иоанна Готского» и «Житие Стефана Сурожского» имеют общий контекст: образование местными иерархами отдельных церковно-административных единиц (в данном случае, Готской и Сугдейской епархии). Несмотря на религиозный характер содержания, эти легенды проливают свет на политический аспект, связанный с постепенным утверждением византийской власти в данных областях.

Готия, либо же Готфия, распростёрлась на Юго-Западе крымского полуострова. В 787 году она была захвачена хазарами, поэтому церковная организация, возникшая здесь, Готская епархия, считалась хазарскими владениями, и на протяжении VIII-IX вв. Византии стремилась вернуть контроль над утраченной областью из-под власти каганата. В рассматриваемый период Готская епархия, как самостоятельный церковный округ, отсутствует в официальных церковных документах, и появляется там лишь в списке X в. Наличие особой церковно-административной единицы в горной части Таврики с конца VIII в. отмечается в других источниках. Так, перипетии, происходящие здесь, а именно события, относящиеся к 80-м гг. VIII в., нашли отражение в «Житие Иоанна Готского», одном из самых цитируемых агиографических памятников средневекового Крыма, прототип которого был составлен в период правления Никифора I Геника (802-811 гг.). Рассмотренный мною текст в переводе Васильевского В. Г. относится к 40-ым гг. IX в., т.е. составлен в постиконоборческое время, причем не в самом Крыму. «Сей преподобный отец наш Иоанн был епископом Готфии при царях Константине и Льве, происходя из земли тавро-скифов, что за морем (Понтом), которая подчинена стране Готфов, из торжища, называемого Парфенитов» [4, с. 147]. Для составителя место рождения обозначено как «земля за морем (Понтом), которая подчинена стране Готфов, из торжища, называемого Парфенитов». Итак, Иоанн родился в торжище Партенит (Южный берег Крыма). Выбрал для себя религиозное поприще, и, по всей видимости, преуспел в этом. Когда при Константине тогдашний херсонский епископ был поставлен в митрополиты другой области, христиане Готии выдвинули кандидатуру Иоанна на должность епископа собственной церковно-административной единицы, хотя странным кажется факт выдвижения кандидата народом, т.к. согласно церковным постановлениям, епископы назначаются сверху, константинопольским патриархом. Для воплощения данного намерения он сперва отправился в Иерусалим, где на протяжении трех лет поклонялся всем святым местам, и, «ознаменованный стопами божественности», возвратился в Готию. Далее отправился в Грузию (Иверию), где и был рукоположен «там во епископа». После кончины царей-иконоборцев, в правлении Ирины, при которой наметилось возвращение к иконопочитанию, он, получив разрешение, «прибыл в царствующий град и, вполне откровенно побеседовав со всеми о почитании святых икон в святой всеобщей церкви», снова возвратился к себе домой, где,

одобренный всеми, занял пост. Важным в жизнеописании Иоанна Готского предстает так называемое антихазарское восстание светских и церковных кругов Готии. «Епископ Иоанн был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владетелем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании, чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам» [4, с. 90]. Каган подавил восстание, захватил Дорос (столица Готии), изгнав епископа со своим народом и восстановив полный контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. Впоследствии Иоанн Готский был канонизирован, видимо, как первый идейный создатель самостоятельной Готской епархии, как первый епископ местной церкви, как преданный иконопочитатель и как благоверный мученик, который пострадал от рук завоевателей. Видимо, столь многоликий образ местного сложился после переработки памятника во второй период иконоборчества (официально принят церковью скорее всего после 843 года, поскольку текст имеет явную антииконоборческую направленность), после чего святой приобрел общевизантийское значение. Очевидно, в первую очередь в Житии присутствует политический аспект. Устоявшимся считается мнение, согласно которому, создание в Готии епархии увязывалось с особыми отношениями Византии и Хазарии во второй половине VIII – начале IX в, которые характеризуются, по образному выражению французского исследователя К. Цукермана, как «долгий медовый месяц Византии и Хазарии» [11, с. 418-419]. В середине IX в. происходит изменение в административном устройстве Таврике – здесь было положено начало развитию фемной системы (появление фемы Климатов), что свидетельствует о конце хазарского засилья и переходе Готии к границам империи. Должно быть, возвращению Готии в состав империи необходимо было придать идеологическое обоснование [8, с. 152]. Во время Иоанн уже был достаточно популярным местным святым, пострадавшим от рук хазар, чем не могли не воспользоваться византийцы для обоснования законности своих притязаний на Готию, наполнив образ святого всевозможными выгодными для идеологической риторики качествами.

Это агиографическое произведение является одним из самых «проблематичных» для исторического исследования, поскольку его греческий первоначальный вариант не сохранился (создание протографа датируют между второй половиной 60-х гг. VIII в.), и исследователю приходится иметь дело с поздними редакциями, в частности, составленные русскими компиляторами XV-XVI вв. В издании Васильевского В.Г. представлены тексты редакций Греческого (ГЖ) и Церковнославянского (ЦСЖ) Жития, а также подробный сравнительный их анализ [3, с. 142-228]. Как и «Житие Иоанна Готского», этот агиографический памятник был переработан в постиконоборческий период, скорее всего, чтобы придать личности святого общевизантийский масштаб в духе новых политических реалий и закрепить непосредственную связь истории региона с византийским началом [9, с. 101].

В начале VIII в. в восточной части крымского побережья сугды (низовые прикубанские адыги, одно из зихских племен), в ходе спада активных миграционных процессов на полуострове и перехода к повсеместной оседлости населения, основали собственное поселение – Сугдея [7, с. 100]. Впоследствии статус города повысился, чему способствовала активизация в городе деятельности византийской администрации – необходимо было христианизировать пришедшее население. Вскоре здесь разрослась довольно обширная христианская община, для обслуживания духовных потребностей которой в пе-

риод правления патриарха Германа (715-730 гг.) была создана епископская кафедра. Согласно Житию Стефана Сурожского, первым епископом Сугдейской кафедры был прибывший из Каппадокии ок. 740 г. монах Стефан. Будучи иконодолом, он, на почве религиозных споров, вступил в конфликт с иконоборческим императором Львом Исавром, за что был отправлен в заточение. В правление Константина Копронима, также императора-иконоборца, за Стефана заступилась его жена, Ирина Хазарская, после чего Стефана освободили и вернули на свою кафедру, где тот и скончался. Помимо всего прочего, согласно Житию, Стефан достиг значительных успехов в христианизации соседних селений, что, видимо, вкупе с его иконопочитательской направленностью стало основанием канонизации его личности [7, с. 264]. Очевидны параллели с «Житием Иоанна Готского»: Стефан так же предстает в образе основателя местной церковной единицы, пострадавшего уже от рук не от хазар, а от «неправоверных» императоров. Также немаловажным является тот факт, что Стефан был не рядовым епископом для Константинополя, раз имел сношения с императорскими персонами. Как бы то ни было, византийская власть, обосновавшись в регионе, развила образ Стефана в данном ключе для закрепления своих прерогатив в области: что сам город, епархия, образовавшаяся вокруг него – все это имело исключительно византийские корни [10, с. 231-232]. Как видим несмотря на то, что о значимом месте местной церкви в иконоборческих спорах говорить не приходится, поскольку она только начала укрепляться на еще полных языческих пережитках таврической почве, местная агиографическая традиция перерабатывалась и дополнялась согласно общевизантийским тенденциям развития данного вида повествовательной прозы.

Учитывая изложенное, можно говорить о том, во-первых, ключевую роль в расширении сферы влияния Византии в Крыму сыграла церковь. Именно христианская церковь стала неким связующим звеном, сохраняющим связь между византийской администрацией и местным населением, что идеологически развивалось в местной агиографической традиции, которая является прямым отражением политических событий, происходивших в регионе. Во-вторых, с утверждением и укреплением византийской власти в области видоизменялась и сюжетная направленность легенд, характеристика личностей, деятельность святых, которые стояли у истоков формирования в Крыму собственной церковной структуры.

Литература

1. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.: Наукова думка, 1990. 168 с.
2. Бардола К. Ю. «Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI—XII вв. Древности. 2015. Т.13. №13. С. 57-68.
3. Васильевский В. Г. Труды Васильевского В. Г. Пд. 1915. Т. 3. 441 с.
4. Васильевский В. Г. Труды Васильевского В. Г. Спб, 1912, Т. 2. 401 с.
5. Византийские легенды: пер. РАН; изд. подгот. С. В. Полякова; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1972. 303 с.
6. Каптен Г. Ю. Проблема сакрализации войны в византийском богословии и историографии. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 263 с.
7. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: АнтикВА, 2009. 334 с.
8. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. 348 с.

9. Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы). ПИФК. М.: Магнитогорск, 2003. Вып. 13. С. 261-280.

10. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): Вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.

11. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum*. МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 399-435.

BYZANTINE IMPERIAL POLICY IN HAGIOGRAPHY OF THE MEDIEVAL CRIMEA

A.I. Mezentseva

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the political aspect of the Crimean hagiographic works in the context of the Byzantine claims to the South Crimea of the iconoclastic period. The Byzantine Empire has always attached particular importance to the Crimean region, which was a strategically important outpost and an important center of international trade between West and East. However, direct Byzantine rule here was often replaced by invasions of barbarian tribes, which Constantinople, due to the remoteness of this province and its own foreign policy problems, could not control, which ultimately led to the formation of a condominium region here, which lasted until the middle of the 9th century. Many questions of the life of the Southern Crimea, which was in the sphere of imperial interests, are shedding light by the small local hagiographic tradition, which was compiled as the Byzantine ecclesiastical authority was established in the region. Based on the "Life of John of Gothia" and "Life of John of Sourozh" in the publication of the prominent byzantinist Vasilievsky G. it is traced how the personalities of these saints and their activities are connected with the establishment of Byzantium in Crimea and how the Empire used the figures of the "Crimean" bishops for its utilitarian purposes. The legal formulation of the borders of Byzantine statehood had to be supported ideologically, which allows us to consider the lives from a special angle and draw a conclusion about the contribution of the church to imperial construction.

Keywords: Byzantium, church structure, hagiography, politics, Crimea, «Life of John of Gothia», «Life of Stephen of Sourozh».

Автор публикации

Мезенцева Анна Ильинична, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. mezentseva_anna@mail.ru

Author of publication

Anna I. Mezentseva, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. mezentseva_anna@mail.ru

ИМПЕРИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КОНСТИТУЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ ЭТИХ ПОНЯТИЙ В ПОСТНАПОЛЕОНОВСКОЙ ЕВРОПЕ В 1816-1822 ГГ.

А.Ю. Михайлов, *И.О. Седов

*Ilysedov73@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В этой статье рассматривается история понятий «конституция», «национальное государство», «Империя» в контексте истории идей и вырабатывается место этих понятий в контексте идей «камерализма» и «современного государства». Выявлено толкование этих понятий в начале XIX в. В данной статье исследование идет на основе французской «Конституционной хартии» 1814 года и «Государственной уставной грамоты Российской империи» 1820 г., под авторством Николая Новосильцева. В этих документах рассматривается отражение понятий «империя» и «национальное государство» в контексте рассматриваемой эпохи. В итоге мы можем сказать, что французская «Конституционная хартия» 1814 года отражает закрепление французской нации и пространства империи. Российский конституционный проект «Государственная уставная грамота Российской империи» 1820 года, под авторством Николая Новосильцева строит «национальное государство» с появлением российской имперской нации, но с условиями построения империи.

Ключевые слова: империя, национальное государство, Конституционная хартия 1814 года, Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года.

В современной исторической науке одной из основных проблем становится проблема зарождения, развития и заката империи. Ярким подтверждением этого суждения является создание исторического курса «Новая имперская история Северной Евразии» под редакцией Ильи Герасимова [5, с. 393]. Он вместе со своим коллективом авторов ищет ответы на вопросы о способах самоорганизации на территории Северной Евразии и способах балансирования между имперской ситуацией и «европейскостью», которая проявляется в идеях «камералистского государства» и «современного (правового) государства». Конституции являются некими индикаторами идей «современного (правового) государства». Конституция как понятие возникает в эпоху Просвещения, в переходный период от регулярного государства к современному государству. Но отметим, что идеи камерализма возникают в национальных государствах, как способ эффективного управления. Национальные государства закрепляют свой статус только в 1648 г. по Вестфальскому миру, который создает одноименную систему международных отношений. После наполеоновских войн европейские государства собираются в Вене с целью создать новое постнаполеоновское пространство в Европе, мы это знаем как Венский Конгресс 1814-1815 гг. Внедрение конституций, создание конституционных проектов, баланс сил между империями и национальными государствами становятся итогами этого Конгресса. Если камералистские идеи появляются в национальных государствах и конституции вписываются в концепт регулярного государства, то с помощью конституций можно описать правовое пространство национальных государств. Тогда возникает вопрос: а можно ли с помощью конституций описать юридическое пространство империи? Отсюда вытекает обратный вопрос: зачем нужны конституции империям?

Ответим на эти проблемные вопросы в контексте эпохи постнаполеоновской Европы 1815-1822 гг. Наполеон, когда создавал свои «дочерние республики» и зависимые королевства, давал этим государствам конституции, что вполне является практическим итогом эпохи Просвещения. В этот период

начинается осмысление наполеоновских войн, и с целью не допустить повторения революционных войн Александр I предлагает Священный Союз вместе с Австрийской империей и Прусским королевством. Верхняя точка статьи – 1815 г. – создание Священного Союза. Нижняя точка статьи – 1822 год – Веронский Конгресс – последний конгресс Священного Союза. В качестве материалов будем использовать французскую «Конституционную хартию» 1814 года, российский конституционный проект Новосильцева 1820 г.

Для начала выработаем теоретическую базу. Дадим определения и осмыслим понятия «конституция», «национальное государство», «империя»

Обратим внимание на понятие «конституция». Ж.-П. Жакке, профессор Страсбургского университета, в своем кратком курсе «Конституционное право и политические институты» отмечает, что конституция – политическая власть, которая берёт свое начало из договора [2, с. 20]. Но по теологической теории происхождения государства, господствующей до середины XVII века, вся власть исходит от Бога, но переходит к народу в таком случае необходимо объяснить, каким образом проявляется согласие народа. Таким объяснением является теория общественного договора. Она говорит нам, что как только индивиды представляли в качестве автономных субъектов, так они заключили социальный договор. В социальном договоре сторонами являются индивиды. Они заключают соглашения не с монархической властью, существовавшей до. А в Конституция – статут власти Конституция является односторонним актом, которым определяется статут политической власти в обществе. Конституция США, разработанная в 1787 г., содержит очень ясное высказывание относительно этой точки зрения. Она является не результатом договора, но результатом односторонней воли народа: «Мы, народ Соединенных Штатов... учреждаем и принимаем эту Конституцию». Аналогичное положение содержалось в Конституции Франции 1791 г. В контексте истории идей государственного строительства мы можем сказать, что конституция является способом формализации всех институтов регулярного государства. Наполеоновские войны вносят еще один смысл в конституцию. Конституция становится фактом появления политической нации. Итогом нашего рассуждения становится что конституция выражает договорную теорию происхождения государства, помимо этого этот документ позволяет структурировать органы власти. Конституция выделяет граждан, что является индикатором внедрения идей камерализма. Обратим свое внимание на понятие «национальное государство».

Национальное государство появляется в середине 1648 г. как субъект международного права в вестфальской системе международных отношений [4, с.10]. Национальное государство, пришедшее на смену династическому государству, отличает правовое равенство людей независимо от их этнической, сословной и иной принадлежности, одинаковое обращение со всеми членами нации. Национальное государство в этом случае противопоставляется и конкретно-историческим абсолютистским образованиям (например, империи Габсбургов), и империи как особому типу государства, строящемуся на политическом неравенстве между сообществами. Специалисты по теории международных отношений считают характерным признаком национального государства «национальный суверенитет», под которым понимают монополию на власть внутри государства и независимость по отношению к другим субъектам, действующим на международной арене. Отметим, что Игорь Яковенко в статье «От империи к национальному государству» отмечает, что

нации являются интегратором из старых средневековых государств (империй и «вассальных монархий») в «национальное государство» [7, с. 123]. Его появление становится индикатором создания наций как носителя своего суверенитета. Таким образом, мы отмечаем, что концепт национального государства предполагает, что государство ведет себя одинаково со всеми государствами одинаково, не пытается создать определенное пространство, а наоборот пытается укрепить собственное население, которое является протонацией. Именно в таких государствах возникает идеи камерализма, которые предполагают интенсивные способы развития. Теперь создадим определение понятия «империя».

Согласно «Мир-системному» подходу Иммануила Валлерстайна мы встречаем понятие «мир-империя» в смысле пространство, смешивая с «мир-экономикой» появляется «мир-система», которая действует по двум алгоритмам, включая имперский [1, с. 42]. Согласно этому концепту, ядро или метрополия ищет пространство для расширения, когда она находит это пространство, оно становится колонией или периферией, а когда ядро сверхрасширяется, то оно начинает интегрировать в себя часть периферии, которая становится полу-периферией. Таким образом, империя – пространство, состоящее из ядра и периферии, с единым центром управления, но разными способами властвования и с доминирующей столичной культурой, которая в синтезе с другими культурами создает имперскую историю.

Теперь на примерах французской «Конституционной хартии» 1814 года, российского конституционного проекта Новосильцева 1820 года попробуем ответить на проблемные вопросы статьи: можно ли с помощью конституций описать юридическое пространство империи? Отсюда вытекает обратный вопрос: зачем нужны конституции империям? Насколько верен тезис о том, что с помощью конституций можно описать национальное государство?

Начнем анализ французской «Конституционной хартии» 1814 года с прочтения ее преамбулы [6, с. 81]. Она полностью отражает идеи зарождающегося романтизма, которыми являются появление гражданской нации, обращение к средневековью. Это проявляется в том, что авторы конституции пишут: «Самое заветное желание нашего сердца в том, чтобы все французы жили братьями». Тем самым французские правоведы отвергают сословия Старого Порядка. Авторы конституции своими преобразованиями опираются на средневековый опыт французских королей «общины были обязаны своим освобождением Людовику Толстому, укреплением и расширением своих прав Людовику Святому и Филиппу Красивому, что судебные учреждения были установлены и развиты законами Людовика XI, Генриха II и Карла IX, наконец, что Людовик XIV определил почти все части государственного управления различными указами, мудрость коих еще доселе ничем не превзойдена». Помимо этого, новый король Людовик XVIII Бурбон дарует «Конституционную хартию», обосновывая, что французская нация готова принять эти свободы, тем самым признавая некоторые итоги завоевания Великой Французской Революции 1789-1799 гг.

Теперь обратимся к содержанию статей. В первом разделе «Публичное право французов» авторы пишут о правах, свободах и обязанностях французов. Например, в статье 1 написано «Французы равны пред законом, каковы бы ни были их титулы и чины», а в статье 8 авторы пишут о свободе слово французов. Тем самым, конституция конструирует гражданскую нацию.

В разделе «О Палате Депутатов от департаментов» в статье 36 правоведа пишут: «Каждый департамент избирает столько же депутатов, сколько он избирал до сих пор». Этой статьей Хартии авторы нам говорят, что они унифицируют избирательное право каждого департамента, что позволяет нам говорить об отсутствии имперской политики, поскольку департаменты составляют ядро Франции. В продолжении темы империи в разделе хартии «Особые права, гарантированные государством» статья 73 гласит: «Колонии управляются особыми законами и распоряжениями».

Отсюда мы можем сделать вывод, что французские правоведа выделяют ядро и периферию. Обратив внимание на историю Франции, мы можем сказать, что в 1814 году Великобритания и Португалия вернули Франции устье реки Сенегал в Африке, Французскую Гвиану и ряд островов в Карибском море. Итогом нашего анализа является признание Франции в эпоху Реставрации Бурбонов имперским государством. Конституция кратко описывает Францию как колониальную империю. Учитывая наступившую эпоху романтизма и теорию современного государства, мы можем говорить, что для империи, считающей себя великой державой, способом легитимизации своего величия является конструирование гражданской нации, которая сформулирована в праве конституции и иных правовых актах.

Перейдем к конституционному проекту Николая Новосильцева [3, с. 268]. Он подготовил этот документ к 1820 году и назвал «Государственная уставная грамота Российской империи». В документе отсутствует преамбула, что наталкивает нас на мысль о недоработанности проекта. Отметим отношение к подданным по этому проекту. Это заметно в статье 191: «Убедившись в совести, что вышеизложенные коренные постановления соответствуют отеческим нашим желаниям утвердить благосостояние и спокойствие любезных наших верноподданных, основать неприкосновенность их лиц и собственности и охранить ненарушимость их прав гражданских и политических...». Здесь предполагается защита прав, стирание сословных рамок. Место иностранцев будущей Российской империи заметно в статье 93: «Каждый иностранец, предьявивший законные виды, будет пользоваться, наравне с другими жителями государства, покровительством законов и выгодами, законами обеспеченными. Ему вольно будет, на основании учрежденных правил, жить в государстве, выезжать из оного, возвращаться и приобретать в нем недвижимые имения». Это говорит нам, что государство строит гражданскую нацию, вход в которую свободен.

В административно-территориальном делении мы видим, что Новосильцев предлагает равные макрорегионы в лице наместничеств, в рамках которых входят губернии со своим делением. Это написано в статье 3 и 4 соответственно: «Наместничества называются по имени одной из составляющих оных губерний или по месту, для присутствия наместнического начальства определенному» и «Губернии сохраняют настоящее разделение свое на уезды, исключая те случаи, в которых местные обстоятельства востребованы бы новых разграничений». Очень похоже на национальное государство, поскольку его атрибуты выполняются, но есть статьи, которые намекают нам на имперские механизмы. Статья 30 гласит: «Законы разделяются на общие государственные законы и на особенные или местные. Общие законы составляют общее право и применяются во всех случаях, в коих местные законы недостаточны». Таким образом, мы замечаем, что есть условия для имперского механизма, прикрытый федерализмом.

С позиции наций в статье 167: «Все евреи, не исключая и тех, кои записаны в гильдии или имеют недвижимую собственность, участия в собраниях окружных градских обществ не имеют». Новосильцев обозначает проблему неспособности государства интегрировать в себя общности. А самым простым методом внедрения социальной группы в структуру является отрицание прав деятельности этой социальной группы. Помимо этого, это показатель империи поскольку признается существование еще одной этно-конфессиональной социальной группы.

Изначально мы видим национальное государство с гражданской нацией (название которой не придумано) с равноправными регионами. Но, когда мы находим лазейки в конституционном проекте о местных законах и выдавливания евреев из социальной структуры государства наталкивает нас на мысль, что Новосильцев прикрывает империю под видом национального государства. Этот проект описывает постнаполеоновскую Российскую империю максимально реалистично насколько это возможно. После присоединения Варшавского герцогства под названием Царство Польское, появления Великого Княжества Финляндского, начала присоединения Кавказа, деятельности Михаила Сперанского как раз заметно, чем на самом деле являются местные законы, но равенство регионов сохраняется. Национальный суверенитет предполагается, потому что Российская империя не является зависимой державой. Проблем собирания восточных славян не стоит, поскольку они уже собраны.

Таким образом, национальное государство уже существует, но прецеденты на окраинах государства наталкивают нас на мысль, что Новосильцев описывает империю. Попробуем назвать «национальной империей». В итоге мы можем сказать, что конституция может описать национальное государство. А для него конституция является средством юридического закрепления статуса-кво и доказательством, того, что государство является «современным». Однако проект Новосильцева совмещает в себе признаки национального государства и империи. Тогда перед нами встает вопрос, насколько конституция описывает правовой портрет «национальной империи»? Исходя из конституционного проекта Новосильцева мы можем сказать, что объективно описывается поскольку в таком случае гражданская нация и имперский механизм расширения появляются в единой правовой картине. Для «национальной империи» конституция нужна в качестве индикатора следования актуальной концепции «современного государства», что доказывает её великодержавность и цивилизованность.

Империя и национальное государство являются неотъемлемыми понятиями XIX-XXI вв. В этот период мы можем разделить страны именно на эти два типа. Параллельно с этим развиваются теории управления государством. Мы видим их в двух видах: «камеральное» и «современное государство». Первое доминировало в XVII-XVIII вв. Второе — в XIX-XXI вв. Атрибутами этих теорий являются нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность этих видов государств. Высшим нормативно-правовым актом является конституция или её проект. Катализатором появления конституций стало постнаполеоновское время. Поскольку деятельность Наполеона вызвала формирование теории «современного государства». Поскольку следование этой идеи становится критерием выделения «великой державы». Мы видим, что две логические мысли пересекаются во французской Конституционной Хартии 1814 года, которая действовала до 1830 года с перерывом на «100 дней Наполеона» и «Государственная уставная грамота Российской импе-

рии», созданная в 1818-1820 гг., которые отражают тренды рассматриваемого периода. В первом случае мы видим правовой образ империи, а во втором случае мы видим национальное государство с возможностями империи, которую мы можем назвать «национальной империей», реализацию которой мы будем видеть вторую половину XIX в.

Тем самым, конституция нужна для империи в качестве индикатора «современной великой державы», а с помощью конституций можно описать юридическое пространство империи, не прибегая к навязыванию на конструкт империи идеи национального государства. Возникает вопрос о месте национальных государств в постнаполеоновское время. По итогам Вестфальского мира 1648 года в одноименной системе международных отношений ведущую роль играют национальные государства, а по итогам Венского конгресса в одноименной системе международных отношений ведущую роль играют империи. Таким образом, мы должны пользоваться достижениями Вестфальской эпохи в качестве системы, где национальные государства отражали в себе идеи «камерального государства», которой необходима конституция или предконституционный акт.

Литература

1. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке: В пер. Н. Проценко// М.: Русский фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 592 с.
2. Конституционное право и политические институты. Учебное пособие; в пер. Жакке Ж.-П.; Пер. М. : Юристъ, 2002. 365 с
3. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века; Сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 640 с.
4. Мариносян Х. Э. Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации. Философские науки, 2008. №8. С. 5-24.
5. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII - XX вв.; под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.
6. Тексты важнейших основных законов иностранных государств; в пер. Ф. М. Кокошкнина. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. 109 с.
7. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса). Полис, 1996. №6. С. 117-128.

EMPIRE, NATION-STATE, AND CONSTITUTION: THE RELATIONSHIP OF THESE CONCEPTS IN POST-NAPOLEONIC EUROPE IN 1816-1822

A.Yu. Mikhailov, I.O. Sedov

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. This article examines the history of the concepts of "constitution", "national state", "Empire" in the context of the history of ideas and develops their place in the context of the ideas of "cameralism" and "modern state". The interpretation of these concepts at the beginning of the XIX century is revealed. In this article, the research is based on the French "Constitutional Charter" of 1814 y. and the "State Charter of the Russian Empire" of 1820 y., under the authorship of Nikolai Novosiltsev. These documents consider the reflection of the concepts of "empire" and "nation-state" in the context of the era under consideration. As a result, we can say that the French "Constitutional Charter" of 1814 y. reflects the consolidation of the French nation and the space of the empire. The Russian constitutional project "State Charter of the Russian Empire" of 1820 y., under the authorship of Nikolai Novosiltsev, builds a "national state" with the appearance of the Russian imperial nation, but with the conditions for building an empire.

Keywords: empire, national state, Constitutional Charter of 1814, State Charter of the Russian Empire of 1820.

Авторы публикации

Михайлов Андрей Юрьевич, канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. arunion@mail.ru

Седов Илья Олегович, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. Pyasedov73@gmail.com

Authors of publication

Andrey Yu. Mikhailov, Candidate of historical sciences, docent, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. arunion@mail.ru

Ilya O. Sedov, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. Pyasedov73@gmail.com

ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНИИ В МИГРАЦИОННОМ КРИЗИСЕ 2015 ГОДА

* Д.Р. Муллина, Д.В. Шмелев

*dilyara_rinatovnochka@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется позиция Германии в миграционном кризисе 2015 года. Рассматриваются современная миграционная политика Германии и ее специфика, позиция германского правительства Ангелы Меркель во время миграционного кризиса, позиция основных политических партий от крайне правых до крайне левых. В докладе проанализированы основные аспекты германской иммиграционной политики, их формирование и эволюция под влиянием миграционного кризиса. На примере различных данных показано, что в течение последних десятилетий в Германии реализуется ряд мер, направленных на скорейшую интеграцию иммигрантов в принимающее общество, и идет целенаправленная политика адаптации (политика мультикультурализма или политика взаимного сосуществования культур).

Ключевые слова: Германия, иммиграция, миграционный кризис, миграционная политика, беженцы.

Миграционные процессы являются важным аспектом в современной общественно-политической жизни европейских стран. За последнее десятилетие Европа пережила один из самых глубоких миграционных кризисов, которые поставили под сомнение ее идентичность, миграционную политику и целостность Европейского союза. Пик миграционной проблемы пришелся на 2015 год.

2015 год был ознаменован для Европы огромным увеличением потока мигрантов и беженцев и с Ближнего Востока, и из Африки. При рассмотрении общей статистики количества заявок мигрантов в европейские страны именно на 2015 год (компьютерная система EASY (Erstverteilung der Asylbegehrenden)) зарегистрированными приходится 900623 человек на период с сентября 2015 года до конца 2016 года. И среди зарегистрированных беженцев самое большое количество приходится на Германию. Так, на её долю приходится около 43% поданных заявок и это ещё при учете, что процесс предоставления статуса беженца в Германии был усложнен накануне 2015 года. Более того, при анализе процентного соотношения основного населения и беженцев, то можно прийти к выводу, что практически 20% населения Германии являются либо мигрантами, либо их потомками [1]. Данный показатель для стран Европы является весьма высоким. Поэтому, в последнее время, все чаще поднимают вопрос беженцев как в странах, так и в особенности в Германии с Францией.

Анализ и исследование опыта германского государства принятия иммигрантов в собственную страну, а также способов и путей преодоления миграционного кризиса и разрешения данной ситуации является актуальным и, более того, обладают давней традицией приема мигрантов, а также до как раз-таки относительно недавнего времени считается одним из активных проводников политики мультикультурализма.

Следовательно, вырисовывается вопрос: чем же объясняется притягательность Германии для иммиграции? Во-первых, это зависит от законодательства Германии. Ведь на законодательном уровне в современной Германии весьма-таки высокий уровень жизни, заработной платы и социальной защищенности населения, а также комфортные условия труда в сравнении с другими развитыми европейскими государствами. Сама система социальной защиты в Германии пустила корни ещё в период канцлерства О. фон Бисмарка и, начиная с того време-

ни, беспрестанно эволюционировала, следствием чего стало, что Германия вышла на уровень одних из самых развитых стран в мире.

В 70-е гг. XX в. на территории германского государства была проведена широкомасштабная реформа социального законодательства. В ходе ее проведения в 1975 году под новой редакцией была принята книга первая под названием «Общие положения» Социального кодекса. И в течении всего лишь года была разработано и выпущено еще 3 таких работ. И уже в 1976 году на свет вышла книга четвертая, которая дополняла первую и содержала аспекты по социальному страхованию населения. Данная книга вышла под названием «Положения о социальном страховании». Что касается последующих книг, то их разработка уже шла намного медленнее предыдущих. Тем самым книга пятая «Медицинское страхование» вышла лишь в 1988 году. Годом следом была переработана шестая книга Социального кодекса, в которой уделялись на рассмотрении вопросы пенсионного страхования. Однако, начатый процесс в 1989 году, не завершился и до настоящего времени.

Но если брать общее количество книг по социальному законодательству, то получается целых 12 книг Социального кодекса. Следовательно, это позволяет говорить о том, что к началу XX века и в целом на протяжении XX века и нынешнего времени в Германии складывался и складывается особый комплекс правовых норм в виде «социального законодательства», что не может не являться одним из основных факторов притягательности страны для мигрантов. Ведь те условия защиты и правового обеспечения населения Германия представленных в её социальном законодательстве не могут не привлекать не только беженцев, но и представителей других стран. Ведь каждый заботится о своем, как и в социальном, так и в правовом положении и желает иметь прочный фундамент опоры защиты государством его жизни, жизни его родных и близких и надления их и себя материальной поддержкой.

Во-вторых, при рассмотрении привлекательности германского государства, необходимо учитывать и исторические причины миграции в Германию. Так, истоком притягательности Германии, является её политика привлечения иммигрантов. Она была начата после Второй мировой войны. Это было связано с тем, что потребности экономики ФРГ росли в обеспечении предприятий рабочей силой для достижения необходимых темпов экономического роста, которые были нужны, чтобы государство нормально функционировало и не отставало от других европейских держав.

Это вызвало огромный приток беженцев в страну. И тем самым пик трудовой миграции был достигнут уже в 1960-е годы, когда Германия активно принимала иммигрантов из Южной Европы (Италии, Испании, Греции, Португалии, Югославии), а затем из Турции, Марокко и Туниса на основе двусторонних соглашений. Также массовая иммиграция в Германию была также обусловлена и тем, что в Турции на этот период пришелся высокий уровень безработицы и поэтому большинство турок уезжало в Германию.

К 1973 году число мигрантов в Германии достигло почти 2 млн человек, после чего правительством было решено, что необходимо ограничить их въезд.

Следующая волна иммиграции в Германию пришлось на конец 80-ых XX века. Так с 1988 года более 1,4 млн человек подали заявления о предоставлении убежища на территории Германии. В основном это были выходцы из стран Восточной Европы, бывшего СССР и Турции. В начале 2000-х гг. увеличился приток мигрантов из Боснии и Герцеговины, Косово и других регионов бывшей Югославии. Тем самым на настоящее время в Германии

проживает свыше 10 млн иностранцев, среди которых перевес имеет турецкая диаспора [5, с. 10].

В-третьих, необходимо принять во внимание последние изменения не только в социальном законодательстве, но и в миграционном законодательстве страны, которое на протяжении нескольких десятилетий расширялось и вносило упрощающие процедуры въезда мигрантов в страну. Так, в 1990 году правительством был разработан Закон о въезде и пребывании иностранцев на территории ФРГ, а в 1993 году вступил в силу Закон об убежище, затем в этом же году выходит Закон о реорганизации услуг беженцам. Если рассматривать законы ближе к 2000-м годам, то можно выделить следующие:

В 2000 году в Германии была введена в действие программа, под наименованием «Зеленая карта». Она была разработана с целью привлечь из стран Ближнего Зарубежья иностранных IT-специалистов из стран, то есть не входящих в Европейский Союз [6, с. 45] в 2009 и 2012 годах были предприняты также меры, которые включали нормативы Европейского союза по высококвалифицированным специалистам, введение так называемой европейской «Blue Card». В 2011 году в декабре правительство Германии согласовало проект закона, вносящий изменения в действие данной программы под наименованием «голубая карта». Запущенная ещё с мая 2009 года соответствующая программа не только облегчала въезд в страну специалистам в области IT сфер не из стран Европейского союза, но и помогала им в трудоустройстве в качестве высококвалифицированных специалистов на довольно-таки долгий срок с облегченной процедурой продлить визу.

После этого действие карты распространилось и на любые другие высококвалифицированных сотрудников не из стран ЕС. Для этого был разработан соответствующий закон: «Об улучшении признания полученных за границей квалификаций». Его подписание состоялось в конце сентября 2011 года в Бундестаге, а сам закон был согласован в начале ноября 2011 года в Верхней палате. Вступил в силу он с 1 апреля 2012 года. Вехой в аттестационной практике в Германии является введение права на оценку около 350 нерегламентированных ранее специальностей.

В-четвертых, нужно отметить, что мигрантов также привлекает концепция «равного распределения», а также «программа гармонизации межкультурных отношений», что также является фактором высокого уровня развития в стране в целом, а также говорит о высоком качестве жизни. Уже начиная с середины 1970-х годов на территории Германии работают специальные языковые школы для мигрантов (в начале создания данные школы были направлены преимущественно для турок), и практически во всех из них действует принцип изучения языка детьми совместно с родителями (есть примеры, когда матери, которые сами по происхождению немки, посещают данные занятия со своими детьми и помогают им делать уроки, тем самым они и сами лучше осваивают немецкий язык более быстрыми темпами в целях более быстрого вливания в общество).

Существуют также многократные практики обучения детей мигрантов и беженцев в обычных немецких школах. Однако, в этом есть свои нюансы, а именно существуют следующие трудности: с одной стороны, детям мигрантов довольно-таки сложно быстро включаться в изучение большого количества предметов на неродном языке, то есть на немецком языке, с другой стороны – в целях облегчения процесса восприятия нового материала мигрантами, большинство учителей стараются вести уроки и сложные тематики, где

необходимо долгое и монотонное повествование, более простым и понятным языком, однако это негативно может отразиться на уровне образования детей из коренных немецких семей, которые желают получить образование на должном уровне, а не на элементарных примерах и объяснениях [5, с. 14].

Помимо привлекательности Германии как страны для мигрантов и беженцев, нужно выделить и основные причины, в ходе которых непосредственно сами мигранты покидают свои страны либо же вынужденно делают это:

1. В Африке и на Ближнем Востоке произошел скачек в демографическом приросте населения, который породил серьезные трудности в экономике и социальной сфере;

2. Довольно-таки упрощенная система переезда в европейские страны [2, с. 14], а также сама политика приема мигрантов;

3. Рост массового обнищания населения в странах Африки и Ближнего Востока, что стало следствием экстремистских настроений, что является последствием внутренней политики правительств данных стран;

4. Участвовавший рост вооруженных конфликтов в регионах Африки и Ближнего Востока, которые побуждали население данных регионов к миграции и поиску стран, где они могли бы получить статус беженцев [1].

Но, стоит отметить, что при перечислении факторов привлечения мигрантов в Германию, мною не было учтено, что огромное значение в привлечении высококвалифицированных специалистов играют и непосредственно университеты, расположенные в Германии. В середине 1990-х годов доля иностранцев среди поступавших в университеты составляла только 14%, а уже к 2013 году данный процент возрос уже до 20%. В общей численности обучающихся в немецких вузах доля иностранцев за тот же период возросла с 7% до 11,5%. Для сравнения приведу следующие данные:

- Во данных на 2013 год доля лиц, которые получили аттестат о среднем образовании, среди граждан Германии составляла около 72,9% у мужчин и приблизительно 65,6% – у женщин;

- В то же самое время среди лиц среди прибывших в Германию в статусе беженца либо мигранта процентное соотношение составило примерно 43,5% и 40,3%, соответственно;

- Доля немецкого населения с дипломом об окончании университета составляет около 9,2% среди мужчин и 7,3% среди женщин;

- Среди же лиц, которые являются мигрантами, их доля как обладателей диплома о высшем образовании оказалась выше. Тем самым среди женщин: 7,3% и 8,7% среди мужчин соответственно [3, с. 38].

Также за период с 2001 по 2010 гг. на Германию пришлось около 7,4% иммигрантов, вовлечённых в создание патентов. Это второе место после США в мире.

Тем самым, проведя анализ, можно прийти к выводу, что в сумме доля иммигрантов как авторов всех патентов и их доля в прорывных патентах стран характерно, что концентрация иммигрантов считается среди авторов наиболее цитируемыми патентами. Так, в Германии доля иммигрантов как авторов патентов составляет 20% среди авторов всех прорывных патентов. Однако при сравнении с другими европейскими странами данный показатель невысокий.

Таким образом, мигранты участвуют в создании наиболее ценных и востребованных изобретений и технологий. Однако показатель Германии довольно-таки в этом низкий. Но, с другой стороны, за счет увеличения числа

мигрантов, увеличивается и количество преступлений как административных, что не особо опасно, так и уголовных, что уже пугает большинство населения, идет рост насилий и произволов в стране за счет роста численности радикальных мусульман, а также это ведет к росту экстремистских и террористических движений, следовательно растет возмущение со стороны коренных граждан.

На этом фоне быстро набирают популярность радикальные правые партии, которые выступают за ужесточение иммиграционной политики и требуют этого от правительства Германии, также они выдвигают лозунги против приема иммигрантов, беженцев и (или) мусульман. К примеру, можно привести партии: «Альтернатива для Германии» и «ПЕГИДА» («Патриотические европейцы против исламизации Запада»).

Свое решение позволить всем желающим беспрепятственно пересечь германскую границу федеральный канцлер ФРГ А. Меркель объявила на партийном съезде ХДС/ХСС в конце 2015 года и назвала данную политику формой проявления «гуманитарного императива». Однако большинство граждан, практически 81%, считает, что правительство их страны не всегда справляется с растущим миграционным кризисом.

Работа кабинета министров не устраивает 61% опрошенных, а рейтинг Ангелы Меркель оказался самым низким с августа 2011 года. Опрос, который был проведен исследовательским институтом GfK от имени Фонда British American Tobacco в Гамбурге, привели следующие выводы по общественному настроению в Германии: более половины опрошенных в 2015 году коренных граждан обеспокоены будущим. Около 55% опрошенных сказали, что они испытывают чувство неопределенности при взгляде в сторону будущего 2016 года (показатель значительно увеличен по сравнению с 31% в конце 2014 года и 28% в 2013 году) [4, с. 354].

Более того, обеспокоенность среди коренного населения Германии возникает и из-за формирующихся диаспор внутри пределов страны. Так самой активной и большой является турецкая диаспора [5, с. 32]. Турки принимают все более активное участие в развитии страны, преподавание в некоторых школах введется на турецком языке, создаются телеканалы на языке этнических меньшинств, все быстрее и быстрее прогрессирует процесс исламизации. Так, практически в каждом городе Германии имеются мечети, более того их количество все больше растет.

Главным идеологом движения против одобрения всем беженцам въезжать в пределы страны выступает вышеупомянутая партия «Альтернатива для Германии», рейтинг которой среди населения Германии вырос за счет предложений ужесточения мер в отношении пребывания мигрантов в стране и пересечения границ. В некоторых регионах AFD опережает по показателям даже социал-демократов. «Альтернатива для Германии» выступает против помощи бедным странам Южной Европы, за ужесточение миграционной политики, ограничение влияния банков, сохранение немецкой культуры и это лишь малость того, что добивается AFD. Главными задачами данной партии являются снижение уровня преступности, реформирование налоговых систем и противостояние исламу. В ответ на эти требования правительство Германии только увеличивает ассигнования на реализацию проектов, направленных на улучшение прибывшего населения и сглаживания этнокультурных конфликтов. Их программа гласит: вернуть пограничные посты на границе Германии; ограничить вероисповедания, которые противоречат германским ценностям;

закрывать все медресе, а учение ислама оставить лишь на уроках этики; ограничить иностранное финансирование строительства мечетей и другие.

Партии же ХДС/ХСС в парламенте Германии утрачивают лидирующие позиции, но не уступают все-таки свое первостепенное место остальным партиям. Их авторитет пошатнулся за счет того, что партия выступает с идеями либеральных мер поддержания мигрантов. Так партия ХДС/ХСС предлагает ввести двойное гражданство, а также своими основными задачами ставит благоустройство мигрантов. Так, одними из положений программы данной партии являются: снижение уровня безработицы до 3%; предлагается принять закон об иммиграции «специалистов высокой квалификации», а долю расходов на науку повысить до 3,5 процента (с нынешних трех процентов); введение для семей с детьми специальных выплат для приобретения ими жилья в размере до 1200 евро ежегодно на каждого ребенка (на протяжении 10 лет) и другие.

Таким образом, миграционный поток 2015 года носит с собой спорный характер. С одной стороны, огромное количество беженцев служит фактором дезорганизации внутривнутриполитической жизни, так как из-за этого правительству приходится составлять новые стандарты и программы обучения, а также программы, связанные с интеграцией беженцев и основного населения; находить быстрые решения по преодолению возникающих кризисных ситуаций, возникающих из-за приема мигрантов; усиливать службы контроля, с целью предотвращения увеличения возникающих преступлений из-за увеличивающегося потока беженцев и роста их радикальных движений.

Но, с другой стороны, нужно подчеркнуть, что фундаментальные проблемы внутри немецкого общества в основном связаны с восприятием мигрантов с Ближнего Востока, в то время как данный поток мигрантов служит хорошей рабочей силой, в которой в определенной мере нуждается немецкий бизнес, а также источником специалистов, готовых к интеграции в трудовую систему Германии и к открытию частного бизнеса, предоставляющего рабочие места и коренному населению. Следовательно, в основном коренное население не желает мириться с тем, что возрастает доля бюджетных трат направленных на устройство мигрантов в Германии, в чем роль топлива конфликта в определенной мере играют СМИ.

Литература

1. Бурдо В. В. Современная миграционная политика Германии: состояние и проблемы. Международный студенческий научный вестник. 2018. № 1. С. 108.
2. Гасанов Р. М. Миграционный кризис в Европе. Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. №7. С. 11-22.
3. Кондратьева Н. Б., Потёмкина О. Ю. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. Доклады Института Европы. 2016. №3. С. 143-145.
4. Кусик О. А. Миграционный вопрос: конфликт власти и бизнеса в Германии. Молодой ученый. 2016. №30. С. 351-357.
5. Осипов Г. В., Рязанцев С. В., Миграционный кризис и формирование мусульманских общин Европы: тенденции и последствия. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. 116 с.
6. Ягофарова И. Д. Анализ современного состояния миграционных процессов в Германии и Австрии. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. №1. С. 43-48.

THE GERMAN POSITION IN THE MIGRATION CRISIS OF 2015**D.R. Mullina, D.V. Shmelev**Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The report analyses Germany's position in the migration crisis of 2015. The current migration policy of Germany and its particularities, the position of the German government of Angela Merkel during the migration crisis, the position of the main political parties, from the far right to the far left. The report analysed the main aspects of German immigration policy, its development and its evolution as a result of the migration crisis. Various data show that in recent decades Germany has been implementing a number of measures aimed at the early integration of immigrants into the host society, there is a deliberate policy of adaptation (multiculturalism or interculturalism).

Keywords: Germany, immigration, migrant crisis, migration policy, refugees.

Авторы публикации

Муллина Диляра Ринатовна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. dilyara_rinatovnochka@mail.ru

Шмелев Дмитрий Викторович, д-р ист. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. DVShmelev@kpfu.ru

Authors of the publication

Dilyara R. Mullina, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. dilyara_rinatovnochka@mail.ru

Dmitriy V. Shmelev, Doctor of historical sciences, professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. DVShmelev@kpfu.ru

ТРАКТАТ БАЛЬДАССАРА КАСТИЛЬОНЕ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИФИКИ ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ ИТАЛИИ XV–XVI ВВ.

*Ю.И. Назарова, Н.А. Шадрина

*yulechka-nazarova-99@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется трактат «О придворном» Бальдассаре Кастильоне, одного из виднейших представителей итальянской аристократии, дипломата и писателя. Трактат был создан в XVI в. и касается периода службы Бальдассаре Кастильон при дворе Гвидо-бальдо да Монтефельтро, герцога Урбинского. На страницах сочинения приводятся рассуждения о физических и моральных качествах идеального придворного, способах и обстоятельствах, при которых придворный должен подтвердить эти качества, представлен здесь образ «дворцовой дамы», а также мысли об отношениях придворного и его господина.

В данном исследовании сочинение итальянского аристократа рассматривается как источник для изучения специфики образа придворного в эпоху Возрождения в Италии. Автор статьи анализируются ключевые характеристики «идеального придворного», приводимые Бальдассаре Кастильоне, а также то, в какой степени данные характеристики соответствуют ренессансным идеям приоритета свободной творческой личности.

Ключевые слова: гуманизм, придворное общество, Бальдассаре Кастильоне, Италия, Возрождение, культура.

Эпоха Возрождения – пожалуй, одна из самых ярких эпох не только в истории европейской цивилизации, но и в мировой истории. Центром развития культуры Возрождения стала Италия, где Ренессанс сформировался на почве, изжившей себя, системы феодальных отношений в начале XIV в. Предпосылками складывания культуры Возрождения стали, помимо прочего, быстрый рост городского самоуправления и экономическая автономия крупных городов Италии, что само по себе являлось, своего рода, отражением идей античной культуры. В сфере миропонимания в этот период происходит революционный переворот: теоцентрическую модель видения мира сменяет антропоцентрическая; появляется новое мировоззрение – гуманизм, в центре которого находится человек, его творческие силы, индивидуальность и достоинство; презрению к миру и средневековой аскезе Ренессанс противопоставляет античный эпикуреизм, этику наслаждения, преклонения перед красотой человеческого тела; знания перестают быть монополией церкви, развивается натурфилософия, человек желает узнавать и осваивать новое.

Все эти новшества возрожденческого мировоззрения нашли отражение и в придворной культуре Италии этого периода. В контексте развития новых взглядов на мир происходит реабилитация идеи о радости повседневной жизни, которая становится «бесконечным праздником бытия» [4, с. 212]. Идеализированные формы античного поведения, ориентация на развлечения, следование этикету при ведении интеллектуальных бесед неизменно ассоциируется именно с эпохой Возрождения, а в рамках этой эпохи – с Италией и такими блестящими дворами, как дворы Медичи, д'Эсте, Гонзага и Сфорца.

Отвечая веяниям времени, под влиянием новых идей, идей приоритета человеческой личности, ее творческих способностей, формируется новый социальный слой – слой гуманистов. Представители этой социальной группы отстаивали совершенно новые, противоположные средневековым идеи. Средневековый мир был знаком с рыцарем, призванным защищать общество, знал духовное лицо, хлопотавшего о душе, а иногда и о теле, а также крестьянина, неустанным трудом

кормившего всех. Но светский ученый, проповедник и учитель в одном лице – был совершенно нетипичным для Средневековья явлением, а именно эти функции сочетали в себе гуманисты. Гуманисты становятся «лицом эпохи», они находят себе место при знатных дворах Италии, под их влиянием трансформируется средневековая культура, поэтому закономерно, что именно придворная культура превращается в одно из специфических проявлений культуры Возрождения. В XV–XVI вв. происходит изменение социальной роли итальянского аристократа – он становится более придворным, нежели рыцарем. От придворного требуются совсем иные качества, чем от воинственной знати Средних веков: чтобы блистать при дворе, необходимо обладать определенными знаниями, а также умением красиво их подать. Когда стремление к совершенствованию личности сочеталось с действительно сильной натурой, способной овладеть всеми областями тогдашнего образования, то возникал «разносторонний человек» – достояние гуманистической Италии [3, с. 105]. Поэтому культура Возрождения по праву считается культурой двора, «академии», «салона». Неудивительно, что многие дети из знатных семей получали образование и воспитание именно при дворах. Предпочтение отдавалась обучению манерам высокого общения и благородным телесным упражнениям, в чём, безусловно, отражалась гуманистическая задача эпохи – создание нового человека. Назидательной целью создать образ этого самого идеального человека, идеального придворного, задался и один из современников эпохи – Бальдассаре Кастильоне.

Итальянский дипломат, деятель культуры, писатель, гуманист Бальдассаре Кастильоне значительную часть своей жизни провел на службе при дворе Урбинского герцога Гвидобальдо да Монтефельтро, которой и посвятил свой главный труд – «Книга о придворном» [1, с. 466–568]. В своем сочинении автор, предпринял попытку решить задачу эпохи – создать образ идеального человека, причем в среде, где гуманистические воззрения были наиболее широко распространены, в среде придворной.

«Книга о Придворном», написанная Бальдассарем Кастильоне, становится своеобразным портретом Урбинского двора, который живет по канонам гуманизма. Работу над книгой автор начал после смерти герцога Урбинского, запечатлев, тем самым, свежие воспоминания о событиях того времени, но примечательно, что завершена она была лишь спустя почти 20 лет, после нескольких редакций. Сочинение Бальдассаре Кастильоне написано в форме изящных и непринужденных бесед, будто бы происходивших в течение четырёх мартовских вечеров [5, с. 344]. «Книга о придворном» разделена на четыре части: в первой книге граф Лодовико да Каносса описывает образ совершенного придворного; во второй книге Федерико Фрегосо рассуждает о том, как лучше выявлять качества идеального придворного, эту тему, сопровождая различными «историями», продолжает Бернардо Бибиена; третья книга содержит рассуждения Джулиано деи Медичи об идеальной женщине и придворной даме, в частности; в четвертой книге Оттавиано Фрегосо рассуждает об отношениях придворного со своим князем, а Пьетро Бембо (в те годы он служил у герцога Урбинского) излагает платоновскую теорию любви и красоты применительно к долгу придворного. Все участники бесед – аристократы, лица исторические и вполне достоверные, их деятельность была связана с придворной, военной, церковной или государственной службой [5, с. 344]. Стоит сказать, что каждая из этих светских бесед хоть и имеет определенную тематику, однако не идет в раз и навсегда установленном русле. В

каждой части есть непринужденные отступления, придающие более живой характер всему тексту.

В первой части работы Бальдассаре Кастильоне рисуется, как уже было отмечено, образ идеального придворного и решается этот образ в принципиально гуманистическом ключе. Первое, с чего граф Лодовико да Каносса, епископ, папский нунций при французском дворе и друг Рафаэля и Эразма Роттердамского [1, с. 492], от лица которого ведется повествование, начинает создание образа Придворного, – это происхождение. На созданный Бальдассаром Кастильоне образ идеального придворного, безусловно, повлияли его личные предпочтения. Поскольку сам автор, Бальдассаре Кастильоне, был дворянином, то идеальный во всех отношениях придворный должен был быть непременно благородного происхождения. И это обстоятельство накладывает на него определенного рода ответственность и обязанности. Человеку благородному высшей степени невежеством считается игнорирование трудов добродетели: «знатные считают зазорным не достичь хотя бы того предела, что указан им их предками» [1, с. 493]. Таким легкомысленным отношением, прежде всего, он очерняет свой род, что крайне осуждалось светским обществом и вело к потере всяческого авторитета в среде придворного общества. Поэтому считалось важным не только вырасти до уровня определенных знаний и умений, которые были достигнуты предками, но и превзойти их. Отсюда вытекает вторая характерная особенность, которой граф наделяет своё творение, – благородство. Это благородство должно было проявиться как в изяществе его манеры поведения и освоенных им физических и интеллектуальных знаний, так и во внешнем облике. В целом, для человека благородного происхождения, проводившего много времени в кругу интеллигенции, следуя мысли Лодовико, было бы эстетически верным иметь красивую осанку, лицо и гармоничную фигуру, которая не должна быть ни слишком крупной, ни слишком маленькой, поскольку и то и другое вызывает брезгливое недоумение [1, с. 501]. Словом, все в нем должно быть совершенным и производить на окружающих приятное впечатление.

Но, несмотря на важность внешних характеристик, большее значение в трактате придается воспитанию именно физических и нравственных качеств, которые и делают человека поистине благородным. В соответствии с запросами времени, в любом человеке благородного происхождения качества воина и ученого подобающим образом должны были сочетаться и дополнять друг друга. Так, настоящее призвание придворного Лодовико видит в военном деле: «чем более совершенства выкажет наш придворный в военном искусстве, тем более он будет достоин одобрения» [1, с. 497]. Уровень воина проверялся не количеством его побед, а степенью отваги и доблести, причем война далеко не всегда заканчивалась победой: «если мы не пойдем прямой дорогой, то не покажем себя воинами, сражающимися за правое дело» [4, с. 217]. Исходя из требований воинской доблести, придворный должен был иметь сильное тело, чтобы он проворно и ловко справлялся со всеми физическими упражнениями необходимыми для воина такими, как плавание, бег, искусство борьбы, вольтижировка на коне, охота, владение любым оружием и для пешего, и для конного боя [1, с. 502]. Но даже говоря о тех навыках, которые считаются необходимыми в военном искусстве нужно понимать, что в контексте данной эпохи военные действия были направлены, скорее, на демонстрацию отваги и доблести, что соответствовало нормам еще средневековой рыцарской этики, таким образом, мы видим, своего рода, переходность гуманистического идеала придворного, со-

четавшего как нововременные, так и средневековые представления. При этом эпоха Возрождения в представлении о человеке, зачастую, руководствуется такими постулатами, как трезвый эгоизм и развитие собственного «я», что часто идет вразрез с первостепенной задачей придворного – служению государю. Здесь необходимо отметить, что особенности образа мышления воина, основываются, как мы видим, не на идеалах защиты государства или своего короля, господина, герцога, а на, провозглашенных гуманизмом, идеях превознесения достоинств личности. Тем самым, очевидно, что итальянский воин этого времени представляет собой обновленный тип средневекового рыцаря, который, следуя мысли Лодовика да Каносса, именно в военном мастерстве может проявить себя универсальным и совершенным во всех отношениях человеком.

Однако, помимо превосходной военной выучки, идеальному во всех отношениях придворному необходимо быть совершенным и в духовном развитии. Частью подобного развития являлось педантичное соблюдение норм этикета [4, с. 211]. Так, например, в светских кругах не терпели надменного поведения: «пусть будет тот суровым, смелым и всегда среди первых тогда, когда предстоит иметь дело с врагами; в любых же других обстоятельствах – человеческим, скромным, сдержанным, избегающим более всего бесстыдного самохвальства» [1, с. 498]. От идеального придворного требовалось присутствие духа и благоразумия, чтобы не совершать необдуманных поступков и не навлекать на себя позора. Придворный обязан быть интересным собеседником, в частности для дам, в чем можно увидеть отголоски позднесредневековой куртуазности. Ему надлежит держаться любезно с каждым из гостей, шутить, смеяться, острить и танцевать, чтобы его не сочли скучным. Но все эти достоинства мало чего бы стоили, если бы придворный не был обучен искусству письма и умению красиво и верно излагать свои мысли. Тем самым, главным и истинным украшением придворного становилась его образованность. Причем, предпочтение отдавалось знанию гуманитарных наук. Лодовико высказал желание, чтобы его придворный был начитан в поэтах, умел играть на музыкальных инструментах и обладал даром рисования, что, следуя его мысли, должно было «избавить дам от скуки». Особенное внимание уделялось знанию греческого и латинского языков, «на которых было написано о многообразных вещах» [1, с. 532]. Также знание других языков, таких как испанский или французский, говорило о высоком уровне образованности.

Еще одним своеобразным качеством идеального придворного, которое должно стать неотъемлемой и даже ключевой составляющей его образа становится для Бальдассара Кастильоне грация. С неё всё начинается ей и завершается каждое из присвоенных придворному достоинств. Стоит сказать, что о грации рассуждали и до Бальдассара Кастильоне, но он тот, кто впервые ставит это понятие во главе угла [2, с. 88]. «Универсальная приправа» [1, с. 505] – грация – не есть норма или правило, это сугубо индивидуальная внутренняя мера и для каждого она своя [2, с. 89]. Грация не руководствуется никакими законами, её главным и истинным источником является одно – чувство меры. Грации здесь противопоставляется аффектация, которая своей чрезмерной старательностью и законченностью лишает человека грациозности: «истинное искусство то, которое не кажется искусством» [1, с. 507]. Всякий человек знает, какого труда ему стоило то или иное действие, но восхищения вызывает исполнение этого действия лишь в том случае, когда настойчивое старание не будет никем обнаружено. То же касается и раскованности: чрезмерный показ беззаботности – это проявление крайней степени озабоченности, что и

есть аффектация [1, с. 509]. Поэтому грации нельзя научиться, это своеобразная образцовость, достоинство человека. И, по всей вероятности, грация является выражением сущности возрожденческой культуры, для которой идеалом становится абсолютная гармония личности.

В заключении можно сделать выводы о том, что в контексте становления и развития культуры Возрождения в Италии происходит своеобразная реабилитация человеческой повседневности, выраженная в стремлении к приукрашиванию жизненных форм; идеализированные формы поведения, характерные для античности, переносились в жизнь современного человека: люди благородного происхождения проводили время в интеллектуальном общении с единомышленниками в придворных кружках и академиях. В рамках гуманистической идеологии человек мыслился как самоценная творческая единица, венец творения и центр мироздания. Именно поэтому задачей эпохи становилось создание нового гармоничного и совершенного во всех отношениях человека. Попытку представить такой идеал предпринял автор трактата «Книга о Придворном» итальянский дипломат и гуманист Бальдассаре Кастильоне. Требуя от придворного высокого искусства в его деятельности, Кастильоне и сам создает как произведение искусства идеальный образ придворного [5, с. 344]. Он наделил его всеми достоинствами разностороннего и воспитанного человека. Придворный – человек благородного происхождения, красив и умён, отважен и скромн, любезен и остроумен, учтив и талантлив. Он располагает обширными знаниями в военном деле и этикете, знает языки и одарен талантами поэта, музыканта и художника. Представленный Кастильоне поэтрет «совершенного придворного» не только знаменует собой целый самостоятельный этап в эволюции индивидуализма, но и иллюстрирует всё ещё сохраняющуюся органическую связь гуманистического идеала личности с некоторыми средневековыми идеями. Несомненно, новый человек и его этика отличается от того же рыцарского этоса, однако здесь речь идет не о полном разрыве, а, скорее, о преемственности и трансформации средневековых представлений в контексте возрожденческой культуры. В отличие от средневекового рыцаря, идеальный придворный Бальдассаре Кастильоне озабочен больше совершенствованием собственной личности, чем службой правителю, что и лежит, по сути, в основе нового мировоззрения – гуманизма.

Литература

1. Baldassare Castiglione. Il Cortegiano. / Пер. с итальянского О. Ф. Кудрявцева. Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М.: Юристь, 1996. С. 466-568.
2. Баткин Л. М. На пути к понятию личности: Кастильоне о «грации»/ отв. ред. В. И. Рутенбург. Культура возрождения и общество М.: Наука, 1986. 232 с.
3. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 2001. 543 с.
4. Козьякова М. И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до XX века. М.: Весь Мир, 2002. 360 с.
5. Шестаков В. П. Эстетика Ренессанса. М.: Искусство, 1981. 495 с.

**BALDASSAR CASTIGLIONE'S TREATISE AS A SOURCE FOR STUDYING
THE SPECIFICS OF COURT LIFE IN ITALY IN THE XV-XVI CENTURIES****Yu.I. Nazarova, N.A. Shadrina**Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article analyzes the treatise "The book of the courtier" Baldassar Castiglione, one of the most prominent representatives of the Italian aristocracy, diplomat and writer. The treatise was written in the 16th century. and concerns the period of service of Baldassare Castiglione at the court of Guidobaldo da Montefeltro, Duke of Urbino. On the pages of the essay, discussions are given about the physical and moral qualities of the ideal courtier, the ways and circumstances under which the courtier must confirm these qualities, the image of the "palace lady" is presented here, as well as thoughts about the relationship between the courtier and his master.

In this study, the essay of an Italian aristocrat is considered as a source for studying the specifics of the image of the courtier in the Renaissance in Italy. The author of the article analyzes the key characteristics of the "ideal courtier" given by Baldassare Castiglione, as well as the extent to which these characteristics correspond to the Renaissance ideas of the priority of a free creative personality.

Keywords: humanism, court society, Baldassar Castiglione's, Italy, Renaissance, culture.

Авторы публикации

Назарова Юлия Игоревна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. yulechka-nazarova-99@mail.ru

Шадрина Наталья Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. shadrina_nata@list.ru

Authors of the publication

Yuliya I. Nazarova, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. yulechka-nazarova-99@mail.ru

Nataliya A. Shadrina, Candidate of historical sciences, docent, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. shadrina_nata@list.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ГРЕКО-ВОСТОЧНОМ МИРЕ ПО СВЕДЕНИЯМ ГОМЕРА, ГЕРОДОТА И ПЛУТАРХА

*Е.С. Онищенко, Э.В. Рунг
*zhenya.onichenko1996@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации способов невербального общения в истории. В данном случае, в Античной Греции. В работе проводится анализ трудов древнегреческих авторов Гомера, Геродота и Плутарха на предмет выявления их представлений о неязыковых формах коммуникации и целях употребления этих элементов в нарративе. Геродот и Плутарх обращаются к наследию своих предшественников для поиска наиболее подходящих и важных для них элементов повествования. Например, через описание невербальных коммуникаций передает если не общезллинские ценности, то свои взгляды на мир. Благодаря традиции, заложенной Геродотом в своей «Истории», Херонейский автор в ярких красках описывает чуждый эллинам варварский мир, обряды и ценности которого его герои, к примеру, Александра Македонского, вынуждены соблюдать. По итогу анализа выделяются три условные категории использования невербальных коммуникаций древнегреческими авторами.

Ключевые слова: Древняя Греция, невербальные коммуникации, история, Геродот, Гомер, Плутарх, жест.

Под невербальными коммуникациями в современной науке подразумевается термин, охватывающий все аспекты коммуникации, которые выражаются без использования внешнего, произносимого языка. Жесты, положения тела, выражения лица, факторы контекста, предвосхищение и т.п. Все это попадает в сферу компонентов коммуникационной системы, которая передает информацию без использования того, что является специфически лингвистическим. Что касается самого невербального поведения как предмета конкретно психологической науки, то здесь оно понимается, прежде всего, как система несловесных форм психического функционирования, позволяющих распознавать психологические и психофизические свойства и состояния говорящего. Однако если для психолога главной проблемой является интерпретации невербального поведения, то для историка – это проблема идентификации и интерпретации невербального общения в культурно-историческом контексте. Различные проявления невербальных коммуникаций в социальном взаимодействии свидетельствуют об интенсивности переживаний, о качестве и направленности отношений, о культурной и групповой принадлежности. Средства данного способа передачи информации, могут нести самостоятельные сведения о человеке независимо от его речи. Одним из проявлений невербальных коммуникаций принято считать жесты, которые сопровождают речь или заменяют ее; при этом они говорят об отношении человека к какому-то лицу, событию или предмету. Термин «жесты» понимается как движения рук или кистей рук, но зачастую используется для обозначения всех движений тела. Однако круг невербальных элементов общения не ограничивается лишь жестовыми приемами. Существуют и фонетические средства. К такому относится плач и покашливание, все возможные интонационные и речевые акценты, такие как паузы, изменения тембра голоса, логические ударения на определенных словах. Обращение к этим частям невербальных коммуникаций позволит нам более полно понять многие аспекты жизни древних обществ. В данной работе наш выбор остановится на Античном мире. Фиксация таких жестов, как, например, поцелуй и рукопожатия в исторических источниках не является редкостью. Древние авторы включают описание использования невербальных коммуникаций в повествование по нескольким причинам. Во-первых, в качестве стилистического приема, традиция которого восходит к

Гомеровским эпосам. Достаточно широкое поле для творчества, характерное эпическому жанру, позволяло автору быть менее ограниченным в описании слов и действий создаваемых героев. Ахиллес, Гектор, Одиссей и другие персонажи эпического сказания – герои далеко минувшего прошлого уже для Гомера. Но для поэта все они олицетворяют определенную совокупность человеческих ценностей. К примеру, красноречив эпизод посещения матерью Ахиллеса бога Гефеста и его супруги: «За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала: “Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь, милая нам и почтенная? Редко ты нас посещаешь.”» (Ном. II. 18.385) [3, с. 268]. Через одно лишь прикосновение Гомер передает своему слушателю трогательность момента и подчеркивает гостеприимство, которое было так важно для греков. У Гомера также отчетливо видно наделение рукопожатия сакральной силой: «Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих. Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!» (Ном. II. 23.75) [3, с. 323]. Подобным жестом связывается уже погибший Патрокол с Ахиллесом. Он олицетворяет неземную связь между героями эпоса. Через это прикосновение друг Ахиллеса в последний раз проникает в земной мир. Американский антрополог Д. Латейнер в статье «Nonverbal communication in the Histories of Herodotus» пишет, что гомеровед Левин тщательно изучил структурное использование смеха, улыбок и слез в «Одиссее». И герои, и злодеи умеют смеяться, но улыбаются только хорошие парни. Их улыбки могут выражать привязанность, примирительный дух или осознание превосходящего знания или силы (часто предвосхищая желаемый результат, особенно падение женихов) [9, с. 86]. Его тезис состоит в том, что этот значительный жест концентрируется на общих темах: здесь аморальная одержимость женихов своими собственными удовольствиями и их увлечение, а также растущий гнев Одиссея и растущая уверенность в том, что он сможет наказать тех, кто оскорбил богов, себя и свой дом. Истерический смех женихов над пророчеством Феоклимена заглушает все более ранние сигналы (и сопровождается зловещими предзнаменованиями, Божественной невербальной коммуникацией), обеспечивая стержень для сюжета: он подводит итог их более ранним преступлениям и смотрит на их снисходительное наказание. Швейцарский филолог-эллинист Андре Боннар отмечает: чтобы создать образ живого человека в поэме поэту «Илиады» достаточно заставить его произнести одно слово, сделать лишь один жест [1, с. 55-56]. Гомер «нащупал» тот элемент повествования, который создает еще одну коммуникативную плоскость – между чтецом и слушателем. Жест, в отличие от слова, более интимен и интуитивен. Через их описание перед зрителем предстают уже не просто великие воины и их деяния, а живые люди, являющиеся носителями идеи, мыслей, ценностей, с которыми слушатель волен соглашаться или отвергать. Так жестокое и безжалостное увечье живых и мертвых Ахиллесом наиболее ясно подтверждает Гомеровское видение жестокости войны, которое явно находило отклик у людей, что сталкивались с подобными трагичными событиями.

Отголоски этой традиции мы наблюдаем у древнегреческого историка Геродота, о котором, в дальнейшем, пойдет наша речь. Сейчас же означим общее и особенное в стиле описания невербальных коммуникаций в его труде «История». В произведениях первых логографов, как их уничижительно называет Фукидид за внедрение в повествование «небылиц», грань между историей и искусством была достаточно тонкой. Первые творцы жанра опирались на произведения, которые на тот момент уже завоевали свое место в древнегреческой культуре – трагедии и эпосы. Но если первые ориентировались на публичную демонстрацию, используя миметическое исполнение, то эпосы требовали ресурсов для выражения состояний бытия, выходящих за рамки сообщения о намеренном действии и сознательном общении. Литературные и интеллектуальные ограничения, которые повлияли на Гомера в передаче информации об эмоциях, были совершенно иными и менее ограничивающими, чем у историка, например, Геродота, однако оба автора предпочли представить минимум психологического анализа, но щедрую часть описания поведения (сознательного и неосознанного),

жестов, действий и звуков. И если для Гомера передача этих элементов подразумевает ориентацию своего слушателя в культурном пространстве, то Геродот идет дальше и стремится рассказать об удивительных обычаях народов, с которыми он сталкивался лично или с помощью сведений, полученных от сторонних лиц. Этим он привлекает и заинтересовывает своего читателя. При этом древнегреческий историк старается через повествование о традиционных ритуалах неэллинических культур передать своеобразие и индивидуальность каждой из них. Будь то честолюбие египтян, которые, по словам Геродота, «...почитают больше всех животных коров и потому-то ни один египтянин или египтянка не станет целовать элина в уста и не будет употреблять эллинского ножа, вертела или котла» (Hdt. II.41) [3, с. 93]. Или же иерархию персидского общества, рассказывая о практике проскинесисе следующее: «При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц» (Hdt. I.134) [3, с. 55]. При этом, в отличие от других упоминаний о невербальном взаимодействии, Геродот называет эти акты греческим словом **ὁ νόμος** - обычай или закон. Таким образом, мы можем выделить вторую причину интеграции описания невербальных коммуникаций в древнегреческие источники – это представление обычаев. Д. Латейнер относит данную категорию к ритуальным жестам, которые также включают описание моментов траура, жертвоприношений, молитвы и более мирные и благоприятные сцены повседневной жизни: танцы и пиры. На основе анализа трудов Гомера, Латейнер выделяет и следующие типы невербальных коммуникаций, которые вполне применимы к «Истории» Геродота.

Неформальные (но добровольные и личные) жесты, позы и звуки. Это могут быть поглаживания, кивки, похлопывания по бедру, благоговейный взгляд, рычание, склонение головы и сохранение дистанции между субъектами. Так Геродот во второй книге рассказывает о курьезном случае ограбления египетской царской сокровищницы. Подельник одного из воров погибает на авантюрном деле. Его тело вывешено перед дворцом и охраняется стражей. Второй вор желает заполучить тело, чтобы похоронить его с почестями и придумывает хитрую уловку – отвлечь охрану с помощью воза с вином. Геродот пишет: «Поравнявшись со стражами, которые стерегли тело, он потянул к себе два или три завязанных в узел кончика меха. Вино потекло, и он стал с громкими криками бить себя по голове, как будто не зная, к какому ослу сначала броситься» (Hdt. II.121) [3, с. 117]. Это осознанная и остроумная театрализация заставляет стражников поверить в правдивость произошедшего. Персонаж Геродота явно понимает, как нужно вести себя в подобных ситуациях и, благодаря крикам и самобичевания, создает нужный эффект. Историк, в традиции Гомера, продолжает ловко играть на контрастах. Он переворачивает уже созданные образы народов в повествовании об их обрядах. Так, достаточно забавно историк изображает честолюбивых египтян в рассказе о беглых пограничных войсках египетского фараона. Они переметнулись на сторону эфиопского царя. Фараон послал гонцов вслед за ними, однако получили следующий ответ: «один из беглецов ответил царю, указывая на свой половой орган: «Будь только это, а жены и дети найдутся» (Hdt. II.30) [6, с. 89]. Не менее казусную ситуацию Геродот передает, рассказывая о восстании Амасиса – бывшего приближенного фараона, которого народ провозглашает своим правителем. Фараон Априй отправляет к восставшим своего военачальника Патарбесиса, дабы вразумить непокорных. По прибытии, посол фараона требует от самозванца явиться к правителю, на что Амасис совершает следующее: «(он), приподнявшись в седле (он как раз в это время сидел на коне), испустил ветер и сказал Патарбемису, чтобы тот отнес это Априю» (Hdt. II.162) [6, с. 131]. Возможно, данные курьезы были выдуманы осведомителями Геродота в своих личных целях, но для историка люди остаются слабыми и порочными, несмотря

на все блага созданных ими культур. Так без внимания историка не остаются и свободолюбивые эллины. Он на контрастах изображает поведение спартанцев и фиванцев перед персидским царем. Лакедемоняне, отправленные Ксерксу в качестве обмена за убиенных спартанцами персидских послов, отказались совершать преклонение перед царем, аргументируя это тем, что «не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку и пришли сюда они не ради этого, а по другой причине» (Hdt.VII.136) [6, с. 347]. А фиванцы при виде военного превосходства персов в битве при Фермопилах «отделились от лакедемонян и, простирая руки, пошли навстречу врагу» (Hdt.VII.233) [6, с. 373].

Непроизвольный язык тела сообщается реже, но часто с экстраординарным эффектом, в момент кризиса или кульминации, когда действие говорит громче слов. Таким образом, когда женихи у Гомера истерически хохочут, потеря ими физического самоконтроля, свидетельствующая об утрате ими должных ценностей, символизирует их зарождающийся переход от злоумышленников - к жертвам, от агентов - к пассивным субъектам. У Геродота же эмоции, вызывающие улыбку, смех и плач создают в повествовании еще один уровень. Его, условно, можно назвать **философско-этическим**. Коснемся лишь нескольких примеров. Так описывает нам смотр войска Ксерксом у Геллеспонта: «Увидев, что весь Геллеспонт целиком покрыт кораблями и все побережье и абидосская равнина кишат людьми, Ксеркс возрадовался своему счастью, а затем пролил слезы». Его дядя Артабан спросил: «О, царь! Почему ты поступаешь столь различно теперь и немного раньше? Сначала ведь ты обрадовался своему счастью, а затем пролил о себе слезы. „Конечно, мною овладевает сострадание, когда я думаю, сколь скоротечна жизнь человеческая, так как из всех этих людей никого уже через сто лет не будет в живых”» - ответил царь (Hdt.VII.45-46) [6, с. 328]. Разделяя скорбь в плаче, персонажи Геродота становятся ближе друг к другу, размывая, хоть и на мгновение, противоречия. Примечателен в этом отношении эпизод оплакивания египетской аристократией своих родственников, который персидский царь Камбис приказал казнить. Идущих на погибель, а также тех, кто лишился всего после завоевания Египта персами, оплакивали все окружающих: «Крез, сопровождавший Камбиса в египетском походе, заплакал; заплакали также и персы из царской свиты. Даже сам Камбис был тронут и тотчас же приказал помиловать царского сына, а самого Псамменита привести к нему с того места [у ворот] в предместье, где тот сидел» (Hdt.III.14) [6, с. 142]. Этот эпизод может восходить по стилию к Гомеровской трогательной встрече Приама и Ахиллеса у тела Гектора в 24 песне Илиады: «За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо. Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына. Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый; Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла...» (Ном. II. 24. 509-512) [3, с.353].

Последний тип, объекты и маркеры, зависит от ассоциации внешних объектов с индивидом или группой [9, с. 85-87]. Грязная одежда Лаэрта и нищего Одиссея являются мощными символами их нынешнего состояния, а обмен подарками, который, в зависимости от контекста, может выражать выкуп, компенсацию за социальное оскорбление, награду за превосходство или почтительную привязанность к равному, -это знаки, предметные средства общения. Менее частыми, но не менее красноречивыми являются скипетр как символ власти. Так, самосские тираны у Геродота передают свои полномочия: «Мне, как вам известно, Поликратом вверены скипетр и вся власть, и я мог бы стать ныне вашим царем» (Hdt.III. 142) [6, с. 182].

«История» Геродота была далека от скрупулезности и четкости в построении историописания своих последователей (Фукидид). Информацию о многих событиях, речах, обрядах Галикарнасский автор черпает из рассказов сторонних лиц. Отсюда и сильное искажение реальных происшествий, и поверхностное понимание неэллинических культур. Но Геродоту важно передать особенности другого, неэллинического мира. И для этой цели он вооружается стилистическими инструментами, изобретенными

еще Гомером в своем эпосе. Благодаря внедрению в повествование описания элементов невербальных коммуникаций, он подчеркивает, с одной стороны, своеобразные обрядовых моделей варваров, но с другой же, наполняет своих той совокупностью эмоций, которая будет понятна и близка каждому читателю его труда. Этим он сближает два мира – эллинский и варварский.

Третья же причина синтезирует в себе обе предыдущих и находит свое отражение в трудах более позднего античного автора Плутарха. Его «Сравнительные жизнеописания», хотя и не являются прародителем жанра биографии, но выводят его на совершенно новый уровень. Для херонейского автора всё также важна поэтичность невербального языка и описание обычаев интересующих его культур (вспомним сочинения «Греческие и римские вопросы»), но при рассказе о жизни исторической личности он концентрируется на тех жестах и действиях, которые могут ярче выразить психологию его персонажа. Здесь и рождается синтез. Мы видим Александра, прибывшего воевать в Парфию. Тогда, по словам Плутарха он впервые решил облачиться в персидский наряд, «(но) все же он не пожелал облачиться полностью в мидийское платье, которое было слишком уж варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тиары, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского платья и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго» (Plut.Alex.45) [6, с. 145]. Македонский царь движим политическим прагматизмом, ведь считает, что людей подкупает все «привычное и родное». Но как кардинально переменяется Александр, обретя великое могущество? «Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, невольно рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и принялся с силой бить его головой о стену» (Plut.Alex.74) [6, с. 162]. Плутарх сплетает варварский обычай с личностью героя. Ведь высмеяв проскинесис, Кассандр ударил по статусу Александра, чего царь не мог допустить. Многозначность смеха, как фонетического элемента невербального поведения, также служит автору биографии великого македонского царя инструментом, с помощью которого он описывает деформацию героя. Так Александр благосклонен к одному из своих воинов, который приносит ему голову поверженного врага, со словами: «Такой дар считается у нас достойным золотого кубка», на что царь восклицает: «Всего лишь пустого кубка, смеясь, — и я подарю тебе кубок, но сначала наполню его вином и выпью за твое здоровье» (Plut.Alex.39) [6, с. 142]. Радость Александр, отраженная в улыбке и смехе, для Плутарха – эмоции героя, владеющего ситуацией и чувствующий, что власть эта поддерживается его окружением. Плутарх создает образ не легкомысленного, но прозорливого и уверенного полководца. Вошедший в палатку к Александру полководец Парменион, встревоженный необыкновенно долгим сном царя перед битвой, вопрошает «почему он спит сном победителя, хотя впереди у него величайшее сражение». «Александр, улыбнувшись, сказал: «А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?» (Plut.Alex.32) [6, с. 137]. Таков Александр, еще не вкусивший плоды роскоши и богатства. Ближе к концу повествования, мы застаем царя, совершенно потерявшего самообладание и надежду. Он еще пытается удержать в своих руках авторитет, защищая людей, которые пытаются обвинить царя Антипатра, от нападков его сына Кассандра. Взбешенный его речами, Александр со смехом и явной угрозой произносит: «Дорого же вам обойдутся эти Аристотелевы софизмы, это умение говорить об одном и том же и за и против...» (Plut.Alex.74) [6, с. 162]. Этот отчаянный смех – последняя эмоция, которую описывает Плутарх.

Херонейский автор погружает своего читателя в психологическое состояние своих героев, большое место уделяя описанию невербальных коммуникаций. Безусловно, Плутарх, как и предшественники, в лице Гомера и Геродота, продолжает транслировать через повествование общеэллинские ценности, но для него важен сам индивид и те страсти, которые окружают его в данный конкретный момент. Его персонажи претерпевают наиболее сильные метаморфозы. И на примере жизнеописания Александра можно убедиться, что, описание эмоций и жестов, как стилистического приема, порой куда красноречивее передают состояние человека, чем его речи.

Мы можем свести использование невербальных коммуникаций авторами древнегреческих трудов к трем категориям:

1. Передача через невербальные коммуникации эллинских и неэллинских ценностей и идей автора
2. Описание обрядов и повседневных жестовых практик различных народов
3. Создание и передача психологического портрета индивида

Не будем отрицать, грани между этими категориями достаточно условны и в процессе исследования могут меняться. Все три автора, так или иначе, обращаются к наследию своих предшественников для поиска наиболее подходящих и важных для них элементов повествования. Так, Плутарх, как и Гомер, через описание невербальных коммуникаций передает если не общеэллинские ценности, то свои взгляды на мир. Благодаря традиции, заложенной Геродотом в своей «Истории», Херонейский автор в ярких красках описывает чуждый эллинам варварский мир, обряды и ценности которого Александра вынужден соблюдать. Выделенные же нами категории основаны на авторских нововведениях в вопросе об использовании невербальных коммуникаций в источниках.

Литература

1. Боннар А. Греческая цивилизация. т. 1. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1994. 448 с.
2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь - Спб., Издание автора, 1899. 1370 с.
3. Гомер. Илиада. Пер. Н.И. Гнедича. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 572 с.
4. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. / Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М., 1958. 1043 с.
5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. / Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М., 1958. 860 с.
6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах Т. II, М.: издательство «Наука», 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. 672 с.
7. Теперик Т.Ф. Невербальный текст и политический контекст в биографии Плутарха «Александр» // ШАГИ/STEPS 2017, т. 3, № 4. С. 213-223.
8. Calabro D. Understanding Ritual Hand Gestures of the Ancient World: Some Basic Tools // Ancient Temple Worship - Proceedings of the Exponum Symposium. 2014. pp. 143-157.
9. Lateiner D. Nonverbal communication in the Histories of Herodotus // Arethusa Vol. 20, No. 1/2. 1987. pp. 83-119.

NON-VERBAL COMMUNICATIONS IN THE GREEK-EASTERN WORLD ACCORDING TO HOMER, HERODOTUS AND PLUTARCH

E.S. Onishchenko, E.V. Rung

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of interpreting the ways of non-verbal communication in history. In this case, in Ancient Greece. The work analyzes the works of the ancient Greek authors Homer, Herodotus and Plutarch in order to identify their ideas about non-linguistic forms of communication

and the purposes of using these elements in the narrative. Herodotus and Plutarch look to the legacy of their predecessors to find the most appropriate and important elements of the story. through the description of non-verbal communications, he conveys, if not general Hellenic values, then his views of the world. Thanks to the tradition laid down by Herodotus in his History, the Chaeronean author in bright colors describes the barbaric world alien to the Hellenes, the rites and values of which his heroes, for example, Alexander the Great, are forced to observe. As a result of the analysis, three conditional categories of the use of non-verbal communications by ancient Greek authors are distinguished.

Keywords: Ancient Greece, non-verbal communication, history, Herodotus, Homer, Plutarch, gesture.

Авторы публикации

Онищенко Евгений Сергеевич, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. zhenya.onichenko1996@mail.ru

Рунг Эдуард Валерьевич, д-р ист. наук., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. E-mail: eduard_rung@mail.ru

Authors of the publication

Evgeny S. Onishchenko, Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. zhenya.onichenko1996@mail.ru

Eduard V. Rung, Doctor of historical science, professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia E-mail: eduard_rung@mail.ru

НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Е.О. Попович

elizabasmnova@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье ставится проблема соотношения исследовательского этоса и гражданской позиции представителей академического сообщества в Российской империи и в первые годы советской власти. Опираясь на исторические сюжеты, автор показывает, что в условиях патримониальной монархии профессиональные интеракции академических кругов интерпретировались как политически оппозиционные, что одновременно минимизировало результативность научных исследований, особенно в области естественных наук, и разрушало симбиоз научного сообщества и имперской администрации. Высказывается мысль, что вызванная к жизни потребностями государства академическая наука в Российской империи к началу XIX века оказалась фактически вне рамок государственной иерархии. Это обстоятельство обусловило пучок противоречий в отношениях между государством и научным сообществом, что обеспечило в целом индифферентное отношение исследователей к захвату власти большевиками и способствовало в конечном итоге утверждению большевистского режима.

Ключевые слова: научное сообщество, интеллигенция, Российская империя, политический надзор, академическое сообщество, социальная структура.

Благодарности: Выражаю благодарность своему научному руководителю Дмитрию Ивановичу Люкшину за чуткое наставничество и ценные советы при проведении исследования и оформлении статьи.

История государства российского с XI века дает массу примеров политических новелл и административных ухищрений, позволявших, при весьма скудных ресурсах, удерживать контроль над огромной территорией. Однако, формирование научного сообщества как корпорации, стремящейся к постижению объективной истины, едва ли может быть охарактеризовано как естественный продукт развития российского социума – ситуация, типичная для большинства стран на всех континентах, где легитимация власти сопровождалась сакрализацией знания. В этом смысле именно Европа с ее Реформацией и религиозными войнами может рассматриваться как исключение из общемирового правила. Поэтому в самой констатации отсутствия в России исследователей, объединенных научным этосом – стремлением к постижению объективной истины – не может быть ничего предосудительного. Лишь в начале XVIII века практические задачи, вставшие перед молодой Российской империей в мировой политике и на поле боя, потребовали масштабного использования в государственных проектах новейших достижений европейской науки и технологий. На этом пути Пётр I решительно заимствовал не только «плоды просвещения», но и их носителей, что к началу второй четверти XVIII века привело к образованию в России автономного научного сообщества, объединенного Императорской Академией наук.

Заинтересованное в результатах научных исследований российское государство бережно относилось к своему интеллектуальному потенциалу, предоставляя приглашенным, а позднее и собственным исследователям, высокую степень административной автономии и академической свободы. В результате в распоряжении Империи во второй половине XIX века оказались результаты исследований мирового уровня – открытие рутения К.К. Клаусом, неевклидова геометрия Н.И. Лобачевского, теория химического строения органических веществ А.М. Бутлерова и т.п.

Реализация имперских проектов требовала увеличения числа исследователей и научных центров, прежде всего вблизи границ империи. Так Казанский Императорский университет, созданный в 1804 году, изначально представлял собой инструмент распространения имперской политики на восточные губернии. К середине XIX века основную массу преподавателей и студентов составляли уже подданные российской короны, что в традиции патримониальной монархии открывало перед государством перспективы восточной эксплуатации интеллектуального потенциала учёных. Однако охранительные проекты оптимизации академического сообщества наталкивались на традиции академической свободы, усвоенные и репродуцируемые лучшими российскими исследователями.

Своего рода компромиссом становится концентрация лидеров провинциальной науки в столицах, куда они приглашались (как, например, В.М. Бехтерев) или переводились, – в розницу или оптом (как Восточный разряд Казанского императорского университета), – и где затем инкорпорировались в систему имперской администрации: получали, – наряду с кафедрами или институтами, – классные чины, придворные и генеральские звания, дворянские титулы. Этот социальный лифт, позволявший смышлёным провинциалам пополнять ряды столичного истеблишмента, являлся существенным мотиватором для формирования лояльности и утверждения имперской идентичности.

Побочным эффектом этой столичной мобилизации оказывалось разрушение или деградация провинциальных научных школ, где питомцы университетов, лишённые квалифицированного научного руководства и материальной поддержки, пополняли ряды интеллигенции. Эта маргинальная для имперской структуры группа, вызванная к жизни капризами государства и фактически забытая им, оказалась питательной средой для формирования антисистемно и антипатриотически настроенных мизантропов [5], ставивших своей целью борьбу против правительства и возглавляемого им народа.

В результате уже к концу XIX века характерной особенностью социокультурной матрицы российской провинции становится политическая фронда тех групп населения, которые, по логике вещей, должны были обеспечивать устойчивость имперского механизма. То, что пятая часть профессоров представляются в «списке чинов администрации, профессоров и доцентов С.-Петербургского университета с указанием сведений, имеющихся в Министерстве внутренних дел о деятельности названных лиц» за 1899 год министра внутренних дел И.Л. Горемыкина министру народного просвещения Н.П. Боголепову [2, с. 28], в разной степени политически неблагонадежными, говорит о том, что все большая часть интеллектуальной элиты становится если не в оппозиции к власти, то уже не связывает свои возможности продвижения по службе с лояльностью режиму. Ситуацию усугубляет то, что кара правительства недостаточно определена и безотлагательна.

Вместе с тем процессы развития гражданского общества, произвольно то иницилируемые, то сдерживаемые правительством, обуславливали появление, прежде всего в столицах, особой культурной ауры либеральной утопии, носители которой выступали гардианами гражданских свобод, в том числе – академических. Между тем, имперская монополия на души подданных размывалась в процессе модернизации самодержавия, уже не способного, – в границах традиционных патримониальных практик, – контролировать все жизненные проявления своих домочадцев.

При этом, вытесненные в зону социальной маргиналии люди уже могли позволить себе существовать в рамках субкультурных анклавов, не вмонтированных в имперскую вертикаль власти. Строго говоря, такие анклавы существовали в России всегда: старообрядцы, инородцы, гулящие люди и т.п., но их благополучие коррелировало с их социальным статусом, следовательно, доступ к комфортному существованию оказывался опосредован лояльностью имперскому правительству. Рост промышленности и финансовой сферы позволял игнорировать имперскую идентичность. Первыми, кто воспользовался выгодами модерна, оказались члены царской правящей династии, которые на рубеже веков фактически возглавили т.н. либеральную оппозицию, мишенью которой (ничего личного, просто оказался не в том месте не в то время) оказался последний российский самодержец. За неимением возможности, до определенного момента, устранить его персонально, под огнем критики оказывалось любое имперское правительство, вне зависимости от интенций и результатов его деятельности.

Русское государство, привыкшее монопольно распоряжаться оказавшимися в его распоряжении социальными ресурсами, в конечном итоге оказалось в ситуации, когда любая, бытовая по своей природе интеракция, оказывалась включенной в политический контекст таким образом, что ее идентификация охранительными структурами империи опережала процесс самоидентичности членов сообщества. Ну а поскольку разница субъектов объективно опосредует и различие векторов, любая инициатива, не исходившая непосредственно из недр государственного аппарата, опознавалась как крамольная. Проблема заключалась в том, что разветвление социальной структуры происходит в тех сегментах общества, которые непосредственно не контролируются имперскими административными институтами. Проще говоря, исторически совпавшее с эпохой Великих реформ появление новых и расширение уже существовавших сегментов социума, силами которых только и могли быть решены поставленные государством задачи модернизации вооруженных сил и государственного фиска, в планы государства не входило. С точки зрения академической социологии достаточно констатировать подмеченное еще в XIX веке несовершенство реформаторского проекта, однако в практической политике имперскому правительству пришлось прилагать экстраординарные усилия для того, чтобы каким-то образом лечить, учить, судить и сажать всех подданных, оставленных без отеческого «догляду».

В этих условиях отечественное академическое сообщество оказалось в сложной ситуации, когда патриотическая идентичность больше не коррелировала с имперской. На практике, это оказалось чревато формированием особого способа существования образованного класса, который волею класса политического оказался вытеснен за пределы имперской иерархии. Собственно говоря, ничего трагического эта ситуация в себе не заключала: к концу XIX века ученые имеют возможность обеспечить себе более или менее пристойное существование не только трудами на благо государства в стенах учебных заведений или академических структур, но и сотрудничают с бизнесом, частными или иностранными структурами. Они также принимают участие в работе самых разнообразных обществ – например, Обществ трезвости, – занимаются политической деятельностью, курируют создание и наполнение библиотек как при университетах, так и при школах, в сельской местности, координируют деятельность благотворительных объединений, участвуют в городской общественной жизни. Обнаруженная в этих практиках политиче-

ская неблагонадежность ставится в вину и становится поводом к карательным мероприятиям. Так, можно вспомнить профессора механики Казанского университета Д.Н. Зейлингера, по которому информация о благонадежности запрашивалась местной жандармерией еще с 1904 года, и который был уволен только в 1914 году за «неблагонадежные политические взгляды». В 1904 году его поведение уже было достаточно провокационно по меркам имперской администрации – более того, он подозревается в организации бунтов казанских студентов, но с 1907 года становится осторожнее и умереннее во взглядах, и правительство считает возможным оставить его у должности еще на девять лет [2, с. 27].

Создание научных обществ, оторванных в большей мере от официальных правительственных структур и получавших финансирование в основном благодаря пожертвованиям и финансированию самих членов и учредителей, – одно из крупнейших – Общество невропатологов и психиатров при Казанском университете, получало от правительства субсидию только лишь в 300 рублей при наличии капитала в около 4300 рублей и стабильно имевшая небольшой ежегодный доход, что вполне позволило бы Обществу существовать довольно долго без денежного покровительства Министерства народного просвещения, – позволило обеспечить свободу коммуникаций между представителями научного сообществ, в том числе и за рубежом. Популяризация науки и обсуждение актуальных проблем страны на страницах как научных журналов, так и на собраниях Обществ, открытых для заинтересованных студентов и иной публики, позволяли также обеспечить коммуникацию между активными гражданами и представителями науки. К 1917 году научных обществ в России становится более 300.

Среди Обществ нечасто можно встретить открыто оппозиционные – особенно среди научных. В основном, на заседаниях обсуждаются вопросы, интересные узким специалистам, потому как в первую очередь общества создаются именно для обмена мнениями, развития научных школ, включения российского академического сообщества в общемировое. Однако к концу XIX века политика становится как никогда актуальна для представителей российского научного сообщества. Особенно это проявляется в деятельности юридических обществ, которые напрямую работают с продуктами имперской законотворческой деятельности – в 1865 году создается Московское общество, которое не только разрабатывает теоретические вопросы, но и обсуждает реальные законопроекты [3]. В 1899 году Общество закрывается по требованию министра народного просвещения Н.П. Боголепова, и поводом к закрытию становится речь лидера Общества С.А. Муромцова на Пушкинском празднестве в Москве, давно известного своими оппозиционными суждениями. Фактически, Общество воспринимается правительством как инструмент для распространения идей среди его членов, а после – и среди тех, кто приходит на заседания Обществ и читает его труды, которые печатаются в виде отчетов, протоколов и отдельных сборников [3].

Более того, в начале XX века создается «Академический союз», члены которого позволяют себе издавать печатную продукцию «противоправительственного характера». Важным представляется то, что в него входили такие ученые как А.Н. Бекетов, имевший чин тайного советника, действительные статские советники И.П. Павлов и А.А. Шахматов.

В начале XX века имперская администрация оказывается не готова предпринимать решительные меры в отношении популярных деятелей науки.

Так, например, профессору М.А. Рейснеру после поддержки студенческой забастовки, была предоставлена годичная заграничная командировка, и лишь спустя два года после возвращения – увольнение без права преподавания в России [2, с. 29].

Можно наблюдать, что в ситуации, когда формировалась имперская идентичность, порождения Империи, получая определенную автономию и свободу, уже не делают выбор в пользу Империи.

Сложно предугадать, как в дальнейшем сложились бы взаимоотношения научного сообщества и власти в России, но утверждение большевистского режима, в любом случае, кардинально изменило расстановку сил и правила игры во взаимоотношении государства и исследователей. Видные представители столичной науки, такие как В.М. Бехтерев в Санкт-Петербурге, и представители научных сообществ в провинции, благодаря общемировому признанию и опыту генерирования научных трендов в стране и за рубежом могли позволить себе рассчитывать на признание их заслуг большевиками, а также оказались достаточно опытны для того, чтобы возглавить российскую науку в период потрясений. Одни ученые принимают ленинские новеллы, как, например, К.А. Тимирязев, другие – выступают решительно против, как Н.М. Попов, объявивший Октябрьский переворот «психологической эпидемией, охватившей потерявшую рассудок толпу» [4, с. 191], однако, несмотря на общий тренд враждебности к смене государственного порядка, деятели науки не отказываются от сотрудничества с новой властью. Даже ученые, занимавшие в бывших структурах достаточно серьезные позиции, без особых нравственных терзаний приняли большевистский режим, продолжая занимать высокие должности, проводить исследования мирового уровня, – хоть и не во всех сферах, – и держать российскую науку на плаву в условиях кризиса в стране. Вместе с этим, берет начало массовое прекращение печати научных журналов, эмиграция представителей научного сообщества за границу, где они, как, например Н.М. Попов способствовали не сохранению российской науки, а созданию научных школ в странах своего пребывания.

Примечательно, что принятие большевистского режима не связано с отношением конкретного исследователя к существовавшему до отречения государя порядку управления. Пожалуй, можно было бы говорить о некоей внутренней оппозиционности научного сообщества. Однако эта гипотеза не выдерживает серьезной проверки, скорее уж можно предположить, что учёные, не сформулировавшие гражданского кредо по отношению к диктатуре пролетариата, и, стоявшие на патриотических позициях, оказались более лояльны большевикам, нежели сторонники академических свобод, что – по сути дела – указывает на политическую индифферентность большей части интеллигенции, так и не обретшей своего отчества под сенью крыл имперского орла.

Литература

1. Багоцкий С. В., Ганжа А. Г., Гурьшкина Т. В и др. Роль научных обществ в развитии науки и образования в России. Гуманитарный научный журнал, 2015. № 2. С. 10-12.
2. Грибовский М. В. Политический надзор над профессорами и преподавателями российских университетов в конце XIX начале XX века. Вестник Томского государственного университета, 2011. №1 (13). С. 25-30.

3. Касанов А. С. Научные общественные организации в России во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // <https://ist-konkurs.ru> URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1181-nauchnye-> (дата обращения: 15.02.2021).

4. Созинов А. С., Менделевич Д. М. Вклад профессора Н. М. Попова в развитие европейской, Российской психиатрии и казанской школы психиатров. Практическая медицина, 2012. № 2 (57). С. 187-191.

5. Струве П. Б. Интеллигенция и революция [Электронный ресурс] // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции: [www.yabloko.ru]. [1909]. URL: <https://www.yabloko.ru/Themes/History/struve-1.html> (дата обращения: 13.11.2020).

SCIENTIFIC COMMUNITIES IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE LATE RUSSIAN EMPIRE

E.O. Popovich

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article raises the problem of the correlation between the research ethos and the civic position of representatives of the academic community in the Russian Empire and in the first years of Soviet power. Based on historical stories, the author shows that in terms of patrimonial monarchy professional interaction academia interpreted as a political opposition that at the same time minimized the impact of research, especially in the field of natural Sciences, and destroyed the symbiosis of the scientific community and the Imperial administration. It is suggested that academic science in the Russian Empire, brought to life by the needs of the state, was actually outside the framework of the state hierarchy by the beginning of the XIX century. This circumstance caused a bundle of contradictions in the relations between the state and the scientific community, which ensured a generally indifferent attitude of researchers to the seizure of power by the Bolsheviks and ultimately contributed to the establishment of the Bolshevik regime.

Keywords: scientific community, intelligentsia, Russian Empire, political supervision, academic community, social structure.

Acknowledgements: I would like to express my gratitude to my academic advisor Dmitry Ivanovich Lyukshin for his sensitive mentoring and valuable advice during the research and the design of the article.

Автор публикации

Попович Елизавета Олеговна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. elizabasmanova@yandex.ru

Author of the publication

Popovich Elizaveta Olegovna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. elizabasmanova@yandex.ru

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ В ОБРАЗЕ ДЬЯВОЛА В ИСКУССТВЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* А.Ш. Рафикова
* vinnirafikova@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия.

Аннотация. Одной из наиболее фундаментальных идей, лежащих в основе любой культуры, является представление о добре и зле, которое находит отражение, в том числе, и в искусстве. В средневековой христианской культуре образ зла был выражен через его персонификацию – Дьявола. При этом, понимание роли Дьявола и, соответственно, его образ переживали разнообразные трансформации: от ангелоподобного существа к зверю с антропоморфными чертами и мифическому чудовищу. Изменения представлений о Дьяволе и его воплощениях, возвеличивание или умаление его силы, свидетельствовали об изменениях восприятия зла в обществе.

Мышление людей Средневековья символично, в их сознании те или иные абстракции, такие как сила, величие, власть могут воплощаться в знаки-символы, такие, например, как посох или меч. Подобного рода атрибутами могли наделять не только положительные, но и отрицательные персонажи, что предполагает наличие в средневековой культуре представлений о власти зла. Зло, как начало противоположное добру, мыслилось осуществляющим власть над разнообразными бедствиями, происходящими в мире, и персонифицировалось в образах Дьявола как Князя тьмы, Сына Погибели, Князя мира сего.

Подобные представления в равной мере отображались в текстах как визуальных, так и вербальных. В этой связи в рамках данной статьи проводится исследование трансформации репрезентации образа Дьявола, в частности, как персонажа, наделенного властными атрибутами в эпоху Средневековья; поднимаются проблемы связи подобных трансформаций с изменениями, происходившими в обществе и культуре.

Ключевые слова: средние века, репрезентация зла, образ Дьявола, Апокалипсис, христианство, Библия, символы власти, посох, псалтырь.

Одной из ключевых идей, определяющих облик той или иной культуры, является представление о добре и зле, причем, подобные представления, зачастую, персонифицируются в образах тех или иных мифологических, религиозных или литературных персонажей. В связи с чем представляет большой интерес исследование трансформаций образов зла в той или иной традиции, что позволяет проследить развитие представлений человека о мире вообще.

В основе средневекового восприятия мира лежат символы, скрывающие под собой характеристики и свойства предметов, знаковые системы которых образуют средневековое учение о значении вещей (*significatio rerum*). [4, с. 50]. Мир средневекового человека – это книга, написанная Богом, а Бог говорит на языке вещей. Вещь, в отличие от слова, имела не два-три значения, а ровно столько, сколько свойств у данной вещи. Причем свойства одной и той же вещи могли иметь не просто разное, но и противоположное значение.[4] Считалось, что Библия написана именно языком вещей, а не человеческим языком, несовершенным от природы – ведь его создал Адам, который «дал имена всякой душе живой» (Быт. 2: 19-20; 3:20).

Всему, что не было упорядочено в Божественном языке метафор, часто приписывалась отрицательная коннотация. Поэтому в средневековой культуре встречаются образы, наделённые и негативным смыслом. Кроме божественного и светлого, существовало и тёмное дьявольское, причем, данная антитеза становилось одной из основ всего средневекового искусства.

Символическое пространство культуры находит свое обязательное «внешнее» выражение в текстах, созданных на различных языках семиосферы, как вербальных, так и визуальных. Ключевым источником идей и образов

для средневековой культуры становилась религия, в частности, священная книга христианства – Библия. При этом изображение выступает как равнозначное тексту, не являясь только лишь «украшением» к тексту, но неся самостоятельную смысловую нагрузку, как гласит знаменитая формула Григория Великого *pictura quasi scriptura* [4]. В связи с этим представляет большой интерес изучение визуальной составляющей средневековой культуры, поскольку знание латыни (на которой были написаны большинство средневековых текстов) было доступно немногим, а вот изображения мог «прочитать» почти каждый. Именно поэтому визуальные памятники средневековья стали некой «Библией для неграмотных» – созерцание порталов Страшного суда могло донести до средневекового человека куда красноречивее проповеди идею о воздаянии за грехи.

Осмысление природы зла в христианской традиции получило распространение через разнообразные трактовки его персонификации в образе Дьявола. В зависимости от исторической ситуации, того или иного региона, ожидания каких-либо бед и несчастий, трактовка образа Дьявола и, следовательно, представлений о зле, изменялась. Однако, практически всегда именно Дьявол рассматривался как причина и источник всего зла, т.е. он становился своеобразным властителем зла и, следовательно, наделялся атрибутами этой самой власти. В связи с чем возникает вопрос, насколько узнаваемы были властные символы Дьявола, насколько широко они были распространены (во всех ли изображениях и текстах Дьявол предстает как властитель), а также насколько представления о власти Дьявола были связаны с репрезентацией власти вообще.

В библейских текстах трактовка Дьявола как существа, наделенного властью, практически очевидна и проявляется уже в его именах: «Князь мира сего» (Ин. 12:31; 14:30; 16: 11), Князь Тьмы, Вельзевул и т.д.

Представляется интересным проследить, насколько подобная трактовка была распространена в визуальных образах Дьявола на различных этапах развития истории средневековья.

Древнейшее из дошедших до нас изображений Дьявола находится на мозаике равеннской базилики Сант-Аполлинаре-Нуово, построенной примерно в 520 году (рис. 1).

На ней мы видим изображение Страшного суда, на котором Христос отделяет агнцев от козлищ. По правую руку от Спасителя находится ангел с красным нимбом и в красных одеяниях – цвет эфирной среды, где обитают ангелы. Он простирает руку над послушными овцами – агнцами, олицетворяющих праведников. А вот слева от Господа, над козлами (эти животные часто паслись вдали от дома, забредали в горы — потому и стали символом заблудших душ), стоит ангел с ярко-синим нимбом, облаченный в палитру сине-фиолетового тона – цвета нижнего воздуха, куда был свергнут Дьявол. [6, с. 161]

Если не принимать во внимание символику цвета, предательское положение Сатаны слева от Господа и то, как он простирает руку над козлищами (символами заблудших душ грешников), мы не находим в этом изображении никаких признаков, непосредственно указывающих на Дьявола. Он не выглядит монструозно, наравне с праведным ангелом и Христом наделён как крыльями, так и нимбом и соответствующим одеянием. Вероятно, автор мозаики, изображая воплощение зла, опирался, скорее, на чувство композиционного строя и собственное воображение, поскольку канон иконографии Дьявола в поздней Античности еще не сложился, а традиция раннего

средневековья еще не сформировалась. Возможно, художник предпринял попытку изобразить Люцифера до его падения — и в этом случае достаточно умело передал ангельскую природу персонажа. Кроме того, наличие нимба у негативного персонажа также не должно удивлять: позднее, с сиянием вокруг головы изображали бесов, Антихриста, апокалиптического зверя. Этот графический элемент — скорее демонстрация силы, а не святости [6].

Таким образом, на этапе формирования иконографии образа Дьявола, приходящемся на VI – IX века, в искусстве не существовало традиции представлять Сатану как властителя зла и наделять его сопутствующими атрибутами.

До IX века изображения Дьявола редки и не разнообразны, однако вновь пробудившийся интерес к его фигуре возникает в псалтирях, в частности в Штутгартской псалтири 820-830 гг. Новая иконографическая традиция демонстрирует нам кардинально новый образ Дьявола — вместо голубого ангела, исполнителя воли Божьей — человекообразное тёмное существо с вздыбленными волосами и когтистыми лапами. От прежней иконографической традиции остаются только крылья — намёк на ангельскую природу. Этот новый иконографический тип Дьявола активно наделяется атрибутикой власти. Среди них наиболее значимый — посох — символ, имеющий долгую историю развития, уходящую корнями еще в религии Древнего Востока (рис.2).

В христианской традиции посох или жезл символизировали Древо познания и власть над пространством небесным, земным и подземным. [7]. В этой связи возникает вопрос о том, по какой причине атрибут власти, имеющий столь позитивное смысловое значение, и принадлежащий силам небесным, мог встречаться и в иконографии Дьявола.

Проанализировав все сцены с Штутгартской псалтири, можно заметить, что посохом Дьявол наделяется лишь в крайних случаях — в сценах столкновения с высшими небесными силами, а именно в сценах искушения Христа. Таким образом, раннесредневековым художником двигало желание противопоставить почти равновеликие фигуры — чем ярче подчёркивалась сила Дьявола, его власть над злом, тем сильнее должен быть Иисус и вера в него. Снова в искусстве Средних веков прослеживался мотив антитезы, вечного противостояния добра и зла, Дьявола и Бога — как в библейских текстах, так и на миниатюрах псалтирей Дьявол представлялся антагонистом Господа, главным врагом праведности.

Традиция наделяния Дьявола посохом в сценах, изображающих искушение Христа, закрепилась и прослеживается в более поздних псалтирях. Например, в Хлудовской псалтири (ок. 850 года), где посох несколько видоизменен и его навершие надлено особым свечением (рис. 3).

Атрибутика, присущая образу Дьявола, крайне обширна и разнообразна — в его иконографии можно встретить не только посох и жезл, но и трезубцы, двузубцы, кольца, цепи, бугры, вилы и, что гораздо чаще, дубинки. При этом, зачастую, будучи сам вооружён посохом, жезлом, копьём или двузубцем, Дьявол повержен своим же орудием. Особенно часто встречается подобный мотив в сценах с Михаилом-Архангелом, где острия орудия, часто двузубца, повернуты и загнуты в сторону самого Дьявола — этот визуальный приём указывает не только на бессилие Дьявола, но и на то, что, сражаясь с силами добра, он вредит самому себе.

Примечательно и то, что Дьявола крайне редко изображали вооружённым мечом. Вероятно, меч в рамках средневековых представлений был благородным оружием, именно поэтому не допускалось его использование та-

ким низшим существом, как Дьявол, которому больше подходили грубые дубины, крюки и тому подобное. С одной стороны, это было обусловлено новозаветной символикой меча – атрибута Сына Человеческого в час Страшного Суда («из уст Его выходил острый с обеих сторон меч» - Откр. 1:16), визуальной фигуры Божественного слова («меч духовный, который есть Слово Божие» - Ефес. 6:17). С другой стороны, в символическом языке средневекового права меч - символ власти; это его значение восходит к античному понятию «*potestas gladii*» как авторитета, имевшей право решать вопросы жизни и смерти. Таким правом и властью обладает только Бог; Дьявол карает лишь по его попущению [4, с. 174].

Помимо всего прочего, Дьяволу, обвинителю и карателю на небесном суде, приписывалась в средневековой культуре и власть над смертью. Он является тёмной стороной божественной сущности, не претендующей на благость, именно поэтому ряд апокрифических и библейских текстов именуют его «имеющим державу смерти» (Евр. 2:14); «человекоубийцей от начала» (Иоан. 8:44); «завистью диавола вошла в мир смерть» (Прем. 2:24).

В преддверии тысячного года, средневековое общество и церковь находятся в ожидании Апокалипсиса, следствием чего становится рост интереса к книге «Откровения» Иоанна Богослова. В результате возникает абсолютно новая иконографическая традиция изображения Дьявола как одного из ключевых участников событий Апокалипсиса. Теперь он, зачастую, предстает в образе Антихриста, восседающего на Левиафане. Весь его облик – это антропоморфный образ «царя и воина», дополненный посохом, короной и часто крыльями. (рис. 4.)

Данный образ разъясняется апокалиптической литературой следующим образом: «откроется человек греха, сын погибели...», «...противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога». (2Фес, 2Сол. 2: 3-4). Так, подобная трактовка Антихриста как лжебога, который воссядет в храме Божьем и потребует поклонения себе, способствовала развитию иконографической традиции наделения Антихриста атрибутами власти.

Человек, поддавшийся искушению, попадает под власть Дьявола, «князя мира сего» и палача-карателя. Борьба демонических сил с человеком может выражаться в различных формах – в визуальной демонологии мы можем найти разнообразное оружие и различные орудия пыток, упомянутые в религиозных текстах и комментариях к Библии отцов церкви.

В основе святоотеческих воззрений лежало представление о противостоянии человека и Дьявола как внутренней духовной войны. «Увидев, что пришло время духовных войн, как войны Христа..., пребудем в лагерях Церкви, будем бодрствовать в боевом строю Христа» [4, с. 170]. Монашество позиционировало себя как «воинство Христово», против которого «единое тело – дьявол и все неправедные». [2, 13:34]. У Григория Великого мы находим в «Моралиях» - «каждодневно стоим мы на линии фронта, каждодневно принимаем стрелы его (Дьявола) искушений». [2, 2:18]. Войску праведных противостоят фаланги демонов. Визионерский опыт также описывает войско Дьявола как вооруженное – как пишет Григорий Турский, «наяву явились с лязганьем всяческого оружия, и начали его пронзать остриями металлических стрел». [4, с. 171]. Воины с обеих сторон оснащены оружием по всем правилам военных реалий, исключение составляет лишь то, что всё их оружие находится внутри, оно духовное – («стрелам нечистых помышлений» проти-

востоит, согласно Иоанну Златоусту, «меч духа», и т. п.), (Гомилии на Еф. 6:17). [2, 4:11].

Ещё в раннем христианстве встречаются словесные конструкции-аллегии духовной войны, что ведут между собой праведные и грешники. Богослов Василий Кесарийский пишет, что «Порочные демоны имеют оружие, но и праведные вооружены. У праведного есть щит веры, у дурного же свой щит – щит неверия; у первого – меч разума, у второго же – меч безумия и безрассудства. Тот защищен латами справедливости, этот – опоясан доспехами несправедливости». [Толк. На Еф. 6:16]. Именно упомянутые иносказательно в подобных текстах военные атрибуты и были вписаны раннесредневековыми мастерами в иконографию Дьявола.

Вооружённый Дьявол может быть не только воином, но и «охотником за людьми», поэтому атрибутикой его образа могут выступать, наряду с копьями и стрелами, и силки с капканами и сетями. Особенно часто подобного рода изображения встречаются в Утрехтской псалтири.

В визуальной традиции также можно встретить и верёвки или цепи – мотив двух сил, которые тащат человека в разные стороны, олицетворение спора Бога и Дьявола о человеке. Иоанн Златоуст пишет, что надежда, в которой «мы спасены» (Рим. 8:24), – «словно крепкая свисающая с неба цепь, которая удерживает наши души и понемногу тянет их вверх»; дьявол же отягощает нас «сознанием дурных поступков», а потом и «свинцом отчаяния» – «те, кто под этой тяжестью отрывается от цепи, тонет в бездне несчастий» («К Феодору падшему. Увещание первое»). [3]

Мотив противостояния фигуры Бога фигуре Дьявола является ключевым как в словесной, так и в визуальной иконографии искусства раннего средневековья. Однако, в конечном итоге над Дьяволом одерживает победу Иисус Христос, а вместе с ним и с его помощью ангелы, святые, праведники и т.д. Причём фигуры победы высших сил над Дьяволом часто сходны визуально с вышеперечисленными фигурами доминирования Дьявола над грешниками. Так, Дьявол может быть попран ангелом ровно так же, как демон попирает грешников. (рис.5 и рис.6). Прослеживается симметрия в назначении всех персонажей, как демонов, так и ангелов, не только в схожей атрибутике, но и в механизмах взаимодействия с предметами, следовательно, свойства данных предметов, независимо от принадлежности их к божественной/дьявольской стороне, сохраняются.

Помимо прочего, Дьявол мог также быть повязан/окован узами, цепями или верёвками. Победа над Дьяволом становится иконографической константой, постоянно присутствующим атрибутом его преступления, поражения и бессилия – «навек связан узами своего нечестия» (ком. на Псалом 68, Амвросий Медиоланский) [4, с. 184]

Примечательно, что встречаются сцены, изображающие полностью вооруженного Дьявола, поверженного простым крестным знаменем праведника – тонкий визуальный приём, подчеркивающий ничтожность мнимой силы Дьявола в сравнении с духовной силой святости.

Таким образом, на протяжении всего раннего Средневековья можно выделить несколько устойчивых иконографических схем в изображении Дьявола. От ангела к человекообразному темному демону и фантастическому существу из Откровения – на разных этапах потребность наделять образ Дьявола властными чертами выражается самыми разными способами, что показывает отношение средневекового общества к Дьяволу как к властной фигуре. Помимо непосред-

ственно атрибутов власти, Дьявол, параллельно, наделяется и другими, связанными с властным, признаками – силой и воинственностью.

Необходимо отметить и тот факт, что, зачастую, при изображении положительных и отрицательных персонажей художники использовали принципы симметрии и противопоставления, что, с одной стороны, уравнивало композицию произведения, а с другой, усиливало антитезу «добро – зло».

Атрибуты, присущие Дьяволу, истоки которых лежат в разного рода канонических христианских текстах, постепенно формировались закреплялись в качестве постоянных знаков визуальной демонологии, что делало фигуру Дьявола узнаваемой и преследовало, своего рода, просветительские цели, ведь любой средневековый человек, опираясь на знание данного символического языка, мог «прочитать» то или иное изображение и получить определенную, заложенную в данное изображение, информацию.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2002. 1376 с.
2. Григорий Великий (Двоеслов). Моралии на книгу Иова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/moralii-na-knigu-iova/
3. Иоанн Златоуст. Огласительные гомилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/oglasitelnye-gomilii/
4. Махов А. Е. Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Intrada, 2011. 292 с.
5. Махов А. Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. – М.: Intrada, 2013. 416 с.
6. Рассел. Дж. Б. Люцифер. Дьявол в средние века СПб.: Евразия, 2001. 447 с.
7. Страхова И. А. Преемственность символа Древа жизни из древнейших религий (Египта и стран Ближнего Востока) в христианское искусство и его интерпретация отцами Церкви // Труды Белгородской духовной семинарии. 2019. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-simvola-dreva-zhizni-iz-drevneyshih-religiy-egipta-i-stran-blizhnego-vostoka-v-hristianskoe-iskusstvo-i-ego> (дата обращения: 15.02.2021).
8. Утрехтская псалтирь. Университет Утрехта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: psalter.library.uu.nl/
9. Хлудовская псалтирь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ziereisfacsimiles.com/chludov-psalter>
10. Штутгарская псалтирь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/album-67233557_226201636

Приложение 1

Рис. 1. Мозаика в Сант-Аполлинаре-Нуово (ок. 520)

Рис. 2. Штутгартская псалтирь, Германия. 820-е – 830-е гг.

Рис. 3. Хлудовская псалтирь. 840-е – 850-е гг.

Приложение 2

Рис. 4. Антихрист во славе, восседающий на Левиафане. Миниатюра из манускрипта Liber floridus. Гент, Университетская библиотека

Рис. 5. Утрехтская псалтирь. IX век.
Илл. К Пс. 8:3. «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя».

Рис. 6. Утрехтская псалтирь. IX век.
Илл. К Пс. 27:1. «К Тебе, Господи, взываю: твердыня моя! не будь безмолвен для меня, чтобы при безмолвии Твоем я не уподобился нисходящим в могилу».

SYMBOLS OF POWER IN THE IMAGE OF THE DEVIL IN THE ART OF THE EARLY MEDIEVAL

Rafikova A.Sh.

Kazan Federal University
Kazan, Russia

Abstract. One of the most fundamental ideas underlying any culture is the concept of good and evil, which is reflected, among other things, in art. In medieval Christian culture, the image of evil was expressed through its personification - the Devil. At the same time, understanding the role of the Devil and, accordingly, his image underwent various transformations: from an angelic creature to an animal with anthropomorphic features and a mythical monster. Changes in ideas about the Devil and his incarnations, exaltation or belittling of his power, testified to changes in the perception of evil in society. The thinking of the people of the Middle Ages is symbolic, in their minds, certain abstractions, such as strength, greatness, power, can be embodied in signs-symbols, such as, for example, a staff or a sword. Attributes of this kind could be endowed not only with positive, but also negative characters, which suggests the presence in medieval culture of ideas about the power of evil. Evil, as the beginning of the opposite of good, was thought to exercise power over various calamities occurring in the world and was personified in the images of the Devil as the Prince of darkness, the Son of Perdition, the Prince of this world. Such representations were equally reflected in the texts, both visual and verbal. In this regard, within the framework of this article, a study is carried out on the transformation of the representation of the image of the Devil, in particular, as a character endowed with powerful attributes, in the Middle Ages, the problems of the connection of such transformations with changes in society and culture are raised.

Keywords: Middle Ages, representation of evil, image of the Devil, Apocalypse, Christianity, Bible, symbols of power, staff, psalter.

Автор публикации

Рафикова Аделия Шавкатовна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. vinnirafikova@yandex.ru

Author of publication

Rafikova Adelia Shavkatovna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. vinnirafikova@yandex.ru

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОШЛОГО В ПЬЕСАХ ГЕНРИКА ИБСЕНА

А.Д. Тимачева
atimacheva@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Театральное искусство Норвегии берёт своё начало с XIX в. Основателем национальной драматургии и всемирно известным писателем стал Генрик Ибсен. XIX в. вошел в мировую историю и культуру как эпоха романтизма, характеризующаяся обращением к средневековому историческому прошлому, рождением национализма, созданием уникального героя, обращением к чувствам и эмоциям. Норвегия, находясь под длительным политическим влиянием Дании и Швеции, в XIX в. начинает борьбу за национальную независимость. Через обращение к историческому прошлому норвежского общества Генрик Ибсен ставит на сцене Бергенского театра пьесы с историческим сюжетом, призывая народ подняться на борьбу. В процессе создания своих произведений автор обращается к древнескандинавским сагам и легендам и берёт сюжеты средневековья для своих постановок. Генрик Ибсен мифологизирует историческое прошлое Норвегии в театре, внося авторский вымысел, но сохраняя дух и атмосферу эпохи.

Ключевые слова: Норвегия, театр, национальная культура, романтизм, мифологизация, средневековье.

Благодарности: Автор выражает признательность за помощь при написании данной статьи к.и.н., доценту Бикеевой Н.Ю.

Миф играл ключевую роль в сознании древнескандинавского общества, дав начало целому литературно-поэтическому направлению – сагам. Миф определял уклад жизни общества, представлял собой негласный свод правил, что предопределило его вклад в историко-культурном развитии Скандинавии. Самым известным памятником по древней истории северного региона является «Круг Земной» («Хеймскрингла»), автором которой стал исландский скальд Снорри Стурлусон. Он рационализирует миф, наделяет шведских и норвежских конунгов чертами языческих богов. Обращаясь к эвгемеристической теории, Снорри Стурлусон придает мифам историческую форму, подчеркивает религиозное начало происхождения Скандинавии [7, с. 14].

Обожествляя реальных персонажей, наделяя их мифическими функциями, Снорри создает образ «культурного героя», который стоит у истоков, с него начинаются все традиции и обряды, он занимает особое положение во времени. Нечто похожее – уникальное внутреннее «Я», встречается у романтиков XIX в., которые обращаются к средневековому прошлому и религиозному сознанию, в этот период выдвигается принцип историзма в искусстве.

В Скандинавии на протяжении веков складывалась интересная ситуация, которую можно определить как «двоеверие»: несмотря на официальное принятие христианства и укрепление церкви, в сознании людей продолжали жить мифические представления о происхождении жизни, определявшие уклад жизни всего скандинавского севера. Именно миф лег в основу исторического развития этого региона, сюжеты саг рассматриваются как источник об истории древнескандинавского общества. Неудивительно, что норвежский романтизм XIX в. будет обращаться именно к мифологическому прошлому, оживляя свою историю и национальную культуру. В этот период место мифологии начинает занимать история, народные легенды и сказки. По мнению Гуревича, исторические песни, героический эпос заимствовали мотивы из сказки, но при этом выделяет ряд различий: исторические песни в отличие от

сказок претендуют на истинность, события в эпосе происходят в реальном времени [7, с. 3].

В этот период особую популярность приобретают средние века, ставшие сюжетным источником для многих народов, находящихся в долгой тотальной зависимости от своих соседей. С помощью культурно-исторического подхода и метода «case study» (изучение отдельных сегментов общей проблематики) стоит рассмотреть национальную культуру Норвегии через призму театрального искусства, базировавшегося на обращении к средним векам, репрезентация которых стала актуальна в рамках политической истории XIX в.

Национальная культура стала ключевым предметом интереса романтиков XIX в. во всем мире, идея народного единства, уникальности воодушевляла творцов искусства. Романтики провозглашали принцип изучения и развития искусства с точки зрения условий места и времени, обуславливая историческое своеобразие каждого народа его национальными особенностями [2, с. 217]. Нарастающее отрицательное отношение к буржуазной современности вынуждает романтиков обращаться к средневековому прошлому, противопоставляя его действительности. Эпоха средневековья ложится в основу многих сюжетов и направлений искусства XIX в., особенное внимание уделяется тем видам творчества, которые непосредственно воздействуют на чувства – музыка, поэзия и театр. Неудивительно, что исторический роман становится самым востребованным жанром литературы в XIX в. Романтизм призывал обращаться к искусству, считая его высшей формой развития человеческих способностей, именно по этой причине формирование национальной культуры многих стран приходится на этот период, в том числе и Норвегии. А. Шлегель утверждал, что в драме должна решительно выступать национальность [2, с. 220].

История начинает служить современности, становится её метафорическим выражением. Демонстрируя на сценах театра в Кристиании и в Бергене эпизоды из средневековой жизни, постановщики акцентировали внимание публики на патриотизме и любви героев к своей родине, преследуя цель пробудить в современниках национальное самосознание и ощущение самобытности народной культуры [8, с. 279]. Представители романтизма разных стран стремились объяснить искусство чертами национальной жизни и культуры, особенностями прошлого своего народа. Норвежская культура, потерянная за много веков подчинения свои братьям-скандинавам, нашла в романтизме возможность возродить своё «национальное Я» и, обращаясь к истокам своего исторического прошлого, стать самостоятельной в настоящем. Именно к XIX в. относится формирование национальной культуры не только Норвегии, но и Скандинавии в целом – на мировую арену выходят сказки датчанина Г.Х. Андерсона, произведения Ю.А. Стриндберга. В Норвегии обращение к истокам имело особую ценность – это был инструмент для воздействия на сознание народа с целью призыва к борьбе за независимость и возрождение самостоятельного государства. По этой причине к середине XIX в. возникает идея о создании национального театра в Бергене под руководством великого драматурга Генрика Ибсена.

Жанр исторической трагедии, мифологизированный средневековыми персонажами и сюжетами, предстает у Генрика Ибсена в рамках современной норвежцу XIX в. национально-освободительной борьбы. Драматург, будучи романтиком, придает особое значение историческому прошлому, оживляя его на сцене Бергенского театра. Именно театра стал главным очагом борьбы, он

был открыт по инициативе известного на весь мир скрипача Уле Булля в Бергене, где в оппозицию Кристианийскому государственному театру во главе труппы стояли норвежские актеры и режиссеры, среди которых яркой фигурой стал Генрик Ибсен, а затем и его близкий товарищ – Бьернстjerne Бьернсон. Уже будучи звездой мировой сцены и представителем национального искусства Норвегии, Уле Булль, вернувшись на родину, не мог смириться с влиянием «даноманов» на развитие норвежского театра, и во время бурного празднования в честь его приезда, высказал мысль о создании национального театра с центром в Бергене – по сей день этот театр носит название «Национальная сцена». Стоит отметить, что Берген был выбран не спроста: город являлся не только родиной Уле Булля, но и во времена его детства был популярен своими блистательными постановками от «Драматического общества», который славился высоким профессионализмом и хорошей подачей, но не выдержал финансового гнёта. Сейчас же, в период «норвегизации», когда шла борьба за искоренение инородных элементов языка из культуры, создание национального норвежского театра стало волевым шагом к формированию очага борьбы против влияния Дании и Швеции [9, с. 53-55].

Генрик Ибсен, заняв негласный пост национального драматурга, поддерживал свой народ в борьбе за независимость, на сценах год за годом представляли премьеры новых постановок с историческим сюжетом. Он обращался к сагам как к источникам своих произведений, ищет в них сюжеты [1, с. 272]. Для одной из самых знаменитых своих пьес «Воители в Хельгеланде» [6, с. 323] он берет канву из «Саги о Вельсунгах», при этом он не демонстрирует ни реальных исторических лиц, ни событий. Драматург берёт в основу, сюжетную линию, в которой заключена для него идея борьбы. И преобразует её на современные зрителью реалии, проводя параллель между средневековым прошлым и настоящим. Для Генрика Ибсена было важно указать конкретное время правления Эрика Кровавой Секиры – конец эпохи викингов и начало нового исторического этапа, христианской Скандинавии. Ту же идею крушения старого мира (периода подчинения Норвегии свои скандинавским соседям) и начало нового (характеризующегося политической и культурной независимостью государства) пытается донести до современников автор. И само название для пьесы выбрано неслучайно: согласно древним преданиям, через Хельгеланд, расположенный на крайнем севере, пролегает путь павших воинов в Вальхаллу [12, с. 163-164].

Романтизм провозгласил принцип изучения искусства с точки зрения его места и времени. По этой причине драматург в процессе создания своих произведений стремится к точной передаче духа эпохи, детализации предметов быта, что прослеживается в его пьесах. Генрик Ибсен изучает источники, обращается к историкам, стремясь не к достоверной передаче событий, а духа времени. Сохранились письма автора к деятелям сцены Кристианийского театра, в котором Генрик Ибсен работал позже. В них он призывает к тщательной работе актеров с текстом, духом времени с целью передачи достоверности периода. Несмотря на то, что пьесы в новом театре не обращены к средневековому прошлому, свидетельства о них передают главную цель драматурга в театральном искусстве – передача духа времени: «...вообще каждая сценическая картина должна, насколько это возможно, отражать действительность», «Из Вашего письма, полученного мною вчера, я узнал, что роли обоих мальчиков в моей пьесе поручаются двум актрисам. Это привело меня в некоторое замешательство, поскольку я усмотрел здесь свидетельство того,

что нет надлежащего внимания к тому духу, в каком написана эта вещь и в каком ее требуется играть», «Воздействие пьесы во многом зависит оттого, чтобы зрителям казалось, будто они слышат и видят нечто такое, что совершается в действительной жизни» [10, с. 332].

Дух историзма проник во все формы творчества, а том числе и в театр, создав жанр исторической трагедии. Произведение «Борьба за престол» [6, с. 75] как и другие исторические драмы Генрика Ибсена были рождены своим временем – эпохой романтизма. В нём ярко прослеживается идея о призвании героя, его исключительности. Призвание короля Хакона – положить конец вражде и объединить Норвегию, укрепить её. Из идеи романтизма, оказавшей непосредственное влияние на драматургию всего XIX в., сформировалось новое общественное течение – народное объединение. Особенно мысль о единстве и братстве кровных народов была близка странам Северной Европы – Швеции, Дании и Норвегии. Движение, вошедшее в историю под названием «скандинавизма», началось ещё в средние века и в эпоху расцвета культуры романтизма обрело свою силу. По этой причине пьеса «Борьба за престол» становится одним из ключевых произведений автора, так как в ней напрямую говорится о величии королевской власти, способной спасти народы от распрей.

На основе этого произведения также можно отметить использование Генриком Ибсеном исторической канвы в процессе работы над сценами. Драма Генрика Ибсена «Борьба за престол» представляет собой самый яркий пример единства средневекового прошлого и современного автору настоящего под началом театральной культуры. Поставлена эта пьеса была впервые в 1863 году в Христиании, но нескоро была воспринята за пределами Норвегии, только в 1871 году ставится в Копенгагене [6, с. 76].

Известный норвежский историк Эрнст Сарс в своем труде «Обзор истории Норвегии» проводит параллель между сторонниками короля Хокона и ярла Скуле, давая о них представление как о двух политических партиях [13, с. 203]. Подобную расстановку сил и описание героев наблюдается и в пьесе Генрика Ибсена, где он противопоставляет законную королевскую власть Хакона политическому интригану ярлу Скуле. Биркебейнеры, выступающие на стороне короля Хакона, действуют открыто и честно, а соратники ярла Скуле, которых именуют баглерами, пытаются захватить власть обманом и хитростью. В историческом описании Эрнста Сарса дается объяснение различий двух политических оппонентов: король Хакон, являясь преемником Сверре, уверен в непоколебимости своей власти, дарованной ему с раннего детства. Ярл Скуле является представителем борьбы аристократических тенденций с королевской властью, однако борьба эта завершилась победой второй силы ещё при предшественниках короля Хакона. Мятеж ярла Скуле стал последней попыткой возобновить борьбу, и несмотря на частичную поддержку со стороны аристократии завершился поражением [4, с. 438].

Взгляды на представленное описанное событие историка Эрнста Сарса и драматурга Генрика Ибсена совпадают, но в силу своей художественной природы последний смогу придать героям больше чувственности и глубины, не исказив при этом исторической реальности. Единственным пунктом расхождения взглядов историка и драматурга является образа короля Хакона. Эрнст Сарс видел в нём рядового героя своей эпохи, не выделяющегося среди других, для Ибсена же этот персонаж предстает ключевой фигурой, исключительной.

Культура романтизма положила начало интереса, внимания к национализму, а соответственно к роли народа в историческом процессе [5, с. 12]. В связи с этим деятели искусства начинают обращаться к населению, простому народу. В пьесе «Фру Ингер из Эстрота» [6, с. 41] драматург представляет образ сильной землевладелицы середины XVI в., которая с молодости славилась своим стремлением избавиться от датского покровительства и привести Норвегию к былому могуществу. Но на момент описанных в пьесе событий фру Ингер, уже будучи зрелой женщиной, подавляет любые попытки со стороны подчиненного ей народа оказать сопротивление датчанам. В этом сюжете Генрик Ибсен продемонстрировал неспособность верховной власти добиться независимости и призывает к активным действиям со стороны населения. Именно народ в XIX в. станет главной действующей фигурой национально-освободительной борьбы: были созданы различные общества, поднимались волнения среди студентов, развивалось рабочее движение и даже создавались социалистические партии.

Используемый Генриком Ибсеном жанр легенды позволяет сохранить общую концепцию сюжета, при этом драматург подстраивает его под свои нужды – в данном случае он сделал акцент на актуальности событий политической истории средневековой Норвегии в рамках современного ему мира. Транслируемые им события прошлого сохраняют устоявшиеся в обществе стереотипы и вспоминая, но в них же можно проследить актуальность общественной жизни XIX в. К примеру, в своем произведении «Богатырский курган» [6, с. 1] Генрик Ибсен репрезентирует образ викинга, в котором заложена любовь и преданность своей родине. Культурно-исторический подход в отношении исследования средневековья позволяет выявить образ типичной для того периода повседневности норвежского народа, понять истоки их воинственной натуры. До сих пор образ норвежца ассоциируется с бесстрашными викингами, хозяевами морей и благородными воинами, хотя этих самых викингов давно уже и нет. Культурное пространство средних веков для Норвегии заложил некий анахронизм для последующих эпох: образ викинга-скандинава. Что является отличительным для культуры Скандинавии в целом, так это принципы формирования её национальной культуры, которая базируется на языческих традициях раннего средневековья и безудержной смелости последующих веков.

Стоит также отметить, что и сама форма заключения важной мысли в пьесах преемственна от древних исландских скальдов, которые обычно воспроизводили политические переживания и конфликты в своих песнях. Не только сюжет, но и формат подачи взят из Средневековья [11, с. 6].

Генрик Ибсен не прибегает напрямую к использованию мифа, религиозного объяснения происхождения скандинавского мира, он обращается к историческим сюжетам – сагам. Мифологизация средневековья заключается в преемственности и возрождении идей исторического прошлого. Как когда-то саги приняли мифологию в качестве основы своих сюжетов, наделяя конунгов божественным происхождением, так в XIX в. Генрик Ибсен принимает саги как основу для своих произведений и наделяет норвежскую современность её средневековым прошлым.

Литература

1. Адмони В. Г. Генрик Ибсен: очерки творчества / 2-е изд., перераб. и доп. Ленинград: Худож. лит., 1989. 272 с.
2. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. – М.: «Искусство», 1977. 397 с.
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. – М.: Изд-во «Традиция», 2009. 410 с.
4. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе/ Т. Н. Джаксон. - М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2012. 660 с.
5. Европейский романтизм / Отв. ред. И. Неупокоева, И. Шетер. — М.: Наука, 1973. 504 с.
6. Ибсен Г. Полное собрание сочинений / Перевод с датско-норвежского А. и П. Ганзен. Т. 1-8. - М.: Издание С.Скирмунта, 1904-1908. 2824 с.
7. Ларрингтон К. Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов» / К. Ларрингтон; пер. с англ. О. Чумичевой ; науч. ред. И. Мокин. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 235 с.
8. Неустроев В. П. Литература Скандинавских стран (1870-1970): Учеб. Пособие для филол. фак. ун-ов. М.: Высшая школа, 1980. 280 с.
9. Хейберг Х. Генрик Ибсен. Пер. с норв. В. Якуба. Послесл. В. Адмони. М.: «Искусство», 1975. 278 с.
10. Хрестоматия по истории зарубежного театра: учебное пособие/ под ред. Л. И. Гительмана. - СПб.: Изд-во СПГАТИ, 2007. 640 с.
11. Элиас Л. Бредсдорф. Литература и общество в Скандинавии; редактор: С. Д. Комаров. М.: «Прогресс», 1971. 200 с.
12. Юрьев А. А. Жанр исторической трагедии в раннем творчестве Хенрика Ибсена// Скандинавская филология. Вып. XI. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 160-169
13. Den Norske Historie. J. E. Sars. Christiania: Alb. Cammermeyers Forlag, 1877. Vol. 2. 400 p.

MYTHOLOGIZATION OF THE MEDIEVAL PAST IN THE PIECES OF HENRIK IBSEN

A.D. Timacheva

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. Theatrical art in Norway dates back to the 19th century. Henrik Ibsen became the founder of national drama and a world famous writer. The 19th century entered world history and culture as the era of romanticism, characterized by an appeal to the medieval historical past, the birth of nationalism, the creation of a unique hero, an appeal to feelings and emotions. Norway, under the long-term political influence of Denmark and Sweden, in the 19th century began a struggle for national independence. Through an appeal to the historical past of Norwegian society, Henrik Ibsen puts on the stage of the Bergen theater plays with a historical plot, calling on the people to rise up to fight. In the process of creating his works, the author turns to the Old Scandinavian sagas and legends and takes subjects from the Middle Ages for his productions. Henrik Ibsen mythologizes the historical past of Norway in the theater, introducing the author's fiction, but maintaining the spirit and atmosphere of the era.

Keywords: Norway, theater, national culture, romanticism, mythologization, the middle ages.

Acknowledgements: The author expresses gratitude for the help in writing this article, candidate of historical sciences, associate professor N.Y. Bikeyeva.

Автор публикации

Тимачева Анна Дмитриевна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. atimacheva@mail.ru

Author of publication

Anna D. Timacheva, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. atimacheva@mail.ru

ОБРАЗ ВРАГА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В «САГЕ О СВЕРРИРЕ»: МОРАЛЬНЫЙ, САКРАЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Э.Э. Хамидуллин

emil-hamid@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. цель статьи заключается в выявлении аспектов изображения власти монарха в «Саге о Сверрире». В статье рассмотрены различные группы противников Сверрира а также особенности репрезентации, присущие им. Сверрир начал борьбу за власть будучи самозванцем, при этом в стране уже начинала приходить в спокойствие после витка Гражданских войн — на престол был помазан монарх, опорой которого был могущественный отец и клир. Ожесточенное противостояние создало необходимость формирования идеологического ответа на возможные споры о легитимности власти Сверрира. Дифферентность противников а также социальной ситуации, в которой они появлялись, создавала необходимость использования различных инструментов в ходе идеологической борьбы. В целом, сложно говорить о том, что на страницах Саги идет какая-либо полемика. Враги Сверрира выполняют определенную роль в идеологической парадигме произведения, своими поступками доказывая «идеальность» правления главного героя.

Ключевые слова: потестарная имагология, «Сага о Сверрире», Эпоха гражданских войн в Норвегии, историописание.

Обращение к этическим, религиозным и правовым вопросам также занимает важное место в этой саге. Данные явления стоят вместе, так как религия в Средние века является связующим компонентом морали и права, и переплетаясь они создают сложные идеологические конструкции в саге.

Несомненно, важным аспектом образа врага является его моральная или аморальная характеристика. В саге обнаруживаются моменты, благодаря которым раскрывается образ врагов. Именно их контрастная постановка с действиями Сверрира создает эффект морального превосходства Сверрира над его противниками.

Одним из таких вопросов является обращение с пленными. В главе 32, где говорится о Чуде конунга Олава Святого, явленном Сверрир, ярл Эрлинг произносит следующую речь, в которой говорит, чтобы плащевики даже не думали о пощаде берестенникам. Затем в речи перед битвой у Норднеса Магнус в своей речи призывает никого не щадить. В эпизоде, когда Магнус конунг в первый раз выбил Эйрика конунгова сына из Нидароса, с пленными поступили так: Эйвинда Скарви вывели из церкви, отвезли на Эйрар (холм около Нидароса, лобное место) и убили, приближенного Сверрира Гудлауга пытали, берестенников при возможности убивали [3, с. 68]. Затем уже перед битвой в Согне, которая стала последней для Магнуса, Асбьёрн сын Йона призывал никого не щадить из берестенников: «ведь все равно, чьё мясо давать на съедение собакам и воронам» [3, с. 91-92].

Поступки плащевиков понятны, против них были преступники, которые которые не перестанут бороться, ведь ими движет не жажда наживы, а жажда власти. Сами берестенники уже после того, как захватили власть в Норвегии, нещадно уничтожали своих противников.

Однако по сравнению со Сверриром, и в его трактовке, они действительно изображаются аморально. На протяжении всей саги Сверрир призывает прощать и щадить врагов, яркая речь есть в главе 38 [3, с. 43]. Даже в самых ожесточенных битвах, если берестенники и не щадят своих противников, то

Сверрир отмежёвывается от подобных действий и прощает всех, кто к нему обращается лично, например в главе 48 [3, с. 50]. Он апеллирует к тому, что у всех есть бессмертная душа, и Сверрир хочет прощения Бога за его грехи, к этому же он призывает своих людей. Тем самым он стремится к спасению не только своей души, но и своих сторонников.

Это влияет на восприятие Сверрира как монарха. Магнус не ведет себя как христианин и не может быть христианским монархом в отличие от Сверрира – создается аллюзия на противостояние Давида и Саула [8, с. 12-17]. В контексте эпохи происходит борьба за идеологическое наследие двух монархов. С одной стороны это Олаф Святой [5, с. 35], с другой Карл Великий [2, с. 149]. Возникает две идеологических конструкции. В рамках первой утверждается что Норвегией может управлять только Сверрир, так как он является истинным Магнусом (сыном Олафа святого). Вторая же конструкция является более интеллектуальной и скорее отсылает к общеевропейской историографической традиции. Однако «ученые мужи» того времени могли указать на то, что, формально, Магнус мог так себя вести, ведь его враги выступали против христианского монарха. Преодоление формальной стороны божественного права является одной из задач Сверрира на протяжении всей саги. Если Магнус и был коронован папским легатом, то Сверрир был избран Богом [1, с. 123-142]. Поэтому, если Сверрир не может стать христианским монархом «по-форме», то является им «по-сути». Аспект всепрощения активно используется Сверриром для доказательства того, что он является более христианским монархом чем Магнус. К тому же данный аспект раскрывает Сверрира как умелого политика.

Другой немаловажной темой, используемой в идеологической борьбе, является обращение с усопшими. В речах перед битвами лидеры плащевиков кроме призывов не щадить берестенников говорили о том, что пела их противников будут брошены на съедение собакам и воронам [3, с. 91], то есть не будут похоронены как христиане. В противоположность этому, Сверрир при возможности хоронит своих противников либо предоставляет эту возможность их родственникам. Снова можно обратиться к речи Сверрира на похоронах ярла Эрлинга . В ней он иронизирует над словами архиепископа Эйрика, о том, что все погибшие в битве против Сверрира попадут в рай. После похорон воинов, сражавшихся против Сверрира, сам Сверрир призывает к тому, чтобы берестенники молились за упокой душ плащевиков, потому что, будучи обманутыми архиепископом, они нуждаются в прощении и спасении [3, с. 43]. И снова автор изображает Сверрира как христианского монарха, который старается спасти души не только своих сторонников, но и всех жителей Норвегии.

Важно отметить происхождение происхождения прозвища «плащевики». Ольга Александровна Смирницкая дает следующую трактовку: «Плащ без рукавов и с капюшоном (hekla) – одеяние духовных лиц и монахов, и это прозвище было связано, по-видимому, с тем, что духовенство во главе с архиепископом поддерживало конунга Магнуса против Сверрира». [3, с. 250]

Однако в саге дается иная трактовка [3, с. 45]. Почему? С одной стороны, подобная трактовка прозвища «плащевики» может быть истинной. С другой, еще одним выражением стремления Сверрира скрыть конфликт с церковью. Действительно, в данной части саги мало что говорится о противостоянии с духовенством, особенно если сравнивать с последующими частями. Данное противостояние нивелируется образом самого архиепископа.

Автор изображает его таким же мирским властолюбивым человеком, который прямо вовлекается в военные действия, что вряд ли может соответствовать его сану. Архиепископ Эйстейн снаряжает военные корабли против Сверрира, позже Сверрир обвинял его в этом. Но наиболее ярким ударом по авторитету является уже описание действий Эйстейна во время конфликта Сверрира уже со следующим архиепископом Эйриком [3, с. 112]. Автор прямо описывает мотивы Эйстейна в его деятельности. Он короновал Магнуса Эрлингссона, который не имел прав на престол, чтобы его отец Эрлинг позволил Эйстейну «грабить крестьян» (увеличить судебные поборы) [3, с. 112].

Все же стоит вернуться к трактовке, представленной в саге. Почему она так важна? Что она должна сообщить читателю? Сверрир снова обращается к теме обращения с усопшими. Ситуация описывается следующим образом: где-то в Норвегии умерла одинокая старуха, от нее остался только плащ и в нем обнаружилось серебро, которое плащевики растащили, а плащ сожгли. Не сообщается, соблюли ли плащевики похоронный ритуал, казалось бы, это само собой разумеется. Однако у данного сообщения негативный посыл. Ближайшим претендентом на это наследство должна была выступить церковь, которая отпела бы старуху, а серебро использовалось бы в целях упокоения души бывшего хозяина. Ситуация трактуется так, что плащевики просто украли выморочное имущество, при этом уничтожив часть его. Отсюда и пошло презрительное прозвище сторонников Магнуса.

Дискуссии вокруг легитимности власти также занимают немаловажное положение в данной саге. В целом позиция плащевиков раскрывается в речах Магнуса и сводится к двум моментам: правление Магнуса легитимно, так как его короновал папский легат и Сверрир не может претендовать на королевскую власть.

В первом вопросе Сверрир прямо парировал обращением к традиции, по которой «не конунгов сын не может быть конунгом» [3, с. 63]. Так как Магнус действительно не был сыном конунга, а лишь сестры конунга, то данная позиция была весьма весомой. Автор предоставляет возможность выбора читателю, аргументы какой стороны наиболее весомые. Однако указывает на то, что у Сверрира их больше. Как раз для решения этого вопроса и конструируется морально-этический образ как врагов Сверрира, так и его самого. Если доказательство богоизбранности Сверрира в виде вещей снов может показаться эфемерным, то поступки сторон в течение конфликта подкрепляют позицию Сверрира.

Что же касается вопроса самозванчества Сверрира. Для него он был достаточно острый, так как прямых доказательств его наследования Сигурду не было и данный вопрос также находится на личном суде участников конфликта. Однако Сверрир так или иначе пытался воздействовать как на сознание его современников, так и на его восприятие читателями. Если опустить момент противоборства Сверрира с Магнусом за наследие Олафа Святого в виде имени Магнус, которое шло в контексте эпохи, но не в контексте саги [6, с. 5], то нас могут интересовать следующие события. Первым случаем является появление «единоутробного брата» Сверрира Эйрика. Он должен был пройти ордалию чтобы доказать, что он сын Сигурда. Сначала формулировку предложил Сверрир, по ней он Эйрик доказывал, что он сын Сигурда и брат Сверрира, однако Эйрик изменил формулировку так, что он не доказывал происхождение Сверрира. Тогда он поступает по иному. Сверрир в обвинениях против Эрлинга и Магнуса

постоянно обращается к одному из важнейших аспектов скандинавской культуры - родословной. В своих речах он проявляет глубокое знание своей родословной, тем самым он конструирует правовое поле вокруг себя, в рамках которого он является наследником Сигурда Рта [3, с. 62].

Еще одним компонентом скандинавской культуры, который использует Сверрир, является судьба, а точнее ее знаки. Сверрир в тексте саги обладает даром предвидения, что выражается в вещих снах, а также просто в предугадывании действий своих врагов. Врагов его, напротив, поражает «слепота», о чем пишет Смирницкая [4, с. 241-242]. Они не могут «читать» знаки судьбы, что проявляется в неверном истолковании падения Эрлинга при спуске на землю с корабля. Он сказал, что это удачный знак, хотя он таковым не является. Магнус тоже не смог разгадать смысл знака перед его кончиной - стаи ворон на его корабле.

С победой Сверрира множество самозванцев пыталось заявить о своих «правах» на престол. В то же время конфликт с духовенством не был разрешен даже примирением с архиепископом. Данные обстоятельства во многом обусловили второй период правления Сверрира.

Через год после гибели Магнуса в 1185 вспыхивает новое восстание [3, с. 101] под предводительством Йона Кукольщика, который назвал себя сыном конунга Инги, сына Харальда Гилли. Через год оно было подавлено.

Затем последовала победа над воинами Сигурда Поджигателя [3, с. 111], который якобы был единоутробным братом Йона Кукольщика. После него были добиты остатки кукольщиков под предводительством Симуна Карри, который вернулся из Дании с новым конунгом. Последним из самозванцев был повержен Торлейв Широкая борода, который именовал себя сыном Сигурда Рта.

Несомненно, важной проблемой было раскрытие самозванства. Йон Кукольщик погиб и не мог признаться в том, что он самозванец. Тогда был найден отец Йона. Он сначала должен был назвать приметку, которая была у его сына, прежде чем увидеть тело Йона. Он ее назвал и признал в Йоне своего сына Орма. Сверрир выстраивает ритуал, по которому ни у участников событий, ни у читателей не может возникнуть сомнений, что Йон - самозванец.

Сигурд Поджигатель перед смертью раскрывает свою личность. Его зовут Хедин, он сын Торгрима Хорсси, исландец. В эпизоде с уничтожением остатков кукольщиков под предводительством Симуна Карри даже не называется имя их нового конунга, его самозванство уже само собой разумеется в контексте саги.

По-другому данная проблема решается в случае с Торлейвом Широкая борода [3, с. 114]. Сначала автор создает образ экстраординарного человека, перечисляя слухи, которые ходили о Торлейве. Затем при разгроме шайки Торлейва, автор разрушает и сам образ Торлейва: «Не оправдалось тогда и то, что Торлейва нельзя взять врасплох, и то, что он может спасти свою жизнь красноречием». Этот эффект усиливается поминальной драпой, основной мыслью которой является то, что Торлейв - лжец. Автор формирует посыл, который должен достроить уже сам читатель: если все, что говорят о Торлейве - ложь, то и тезис о том, что он сын конунга, тоже ложь.

Особенно остро на втором этапе правления протекал конфликт с духовенством, начавшийся около 1191 года. В течении него своей кульминации достигает идея «слепоты» врагов Сверрира. Сверрир использует внезапно наступившую слепоту архиепископа Эйрика для выражения данной

идеи. Он говорил, что слепота Эйрика это его проклятие за те проклятия и отлучения, которые он направлял против Сверрира. Если бы он не был слепым на оба глаза, то у него рассудок слеп.

Для Сверрира данный вид конфликта был достаточно проблематичен, о чем свидетельствует замалчивание подобной конфронтации в течение борьбы с Магнусом. Противники Сверрира обладали авторитетом и влиянием на население. С одной стороны, происходит разрушение авторитета противников, как духовных лиц. С другой стороны, уменьшение масштаба конфликта. Данный прием осуществляется при помощи двух инструментов.

Первым является ложь. В саге говорится о том, что Сверрир представил доказательства своей правоты (папскую буллу), однако папа несколько раз опровергал это и подтверждал отлучение Сверрира от церкви. Автор, или авторы, саги не могли не знать, что Сверрир все же был отлучен, однако этот факт замалчивается либо не берется во внимания.

Вторым инструментом является презентация отсутствия последствий санкций, накладываемых клиром. В следующей главе говорится о том, что в Норвегию приехал легат Папы в 1194 году [3, с. 122], и он был даже готов по просьбе Сверрира совершить помазание и коронование. Однако враждебно настроенная часть клира выступила против и обвиняла Сверрира во всяческих грехах. Тогда легат отказался и Сверрир прогнал его. Однако мы не знаем о папских легатах в Скандинавских странах в этом году (сноска на комментарий к главе). Так если не было папского легата, что нам должна сообщить данная глава?

Автор конструирует иную реальность в рамках текста. Папский легат ничего не знает об отлучении Сверрира, что доказывает позицию Сверрира о том, что его отлучение - фикция сторонников Эйрика. И что немирье между Сверриром и клиром во многом из-за враждебности сторонников Эйрика, а папа не знает о сложившейся ситуации.

В доказательство того, что немирье - лишь козни малой группы сторонников Эйрика, приводятся события следующих глав. Сверрир имел доказательства того, что Николас епископ участвовал в заговоре с Халькеллем. Сверрир уличил Николаса в этом и Николас умолял о пощаде, обещая верность и любые присяги. Тогда Сверрир организовал съезд епископов, чтобы те выбрали духовника Сверрира вместо рукоположенного архиепископом Эйриком епископа Паля. Что и было сделано, епископом был провозглашен придворный священник Сверрира Мартейн. Эти же епископы совершили помазание и коронование Сверрира в том же 1194 году.

Летом того же года приехал человек с посланием от «конунга греков» Кирьялакса (Алексей, сын Исаака Ангела). В данном послании «конунг греков» писал, что Сверрир должен прислать ему десять сотен хороших воинов. Данное событие важно в контексте противостояния с Эйриком. По словам Эйрика, и в действительности, Сверрир был отлучен от церкви. Император Византийской империи, как написано в саге, обратился к Сверриру за военной помощью. Что еще раз должно послужить доказательством того, что отлучение – фикция [3, с. 125].

Восстание посошников в 1196 году было результатом двух предшествующих конфликтов - заговора Халькеля (1193 год) и вражды с архиепископом Эйриком. Нельзя говорить об эволюции образа посошников, так как данная война не завершилась в правление Сверрира. Однако руководители данного выступления подвергаются дискредитации.

Приемом, отражающим смену позиции Сверрира, который применяет автор в ходе конфликтов после победы над Магнусом, является раскаяние противников Сверрира, наиболее ярко одно из раскаяний описано в ходе борьбы с посошниками. Этим случаем является предательство Торстейна Кугада, когда он сдал крепость Сион посошникам [3, с. 133]. Еще более интересным представляется его возвращение к берестенникам, когда он разбил корабль с посошниками о фьорд и вплавь добрался до берега [3, с. 153]. В той же главе описывается его раскаяние, как он пал ниц, целовал ноги и молил о пощаде. Важным является сам факт раскаяния. Данный прием не раз используется в данной части саги. Первым «покаявшимся» является архиепископ Эйстейн, который перед смертью вызвал к себе Сверрира и просил прощения своих действий против него во время войны с Магнусом. Вторым случаем является раскрытие участия в заговоре Халькелля епископа Николаса, тот тоже раскаялся. Третьим случаем является раскаяние ярла Оркнейских островов. Последним же и наиболее ярким является поступок Торстейна Кугада. О чем это должно нам говорить? Можно предположить, что это свидетельствует о смене акцентов в репрезентации власти Сверрира. Тот же Эйстейн мог раскаяться во время примирения со Сверриром в 1180 году [3, с. 80]. Однако данное событие в то время имело иное политическое значение. Магнус бежал, Сверрир захватил весь флот, корону, скипетр и державу. Данный ход должен показать признание того, что Сверрир захватил власть в Норвегии, исход конфликта решен. Изучаемый прием служит подтверждению иной позиции: законность монархии Сверрира больше неоспорима и его противники в конце концов раскаяются в своих деяниях.

В целом нельзя сказать, что происходит эволюция образа посошников, так как они не были повержены при Сверрире и нельзя было дать окончательную характеристику их действиям. Однако один из лидеров посошников – епископ Николас все же получает негативную характеристику. Так или иначе в конце Сверрир показывает неправоту своих противников, используя свою же смерть [7]. Он указывает своим приближенным, будут ли знаки проклятий на его теле после смерти. Их, соответственно, не было.

Таким образом, можно сказать, что в зависимости от характера конфликта изменяется набор идей и инструментов репрезентации власти, применяемых в характеристике враждебной стороны. В совокупности можно определить, что есть дискурсивные средства (т.е. штампы, ярлыки, метафоры), используемые на различных этапах правления Сверрира и в отношении неограниченного перечня противников, так и исключительно характерные для конкретного конфликта и конкретной группы лиц, либо лица, в зависимости от занимаемого положения в обществе и отношения к главному герою.

Основными функциями создаваемых образов врагов является дискредитация противников, а также создание контрастного фона для презентации экстраординарных способностей Сверрира и его положительной характеристики как правителя.

Литература

1. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. 424 с.
2. Джаксон Т. Н. Карл Великий, Магнус Добрый и Сверрир Магнус: К вопросу о происхождении и семантике скандинавского имени Магнус // Карл Великий. Реалии и мифы. М., 2001. С. 144-156.

3. *Saga o Sverriure*. – М.: Наука, 1988. 280 с.
4. Смирницкая О. А. Исландские саги в работах М. И. Стеблин-Каменского и «Сага о Сверрире». // Сага о Сверрире. — М., 1988. С. 226—244.
5. Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. – М.: Языки русской культуры, 2001. 160 с.
6. Bagge S. Ideology and Propaganda in Sverris saga.// Arkiv för nordisk filologi 108. С. 1-18.
7. Brégaunt D. Staging deaths: King Sverre or a usurper's path to the throne. *Medievalista* [Online], 23 | 2018, Online since 07 May 2018, available at: <http://journals.openedition.org/medievalista/1591> ; DOI : 10.4000/medievalista.1591. (accessed: 11.11.2020).
8. West D. B. *Biblical Allusions in Sverris Saga*, MA dissertation in Medieval Icelandic Studies, Hugvísindasvið, Háskóli Íslands (University of Iceland), 2012. 64 p.

**THE IMAGE OF THE ENEMY
AS A TOOL FOR REPRESENTING KING'S POWER
IN THE SVERRIS SAGA: MILITARY ASPECT**

E.E. Khamidullin

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The purpose of the article is to identify aspects of the depiction of the power of the monarch in the Sverrir Saga. The article discusses various groups of opponents of Sverriere, as well as the peculiarities of representation inherent in them. Sverrir began the struggle for power as an impostor, while the country was already beginning to calm down after the round of the Civil Wars - a monarch was anointed to the throne, whose support was a powerful father and clergy. Fierce confrontation created the need to form an ideological response to possible disputes over the legitimacy of Sverrir's power. The differentiation of opponents, as well as the social situation in which they appeared, created the need to use various tools in the course of the ideological struggle. In general, it is difficult to say that there is any controversy on the pages of the Saga. The enemies of Sverrir play a certain role in the ideological paradigm of the work, by their actions proving the "ideality" of the reign of the protagonist.

Keywords: potestary imagology, "Sverrir saga", the era of civil wars in Norway, history writing.

Автор публикации

Хамидуллин Эмиль Эдуардович, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. emil-hamid@mail.ru

Author of the publication

Khamidullin Emil Eduardovich, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. emil-hamid@mail.ru

ПАМЯТНИК В.И. ЛЕНИНУ В СИЭТЛЕ: ПРОБЛЕМА «ПЕРЕНЕСЕНИЯ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.А. Шадрина, *В.И. Юртаев

*richard.thompson@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию места памятника в контексте исторической памяти на конкретном примере – памятнике В.И. Ленину, установленному в Сиэтле. Данный памятник является уникальным примером изучения феномена «перенесения» исторической памяти, так как проходит долгий исторический путь из Чехословакии в США. Если изначально, памятник являлся идеологическим оружием, главной целью которого было – убеждение масс в незыблемости режима, то, после «перенесения», значение памятника меняется. Благодаря эстетической оценке памятника меценатом Л. Карпентером, он сохранился, был перевезен в Соединенные Штаты, и был, таким образом, наделен другим культурным кодом. Его значение было переписано или даже приведено в соответствие с тем местом, куда он попал. В Сиэтле, месте, населенном другим интеллектуальным поколением, памятник становится объектом «перформансов» или нападков со стороны различных политических сил, настроенных против символов левых.

Ключевые слова: коллективная память, памятник, «перенесение» памяти, Ленин, образ.

Коллективная память – это весьма широкий термин. По Л.П. Репиной, под коллективной памятью подразумевается «комплекс разделяемых сообществом мифов, традиций, верований, представлений» [8, с. 22]. Отсюда «историческая память», как память коллективная или социальная, является совокупностью донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. Это определение не спасает от текучести самого явления, что, очевидно, объясняется многовариантной интерпретацией «памяти».

Памятник, безусловно, продукт коллективной исторической памяти. Он создается в конкретных исторических условиях и, изначально, выполняет те функции, которые возложены на него социумом-создателем. Чаще всего, памятники стараются претендовать на объективно-историческое свидетельство о том или ином событии или процессе, произошедшем в прошлом. Однако в своей сути они не являются таковым свидетельством, так как создатель и заказчик накладывает субъективный отпечаток коллективной исторической памяти. Ведь, несмотря на то, что историческая память – коллективна, она и, преимущественно, субъективна.

Памятники Ленину создавались в СССР не только благодаря желанию засвидетельствовать событие прошлого (факт свершения «дела Ленина») для будущего, но и также с целью демонстрации доминирующей идеологической парадигмы. Ленин, в этом смысле, был олицетворением советской идеи, ее главным символом. И то масштабное количество памятников, которое было создано за время существования Союза, говорит в пользу того, что памятники становились государственными трансляторами символического доминирования марксизма-ленинизма, советского политического устройства и, в частности, коммунистической партии [9, с. 63].

Памятник Ленину, который сейчас находится в Сиэтле, должен был исполнять эту же функцию. Правительство Чехословацкой Социалистической Республики поручило создание памятника болгарскому скульптору Эмилю Венкову и, в 1981 году, он был построен. Характерен сам образ, в котором предстает

Владимир Ильич: он шагает, окруженный «языками пламени». Считается, что это единственный столь агрессивный образ Ленина, выполненный в скульптуре, серьезно отходящий от «спокойного» канона, в котором Ленин может символично указывать путь, держать книгу или кепку, а также просто смотреть вдаль. Здесь же видно намерение очертить «революционный» образ вождя. Более того, сам автор, Эмиль Венков, дополнил памятник Ленину ружьями со штыками, установленными на подставке. Изначально, правительство запротестовало против такого отображения образа вождя, считая, что Ленин должен раздавать конфеты детям, держа в руках книгу [7]. Венков, по словам Льюиса Карпентера, в ответ высказался следующим образом.

«Послушайте, вы, ребята, выиграли революцию 1917 года не с помощью книг и конфет. Вы сделали это с помощью ружей и штыков» [7].

Власти все же согласились с такой трактовкой образа. Вероятно, это связано с той политической ситуацией, сложившейся в Чехословакии на тот момент. Трагические события 1968 года не прошли бесследно, и, осознавая назревающий кризис парадигмы, коммунистическое правительство решило «напомнить» населению, кто и что является их «путеводной звездой». Символично также и то, что установленный в 1988 году, памятник Ленину был уже через год удален спустя несколько месяцев после Бархатной революции 1989 года. Иными словами, свою основную функцию «напоминания» (или даже «устрашения») он так не и выполнил.

Порожденный исторической памятью, тем коллективным конструктом, который доминировал при советской системе, памятник быстро оказался опрокинут новой памятью, напрямую оппонирующей прошлой. Характерно также и то, что памятник не был снесен в ходе революции. Городские службы самостоятельно демонтировали его и определили ему место на технической территории [3]. И это притом, что в ходе революции были снесены практически все памятники лидеру большевиков. Предположительно, это связано с местом, где этот памятник был установлен. Небольшой провинциальный город Попрад (нынешняя Словакия) населяло тогда всего 50 тысяч жителей, тогда как основные события революции Бархата со всей стремительностью происходили в столицах. Зачастую, именно в таких небольших городах памятники Ленину переживали падение коммунистической власти, но, как правило, всего на несколько месяцев.

Городские власти заявили, что памятник будет переплавлен сталелитейной компанией, в случае если никто не захочет его выкупить. На это заявление обратил внимание Антон Данко, владелец зимнего стадиона и главный судья чемпионата мира по хоккею 1993 года. Он практически сразу связался со своим другом Льюисом Карпентером, который преподавал английский язык в Попраде. Карпентер, сотрудничая с местным журналистом Томашом Фюллопом, а также с некоторыми членами городского совета, как он сам многократно заявлял, пытался защитить памятник, настаивая на его ценности, как произведении искусства. В том числе, благодаря этой позиции Карпентера, местные власти все же согласились продать ему памятник за 13 тысяч долларов, отвергая идею о местной ответственности за его сохранение. Чехословацкая история бронзового Ленина, таким образом, состояла в постепенной потере историко-культурного контекста памятника, с дальнейшим отправлением его сначала на свалку, а затем продажей в частные руки [7].

Карпентеру удалось переправить памятник на родину, потратив на это еще 40 тысяч долларов, предварительно попав в большие долги и заложив

свой дом. Первоначальный интерес Льюиса, как уже отмечалось выше, был в том, чтобы сохранить памятник за его художественные и историко-культурные достоинства. Однако большие затраты принудили Карпентера к поиску коммерческой составляющей, связанной с памятником. К примеру, он хотел установить его в своем родном городе Иссакуа, штат Вашингтон, напротив этнического словацкого ресторана, открыть который он хотел после самой установки памятника. Трагическая смерть в автокатастрофе в 1994 году остановила дебаты, проводимые Льюисом с властями Иссакуа, по поводу целесообразности установки Ленина в городе. Впоследствии местное население полностью отвергло эту идею [7].

После смерти Карпентера, его родственники решили продать памятник литейному предприятию Фремонта, расположенному в одном из районов Сиэтла, для переплавки. Но основатель предприятия Питер Бревис захотел, чтобы памятник был выставлен во Фремонте. Для этого он обратился в Торгово-промышленную палату города и передал памятник в доверительное управление властям, пока не найдется покупатель [2].

Город согласился принять памятник коммунистическому вождю под свою опеку. Сейчас он располагается практически в центре Сиэтла, став настоящей местной достопримечательностью. Но какое символическое значение он приобрел после установки?

Сам район Фремонт отличается тем, что здесь проживает большое количество местной творческой интеллигенции. Памятник Ленину, зачастую, рассматривается не как монумент, а, скорее, как арт-объект, с которым проводятся различные перформансы. Неоднократно памятник одевали в одежды членов ЛГБТ-движения, наряжали в виде рождественской ели, окрашивали яркими цветами или брызгали на руки красной краской [1].

Кроме того, памятник становится объектом многочисленных политических дискуссий. Мэр Сиэтла Эдвард Мюррей от партии демократов считает, что памятник должен быть демонтирован, так как «мы не должны боготворить людей, которые совершили жестокие зверства» [6]. Washington Post, аналогичным образом, требовало принять резолюцию об удалении памятника вместе с мемориалом Конфедерации, находящимся на кладбище Лейк-Вью [6]. Американский историк Гражданской войны в США Аллен Гельцо заявил, что должно появиться движение с призывом снести данный памятник, поскольку «убийственные идеи и дела Ленина затмевают любой из грехов генерала Роберта Ли» [4]. И это несмотря на то, что юридической защитой против демонтажа является то, что памятник находится в частном владении. Юридически это значит, что его никто не может снести, кроме самого владельца.

Развернувшаяся дискуссия в 2017 году, в первую очередь, была связана с событиями, произошедшими в Шарлотсвилле. Инициатива по демонтажу памятника герою Гражданской войны Роберту Ли вызвала широкое недовольство [4]. Таким образом, памятники Роберту Ли и Владимиру Ленину были противопоставлены друг другу. Такое противопоставление не является случайным, по причине того, что для американских активистов левого движения Ленин является культовой фигурой, тогда как для американских правых такой фигурой является Ли [4].

Исторический образ Ленина давно нашел свое место в собственно американских представлениях о прошлом. В той пестроте американских левых движений он неизменно считается «своим». Но важно понимать, что Ленин всегда ассоциировался именно с протестами, радикальным проявлением со-

циального недовольства. Этот тезис подтверждается той актуализацией, как самой личности Ленина, так и памятника ему, в контексте протестов 2020 года. Так называемая «Автономная зона Капитолийского холма», ставшая неким современным прообразом Парижской коммуны, отнюдь не случайно оставила только этот памятник во всем городе. Хотя, несмотря на это, бронзовый Ленин так и не стал непосредственным символом протеста по причине большой удаленности своего расположения от «Автономной зоны».

И это притом, что некоторые идеи протестующих вторят ленинским «апрельским тезисам»: ликвидация института полиции, полная социальная обеспеченность, невозможность распространения «буржуазной» (расистской) законодательной юрисдикции на протестующих и т.д.

Другой причиной невозможности «вписать» Ленина в контекст нынешнего протеста является крайняя неоднородность самих организаторов «Автономной Зоны». Их требования разнятся, и далеко не все из них готовы идти на революционный шаг полного переустройства капиталистической системы, несмотря на свои лозунги. Объединяющим фактором здесь является исторический образ Ленина. Эта осторожность, с которой левые активисты подходят к образу лидера большевиков, напрямую связано с теми представлениями, которые существуют и связаны с ним. Парадоксально, но для протеста, что протекает сейчас в США, Ленин негласно признается слишком радикальным, а его идеи нереалистичными в сегодняшнем дне [9, с. 40-41].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Данный памятник быстро стал чужим для тех исторических представлений, которые были доминирующими в стране, его создавшей. Благодаря стечению исторических обстоятельств, бронзовый Ленин оказался в Америке. Но и здесь он не обрел какого-либо прочного места в исторической памяти. Попытка наполнения образа, который он олицетворяет, новыми смыслами лишь сильнее отделила его от социальных движений. Ленин, как памятник, не может существовать вне рамок какого-либо контекста. В советское время бронзовые памятники вождю были олицетворением того мировоззренческого и государственного устройства, который был доминирующим. Потеря этого контекста быстро привела к известному феномену «Ленинопада». Те же памятники, что остались нетронутыми, были вписаны в рамки новой политики памяти.

Американскому памятнику Ленину было суждено существовать лишь, как «произведение искусства». Он был лишен всех массовых культурных смыслов, которые он мог бы транслировать, и даже в среде современных левых не находит полного понимания. Однако сегодня существует явная перспектива «вписывания» Ленина в новую идеологическую парадигму, выстраиваемую на Западе, в частности, в США. Будет ли это повышение революционной настроенности протеста или же вульгаризация образа до упрощенных представлений – покажет время. Одно можно сказать точно, путь бронзового памятника, имеющего такую неоднозначную историю, в рамках исторических представлений явно еще не закончен.

Литература

1. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. 768 с.
2. Котелец Е. А. Ленин как политик и человек в новейших исследованиях. / Е. А. Котелец // Вестник РУДН, сер. История России, 2012, №2. С. 35-47.

3. Маркова О. Н. Страницы скульптурной «Ленинианы»: памятник В. И. Ленину в Новороссийском морском порту [Электронный ресурс] / О. Н. Маркова // Наследие веков. 2017. № 2. С. 62-68. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Markova.pdf (дата обращения 15.02.2021).

4. Berner A. Lenin statue is loved, hated – and very Fremont. / The Seattle Times. Local News. Originally published Apr. 12, 2015. available at: <https://www.seattletimes.com/seattle-news/lenin-statue-is-loved-hated-and-very-fremont/> (accessed: 15.02.2021)

5. Bush E. From Fremont to Berlin, Lenin sparks controversy. / The Seattle Times. Local News. Originally published Sep. 11, 2015. available at: <https://www.seattletimes.com/seattle-news/from-fremont-to-berlin-lenin-sparks-controversy/> (accessed: 15.02.2021)

6. De Leon F. M. Lenin Moves Into Fremont - Bronze Statue Moves From Burbs To Fremont. The Seattle Times. Jun1. 1995. available at: <https://archive.seattletimes.com/archive/?date=19950601&slug=2124030> (accessed: 15.02.2021)

7. Guelzo A. Should we banish Robert E. Lee & his Confederate friends? Let's talk. / USA Today. Aug. 16, 2017. available at: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2017/08/16/confederate-statues-banish-robert-e-lee-lets-talk-allen-guelzo-column/568795001/> (accessed: 15.02.2021).

8. Koscianski L. Toppling monuments, erasing history / The Washington Post. Sep. 24, 2016. available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/toppling-monuments-erasing-history/2017/08/18/1a4a4176-82c3-11e7-9e7a-20fa8d7a0db6_story.html (accessed: 15.02.2021).

9. Murray E. Mayor Murray statement on Confederate monument in Lake View Cemetery. / Office of the Mayor. Aug. 16, 2017. available at: <http://murray.seattle.gov/mayor-murray-statement-confederate-monument-lake-view-cemetery/> (accessed: 15.02.2021).

10. Watson E. No Capitalist, Lenin Isn't For Sale - But You Can Try To Rent Him. / The Seattle Times. Sep. 12. 1993. available at: <https://archive.seattletimes.com/archive/?date=19930912&slug=1720681> (accessed: 15.02.2021).

THE MONUMENT TO V. I. LENIN IN SEATTLE: THE PROBLEM OF "TRANSFERRING" HISTORICAL MEMORY

N.A. Shadrina, * V.I. Yurtaev

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the place of the monument in the context of historical memory on a specific example – the monument to V. I. Lenin, installed in Seattle. This monument is a unique example of studying the phenomenon of "transfer" of historical memory, as it passes a long historical path from Czechoslovakia to the United States. If initially, the monument was an ideological weapon, the main purpose of which was to convince the masses of the inviolability of the regime, then, after the "transfer", the meaning of the monument changes. Thanks to the aesthetic assessment of the monument by the patron of arts L. By Carpenter, it was preserved, was transported to the United States, and was thus endowed with a different cultural code. Its meaning has been rewritten or even adjusted to match the place it went to. In Seattle, a place inhabited by a different intellectual generation, the monument becomes the object of "performances" or attacks from various political forces opposed to the symbols of the left. The monument to V. I. Lenin in Seattle: the problem of "transferring" historical memory.

Keywords: Collective memory, a monument, transfer to the memory, Lenin, image.

Авторы публикации

Шадрина Наталья Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Юртаев Владислав Игоревич, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. richard.thompson@yandex.ru

Authors of publication

Natalia A. Shadrina, Candidate of historical sciences, docent, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Vladislav I. Yurtaev, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. richard.thompson@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА МИФОЛОГИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М.В. Юхимец
mara.yukhimets@mail.ru

Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск, Россия

Аннотация. Анализируется понятие «культурная идентичность», выявляются актуализация понятия и предпосылки трансформации культурной идентичности. На основе отечественных и зарубежных исследований определяется коннотативное значение понятия «идентичность». Изучаются различные, выделенные исследователями, социокультурные контексты, которые представляют собой взаимосвязанный дискурс. Изменчивость социокультурных ситуаций XX–XXI вв. показывает, как происходит смена единой идентичности на множественную/гибридную идентичность, как трансформируется мировоззрение и организуется новый контекст исследования идентичности. Объект исследования – идентичность в культурологических и других социально-гуманитарных концепциях. Предметом исследования является трансформация культурной идентичности под влиянием мифологизации. Без процесса мифологизации восприятие мира с учетом глобализации и децентрализации идентичности было бы невозможно, потому как миф является способом толкования реальности и её упорядочивания через социальные институты, определяющие нормы поведения, что позволяет повседневности человека быть устойчивой.

Ключевые слова: идентичность, культурная идентичность, мифологизация, глобализация, массовизация культуры.

Благодарности: Данная работа осуществлялась при поддержке и консультировании кандидата исторических наук, доцента Ефимовой Т.А.

В эпоху глобализации, когда происходит смешение культур, для любой страны становится важным сохранение собственной истории и духовных традиций, ментальности и национальных черт, то есть культурной идентичности.

Современный мир стал представлять собой сложную мозаику дискурсов, организованную и взаимосвязанную систему, где интеграция человека в межкультурное поле показывает, как будучи устойчивой структурой (кодом культуры), идентичность становится гибридной в условиях глобализации и процессуальности социокультурных ситуаций. Перечисленные процессы содержат в себе инструмент, способствующий организации мировоззрения, выстраиванию идентичности посредством образа, символа, знака и мифа. Этим инструментом является мифологизация. Необходимо акцентировать внимание на культурной идентичности с позиции процесса мифологизации, что может дополнить комплексный подход к изучению идентичности.

Целью исследования является рассмотрение трансформации культурной идентичности под воздействием мифологизации, специфического инструмента XX–XXI вв.

Стоит отметить, что культурная идентичность – универсальный механизм сохранения культурных и социальных связей (исторической памяти поколений). Само понятие «идентичность» актуализировалось в научном и гуманитарном знании в 1940-х гг. благодаря теории идентичности Э. Эриксона [7, с. 23–25]. Впоследствии идентичность стала исследоваться в таких областях научного знания как: социология, антропология и психология. Под влиянием постмодернистских установок 60-70 гг. XX в. идентичность приобрела критический и междисциплинарный характер. В современное время она изучается как в естественно-научных, так и в социально-гуманитарных областях знаний.

Проследивая историчность понятия «идентичность», необходимо уточнить, что в XX в. вместе с модернизацией параллельно развивались науки и, как следствие, росли социально-экономические показатели, происходило перемещение групп в социальной структуре общества. Глобально менялась социальная мобильность (карьера, образование), что способствовало вовлечению общества в активное межкультурное поле коммуникации, которое стало возможным за счёт появления мобильной связи, персонального компьютера и Интернета. Доступность ресурсов, реорганизация производства и технологий привели к развитию массовой культуры, основными чертами которой стали общедоступность, коммерциализация и медиапотребление, которые в комплексе с мифологизацией повлияли на культурную идентичность [11].

Например, М. Маклюэн отмечал, что сложился новый тип коммуникации и культуры – глобальная деревня, означающая, что люди получили доступ к любой точке мира за счёт технологических новшеств [4, с. 31–33, с. 42–48]. Начался процесс упрощения форм национальных культур и языков для более эффективной коммуникации между разными культурами. Уникальные традиции и различия массовизировались, складываются различные мифы, способствующие адаптации человека под новые условия конца XX и начала XXI вв.

Прежде чем рассматривать процесс мифологизации, необходимо обозначить ряд постмодернистских установок, выделенных теоретиком И. Хассаном, которые имели влияние на социальные процессы и стали реагентами трансформаций [10, с. 354–357]:

1. Индетерминизм (неопределённость, случайность)
2. Фрагментированность (отказ от притязаний на создание целостных картин бытия)
3. Деканонизация (отказ от доминирования единого канона)
4. Безглубинность (отказ от разделения осмысляемых объектов на сущность и явление)
5. Нерепрезентативность (отказ от поиска реальности как референта всех текстов)
6. Ирония (саморефлексивность)
7. Гибридизация (смешение жанров)
8. Карнавализация (полифоничность, игровой характер бытия, самокритичность)
9. Конструкционизм
10. Имманентность (отказ от поиска трансцендентного).

Выделенные установки обусловили новый контекст современных исследований культурной идентичности, в том числе углубили и усложнили её теоретический концепт. Из этого следует актуализация проблемы поиска идентичности как ментального, так и социокультурного ядра различных культур.

Данное утверждение, например, можно подтвердить разработанным понятием «эпистема» М. Фуко, которая является организующим механизмом, кодом культуры, включающим содержание историко-культурного опыта. М. Фуко выделял три типа ментальности, эпистемы: эпоха Возрождения XV–XVII вв., Классическое время XIX в. и Современность XX в., каждый из этих периодов показывает свою организацию языка, текстов, форму мышления и сознания, взаимодействия традиций и народности [2]. Тоже самое представлено в основе идентичности, потому как определение понятия «идентич-

ность» включает в себя содержание исторического и культурного опыта, самосознание, мышление и язык, и является фундаментальным кодом культуры, чей генезис можно проследить, начиная от древней истории и до современного времени [5]. Данный пример характеризует то, как усложнился контекст исследований, в том числе идентичности.

Ещё одним показательным примером является работа З. Баумана «Гекучая современность», где идентичность рассматривается вместе с массовой культурой и с влиянием процесса глобализации на индивида [1, с. 23–25, с. 70, с. 92]. Постмодернистские установки, перечисленные И. Хассаном стали основанием для «*проклятия конструирования идентичности*», когда сущностью культурной идентичности становится индивидуализация и личностная ответственность за её формирование [6, с. 53–57]. Возникло состояние размытости между индивидом и обществом. Произошла атомизация общества, распад социальных связей, которые, например, в СССР идеологизировались на уровне государства, когда власть вела контроль за декларированием социально-коммунистической идеологии как основной формы мировоззрения, жизнеустройства и идентичности. Как и в XX в., так и в XXI в. человек обратился к мифологизации как к способу интерпретации социокультурных трансформаций с целью поиска упорядоченности. Только с одной разницей, в период СССР идентичность была на уровне государства единой формой сознания, в то время, как современная идентичность имеет разные межкультурные контексты, она становится двойственной.

Глобализация с одним из свойственных ей мифов, например, объединения всех культур в одно целое, что должно привести к положительному эффекту для национальных экономик, так как они взаимно будут поддерживать друг друга, остаётся идеализацией. Наоборот, в XXI в. всё больше обозначается позиция мультикультурализма, в основе которого по мнению исследователей – отказ от интеграционных процессов ассимиляции и глобализации (Э. Гоффлер, У. Кимлика, Ф. Фукуяма).

Понятие «идентичность» раскрывает широкий спектр представлений, оно является собирательным и может рассматриваться с точки зрения науки, с позиции философских категорий и психологии.

Например, Х.Г. Тхагапсоев. приводит формулировку связи-отношения, то есть тождественности «Я» образцам, эталонам и моделям поведения, где идентичность сочетает в себе субъектное и объектное начала. Отсюда подтверждается то, что она является процессуальной, потому что специфика социально-гуманитарного знания такова, что оно фиксирует акты общения, коммуникацию индивидов и соотносится с актами идентификации. В данном случае коммуникативное действие представляется обменом информацией, что характеризуется как производство людьми смысловых значений бытия.

Таким образом, социальность и коммуникация организуют идентичность, которая конструируется, воспроизводится и интерпретируется в повседневной жизни людей. Отмечая особенность социально-гуманитарных наук, широко использующих архетипы, психотипы и типы культур, стоит отметить, что применение идентичности как философской категории интегрирует совокупность знаний о реальности, синтезирует её с помощью маркеров, объединяет все идеальные типы в смысловое единство категорий. В этом смысле идентичность – это концептуальная основа, универсальный механизм, который синтезирует идеальные типы и маркеры (будь то культур-

ные, ментальные, антропологические различных культур и выстраивает их в дискурсе) [9, с. 12–19].

Переходя к процессу мифологизации, необходимо обозначить, что в современном понимании миф – это массовая форма переживания, выражения и поиска стабильности в конструировании человеком проекта своей жизни. XX–XXI вв. стали восприимчивы к мифологизации, так как с активной миграцией, влияющей на идентичность, актуализируется модификация соответствия принадлежности по рождению, то есть рассматривается трансформация главенства принадлежности к одной общности, родной культуре, которые заменяются в современных условиях тем, что человек может входить в разные культурные группы без негативных последствий для родной культурной группы.

В соответствии с этим З. Бауман вводит понятия *множества идентичностей* и *гибридность идентичностей*, что означает вовлечение в конструирование национальной идентичности заимствований из других культур. Гибридная идентичность становится инструментом социокультурной мобильности, в то время как замкнутая на себе идентичность родной культурной группы обнаруживается неполноценной, ограниченной в условиях современного мира.

Вместе с этим актуализируется мифологизация как инструмент поиска обществом новых ориентиров, социокультурных ценностей, что пролонгирует идентичность. Например, В.О. Коротин, отмечает, что процесс мифологизации в условиях глобализации наполняет идентичность содержанием взаимодополняющих смыслов, что согласуется с мнением З. Баумана о гибридном, текучем состоянии современности [3, с. 36–38]. Например, А.Н. Раевский отмечает, что: «*Социум становится неопределенным, оставляя без норм и правил обширные сферы поведения человека, постоянно меняется, лишая людей возможности определить свою самобытность*». Данный тезис характеризует гибридную/множественную идентичность, что является показательным результатом трансформаций [8]. Получается, что теряется устойчивость восприятия мира, разрушается цельность социальной среды, что приводит вновь к поиску и «*расширению функционального поля иррациональных способов освоения действительности*» [8]. Расширяя границы родной культурной группы при взаимодействии с другими культурами, идентичность действует в комплексе с мифологизацией, как с инструментом, который нацелен на адаптацию индивида в новых культурных условиях и способствует успешному вхождению в чужую культуру и усвоению не родных образцов поведения.

Например, подобный процесс вхождения «чужого» в новую культурную среду описывается в эссе А. Шютца «Чужой». Показывается процесс взаимодействия «чужого» с культурными образцами групповой жизни, включающей институты, системы ориентации и руководства как то: обычаи, нравы, законы, этикет и мода [12, с. 192–206]. В данном примере характеризуется само содержание преодоления границ родной культурной группы и расширение идентичности через вступление в повседневный уклад не родной культуры.

Отсюда современная реальность представляется текучей в том смысле, что снимаются ограничения на традиции и знания о прошлом культур. При таком массовом доступе к знанию, благодаря открытости текстов современной культуры и признанию множественности культур в противовес глобализации, происходит разрушение привычного состояния нахождения в одной системе координат. Теперь необходимо быть во множестве дискурсов. Главной особенностью современности становится способность к постоянной и

стремительной изменчивости и реорганизации, превалирует навык поиска эффективных и практических воплощений своей «гибридной» идентичности, что является новым показателем социально-экономических изменений.

«Быть современным означает постоянно опережать самого себя», так определяет состояние современной культуры З. Бауман, тем самым подчёркивая, что желание сделать свою жизнь проектом, произведением – это есть идентичность как стремление соединить частичные объекты, по природе фрагментированные, в совокупность через мифологизацию. В таком случае, мифологизация задаёт направление идентичности, то есть воплощает хроно-топ (пространственно-временную связь, закономерность культурного опыта), взаимосвязь, когда, проникая из родной культурной группы в культурный образец другой группы, происходит трансформация культурной идентичности. В ситуации открытости разных культурных контекстов государствам необходимо поддерживать единую национальную идентичность, поэтому формируются политические мифы, имидж.

Миф универсален, потому как характерен для всех культур и является конструктом, который помогает выстроить схему поведения человека. Это становится возможным за счет доступности образов, которые легко воспроизводятся визуально. Миф оперирует эмоциями человека, что характерно и для массовой культуры, которая основывается на чувствах, сиюминутных желаниях человека и, тем самым, становится манипуляцией через навязывание определенного образа жизни, воспитания, мышления, то есть через политику, идеологию, культуру, рекламу.

В поисках собственной идентичности человек сталкивается с мифологизацией, с мифологемами и стереотипами. Эта ситуация актуализируется в историческом процессе, когда общество ищет новые ориентиры, социокультурные ценности. Тоже самое происходило в начале XX в., когда общество выстраивало основание нового советского государства, являющегося противоположностью царской России. Миф является основанием для мировоззрения, создаёт картину мира и консолидирует различные культурные группы. Например, мифологизация происходит в сложении социального мифа, который помогает сохранять и воспроизводить социальный порядок, потому как миф, выделяет Е.М. Мелетинский: «*Это древнейший способ концептирования окружающей действительности и человеческой сущности... синкретическая колыбель различных видов культуры – литература, искусства, религии, философии и науки*» [8]. Тем самым утверждается, что миф воплощает практическую функцию, потому что является живым и вечным началом. Миф создаёт модель мира, чтобы поддерживать общественный, личный и природный порядок.

Таким образом, возвращаясь к цели исследования, необходимо указать, что в глобализованном мире традиционное восприятие идентичности (национальное) перестаёт быть эффективной возможностью личностного роста индивида, возникает гибридная идентичность (индивидуализированная). Данное утверждение можно подтвердить словами З. Баумана: «*Современность заменяет гетерономное (кантовское определение, означающее моральные, нормативные правила, основанные не на собственных началах, а на общественных началах) определение социального положения обязательным самоопределением*». В сознании укрепляется, мифологизируется то, что быть в нескольких культурах одновременно помогает адаптации и саморазвитию индивида, но при этом культурной политикой любой страны на национальном уровне пропагандируется сохранение исторических традиций, ценностей

и культуры. Отсюда подтверждается тот факт, что идентичность, как обнаруживают исследователи, становится двойственной или по-другому гибридной. Человеку необходимо научиться совмещать несколько культурных контекстов, чтобы оставаться на плаву актуальных тенденций. Это означает, что необходимо сочетать национальную идентичность страны, в которой индивид находится и собственную идентичность, с которой он себя соотносит.

Исходя из этого мифологизация, воздействуя на культурную идентичность, помогает сохранять и воспроизводить социальный порядок. Поэтому в современной реальности последствия глобализации и размывания границ между культурами, разрушение привычного состояния нахождения в одной культуре привели к тому, что главной способностью становится постоянное обновление собственных компетенций, навыков, профессиональной и культурной идентичности. Это связано также с изменениями, происходящими в социально-культурном и экономическом пространствах, где важно проектное сотрудничество между научными сообществами, межкультурная кооперация и коммуникация, потому как сотрудничество разных культурных групп может привести к более прагматическому и продуктивному результату, чем действие в одной группе.

Литература

1. Бауман З. *Текущая современность* / З. Бауман ; пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Дианова В. М. История культурологии. Постструктурализм М. Фуко [Электронный ресурс] // Studme: учебные материалы для студентов. – Электрон. дан. – [Б. м.], - 2013. – URL: https://studme.org/1584072011864/kulturologiya/istoriya_kulturologii (дата обращения: 27.01.2020).
3. Коротин В. О. Мифологизация как инструмент конструирования национальной идентичности // XXI век: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. - № 6(28). – С. 36–39.
4. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга* / М. Маклюэн. – Киев : Ника-Центр, 2004. 432 с.
5. Малахов В. С. Идентичность [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИДЕНТ%25D (дата обращения: 15.02.2020).
6. Пасисниченко А. В. Конструктивистская концептуализация социальных идентичностей: теоретический вклад З. Баумана [Электронный ресурс] // Философия и социальные науки. 2014. № 3. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/106176/1/53-57.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).
7. Полякова Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. - № 14. С. 22–42.
8. Раевский А. Н. Мифологизация и поиски идентичности в контексте социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Постмодерн. Общество, религия, культура. URL: <https://culture.wikireading.ru/91662> (дата обращения: 25.02.2020).
9. Тхагапсоев Х. Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия [Электронный ресурс] // Философские науки. 2011. № 1 Suppl. С. 10-25. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1765/1697#> (дата обращения: 17.02.2020).
10. Философия культуры. Становление и развитие. Раздел III. Философия культуры XX в. Глава 12. / М.С Каган [и др.]. – СПб: Лань. 1998. 448 с.
11. Флиер А. Я. Современная культура как тенденция [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2012. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Flier_Contemporary-Culture/ (дата обращения: 7.11.2020)
12. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* / А. Шютц ; пер. А. Я. Алхасова. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 334 с.

INFLUENCE OF THE PROCESS OF MYTHOLOGIZATION ON THE TRANSFORMATION OF CULTURAL IDENTITY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION**M.V. Yukhimets**National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

Abstract. The concept of "cultural identity" is analyzed, the actualization of the concept and the prerequisites for the transformation of cultural identity are revealed. On the basis of domestic and foreign research, the connotative meaning of the concept of "identity" is determined. Various socio-cultural contexts identified by researchers, which represent an interconnected discourse are studied. Variability of socio-cultural situations of the XX - XXI centuries. shows how the change of a single identity to multiple / hybrid identity occurs, how the worldview is transformed and a new context for the study of identity is organized. The object of the research is identity in culturological and other social and humanitarian concepts. The subject of the research is the transformation of cultural identity under the influence of mythologization. Without the process of mythologization, the perception of the world, taking into account globalization and the decentralization of identity, would be impossible, because myth is a way of interpreting reality and ordering it through social institutions that determine the norms of behavior, which allows a person's everyday life to be stable.

Keywords: identity, cultural identity, mythologization, globalization, massification of culture, multiculturalism.

Acknowledgements: This work was carried out with the support and advice of Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Efimova T.A.

Автор публикации

Юхимец Марта Владимировна, студент, Национальный Исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия. mara.yukhimets@mail.ru

Author of the publication

Marta V. Yukhimets, student, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. mara.yukhimets@mail.ru